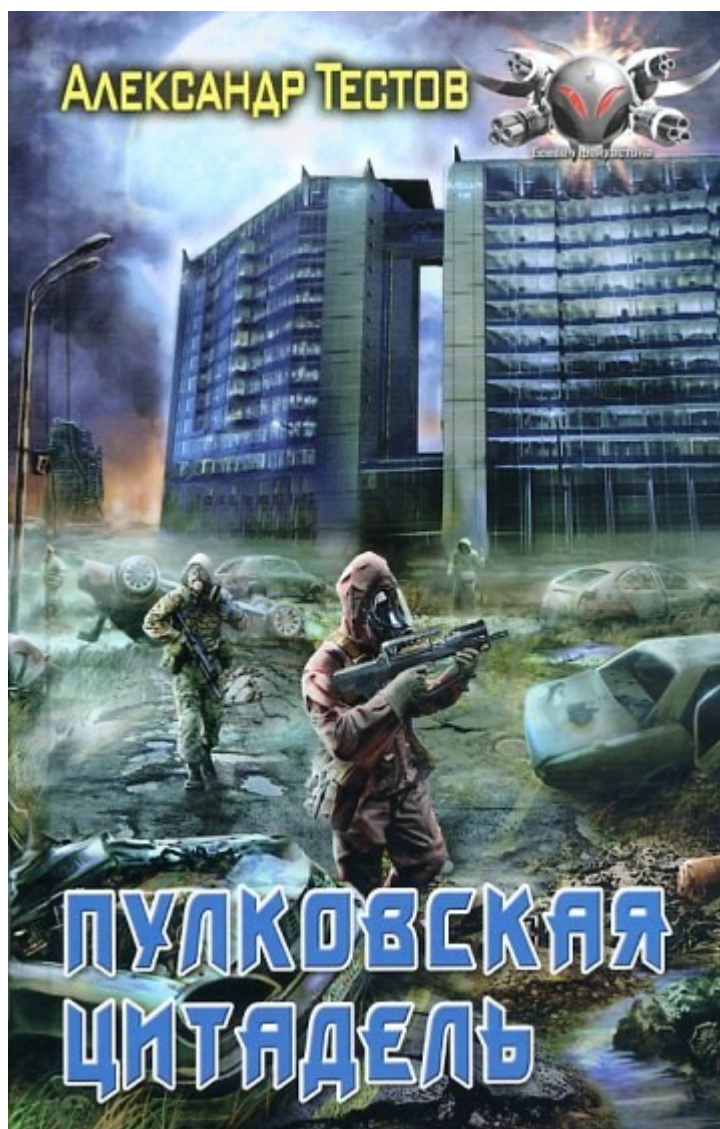

Александр Тестов
Пулковская цитадель

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - the097; OCR, ReadCheck - Guardmitr;
Дополнительная вычитка, Conv - shtuks)

«Пулковская цитадель / Александр Тестов»: Лениздат; СПб; 2011

ISBN 978-5-9942-0729-1

Аннотация

Город превратился в ад. Еще недавно цветущий и многолюдный, теперь он похож на призрак. Здания рушатся, трупы никто не убирает с улиц... Всюду хаос и отчаянье. Всему виной неизвестный вирусный штамм. От него нет вакцины. Происхождение его неизвестно. Все неизвестное пугает еще больше... Власти изолировали город.

Оставшиеся в живых предоставлены сами себе. И каждый выживает как может. Кто сплотившись в кланы, а кто и по одиночке...

Группа отчаявшихся людей нашла приют в бизнес-центре. Теперь это их рубеж обороны. Их Цитадель.

Александр Тестов

Пулковская цитадель

Автор выражает глубокую признательность Татьяне Смирновой и доктору Виктору Круглову за оказанную поддержку и неоценимую помощь в написании данного романа.

Все события и персонажи вымышленные, те или иные совпадения абсолютно случайны. И не дай нам Бог...

*Опять приходит с обыском конвой
Опять нашли в подвале пулемет.
Я думал — тот же, нет — уже другой.
Какая сволочь их туда кладет?*

ПРОЛОГ

Сентябрь 1941 года, Москва, Кремль, кабинет И. В. Сталина.

— Садитесь, товарищ Жуков.

Георгий Константинович прошел вперед, отодвинул стул, сел. Сталин сидел во главе стола и задумчиво курил трубку. На длинном столе была разложена карта Ленинграда. Жуков успел это заметить, он понял, что разговор пойдет об обороне города.

— В последние дни, — Иосиф Виссарионович выпустил небольшой клуб дыма и положил трубку на хрустальную пепельницу, — под Ленинградом сложилась тяжелая... я бы сказал безнадежная ситуация.

Жуков едва заметно дернул головой. Он знал, что четвертого сентября немцы начали обстрел самого города, а восьмого захватили Петрокрепость.

— Видимо, пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным. — Верховный умолк и пристально посмотрел на генерала.

— Считаю, что Ленинград можно и нужно удерживать! — Жуков четко произнес каждое слово.

— Ворошилова я уже распорядился отозвать. Мне доложили, что маршал лично водил солдат в атаку. Не хватало еще, чтобы Первого маршала страны убили или взяли в плен. Вот будет германцам забава.

Жуков не поверил своим ушам. Пусть в кабинете кроме них двоих никого не было, и все же генералу не верилось. Сталин был откровенен как никогда.

— Есть мнение, — продолжил Верховный, — назначить вас, — он сделал ударение на последнем слове, — командующим обороной Ленинграда. Поезжайте и сделайте все возможное.

Георгий Константинович понял, что беседа окончена. Он встал, чуть слышно щелкнул каблуками и произнес:

— Разрешите идти.

— Идите.

Жуков развернулся и уверенной походкой покинул кабинет Верховного.

* * *

Тринадцатого сентября Георгий Константинович прибыл в осажденный город. Вместе с ним прибыл комиссар госбезопасности третьего ранга.¹ В последний момент сам товарищ

¹ Комиссар госбезопасности третьего ранга — специальное звание высшего командного состава НКВД, соответствует армейскому званию генерал-лейтенант.

Берия попросил Жукова взять комиссара с собой, мол, у него ответственное поручение в Ленинграде. Машины уже ждали. Расстались быстро. Первым отошла машина с новым командующим ленинградским фронтом, следом сопровождение.

— Товарищ комиссар госбезопасности третьего ранга, прошу в машину. — Старший лейтенант залихватски козырнул и услужливо открыл дверцу.

Комиссар в длинном кожаном плаще с пристегнутым меховым воротником молча сел на заднее сиденье. Машины покинули взлетное поле и выехали на хорошо укатанную дорогу.

— Что у вас, Каргуль?

Лейтенант обернулся с переднего сиденья.

— Так все исполнено согласно плану. Точно в срок. Товарищ Самойлов ждет.

— Хорошо.

Машину внезапно подкинуло на ухабе, и офицеры красиво приложили водителя по всей его родне.

Часть первая МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

*Зловещие объятья вражеских рук —
Их ощутил великий русский город.
А нечисть, объявившаяся вдруг,
Испытывала ненависти голод.
Кольцом блокадным город обручен
С врагом, не знавшим ранее препятствий.
Тот, ослепленный золотом икон,
Шептал себе: «Иди, бери и властвуй!»
Но город твердо знал — себя сберечь
От волчьих лап зарвавшегося гада
Он сможет — не об этом речь,
О людях, в нем живущих, думать надо.
А те крепились из последних сил,
Уснувших приютила Пискаревка.
Кусочек хлеба стограммовый был
Кусочком счастья — золотой подковкой...
...Года идут. Блокады больше нет,
Нашествие врагам тем вышло боком.
Нам города голодного портрет
Лишь память нарисует ненароком.²*

Глава первая ПРЕД ГРОЗОЙ

Сентябрь 1941 года, Ленинград, проспект Володарского, дом 4, Управление НКВД.

— Товарищ старший майор,³ у нас все готово, — по-военному вытянувшись, доложил человек в медицинском халате. Это подобие армейской выправки ему совершенно не шло.

Его профессорская борода торжественно топорщилась, а пенсне, съехавшее на кончик

² Стихи Татьяны Реготовой.

³ Старший майор — специальное звание офицера НКВД до 1943 г. Соответствует армейскому званию генерал — майор.

носа, придавало человеку вид светила науки.

— Показывайте, Илья Михайлович, — спокойно ответил старший майор.

— Прошу сюда.

Два шага по коридору — и они оказались перед массивной металлической дверью. Профессор принялся крутить кремальеру. Огромный штурвал с трудом вращался и поскрипывал от натуги.

Старший майор терпеливо ждал. Его длиннополый кожаный плащ был наглухо застегнут. Какие бы то ни было знаки различия на плаще отсутствовали — оно и понятно, обмундирование-то не табельное. Но его здесь знали в лицо. Сергей Николаевич Самойлов, начальник секретной медицинской лаборатории при Ленинградском НКВД, был человеком особо приближенным к... и тут палец шушукającychся сотрудников всегда тянулся вверх. Прошу, — коротко пригласил профессор, вытирая испарину со лба.

Старший майор переступил через массивный порог и оказался в просторной лаборатории № 1, в вотчине профессора Никодимовского Ильи Михайловича. Хорошо освещенное помещение хранило абсолютную тишину. Персонал был эвакуирован еще сутки назад, и теперь рабочие столы сиротливо стояли вдоль стен. Сотни пробирок, спиртовок, колбочек, скляночек и прочих емкостей отсвечивали разноцветными жидкостями. Инструменты были аккуратно сложены на большом столе посреди лаборатории. Везде чистота и порядок.

— Вся документация здесь. — Никодимовский прошел к центральному столу и бережно, словно ребенка, взял огромную бумажную папку. — Тут все отчеты о проделанной работе. Результаты опытов и финальная формула.

Начальник лаборатории молча кивнул и принял папку. Но его взгляд холодных серых глаз продолжал буравить профессора в ожидании главного ответа.

— Прошу сюда, Сергей Николаевич. Все в сейфе.

Профессор провел начальника к высокому несгораемому сейфу, на дверце которого красовался императорский двуглавый орел и надпись: *«Сейфы Акинфа Пронина, С-Пб, 1909 г. поставщикъ Его Императорскаго Двора»*. Сейф был политически совершенно не выдержан, но зато прекрасно хранил секреты первой лаборатории.

Никодимовский набрал шифр, вставил ключ и повернул запорную ручку. Дверь бесшумно отворилась.

— Вот, — торжественно изрек профессор, рукой указывая на содержимое сейфа, — сто восемьдесят четыре колбы с готовым раствором.

Самойлов склонился и цепким взглядом пробежался по полкам сейфа, уставленным стойками с маленькими емкостями.

— Все колбы опечатаны сургучом.

— Гарантия?

— Сургуч надежно защищает состав. Проникновение, испарение равно нулю. — Профессор поправил пенсне. — В нужный момент их можно...

— Я понял... — перебил его начальник.

— Товарищ Самойлов... Сергей Николаевич, эффект превзошел все наши ожидания. — Никодимовский склонился и зашептал почти в самое ухо собеседнику: — Сто процентное поражение вражеской группировки гарантировано. Как вы и просили. Немцам не видать колыбели нашей революции. Как только они войдут в город...

— Хорошо. Очень хорошо, Илья Михайлович. Родина и партия вас не забудут.

— Я не один. Прошу отметить всю лабораторию.

— Несомненно. Сам товарищ Сталин следил за вашими успехами.

При упоминании имени вождя профессор выпрямился, расправил плечи. Он был готов к награде... к Сталинской премии прямо сейчас.

Глаза старшего майора несколько оттаяли, он положил руку на плечо Никодимовскому.

— У него есть название?

— Мы назвали его ВВВ.

— ВВВ?

— Да. — Профессорская борода нервно дернулась. — Вирус великого возмездия.

— Отличное название. Закрывайте сейф.

Товарищ Самойлов отдернул руку и внимательно проследил за манипуляциями профессора, запоминая шифр замка и последовательность действий. Когда сейф оказался запертым, он протянул ладонь.

— Ключ, Илья Михайлович.

— Да, конечно. — Никодимовский протянул ключ, но от пронизательного взгляда энкаведешника не укрылось легкое смущение на лице медика.

— Он в единственном экземпляре?

— Что вы, Сергей Николаевич! — Профессор отшатнулся в сторону. — Как можно? Конечно, в единственном...

— Успокойтесь, я вам верю.

Они покинули лабораторию. На этот раз Самойлов помог профессору закрутить кремальеру. Затем они прошли длинным коридором, который заканчивался такой же массивной дверью. За ней их ждали бойцы НКВД. На полу лежали ящики, бухты кабелей, куски проволоки...

— Ну вот и все, Илья Михайлович, — многозначительно изрек комиссар, поправляя папку под мышкой, — прощайте.

Самойлов тут же кивнул в сторону, и профессора обступили двое бойцов.

— До свидания... — ответил профессор, дернувшись от крепких объятий, и тут же поник головой. Он все понял.

Энкаведешники подхватили Никодимовского под локотки и стремительно увлекли его за собой по коридору.

Старший майор проводил их взглядом и, только когда процессия скрылась за поворотом, скомандовал:

— Старший лейтенант Каргуль, за мной!

Не дожидаясь реакции на свои слова, Самойлов направился обратно к лаборатории. Высокий молодой офицер в форме старшего лейтенанта НКВД последовал за ним. Вдвоем они открыли кремальеру и вошли внутрь.

— Вот ваша задача, лейтенант, — комиссар подошел к сейфу.

— Так точно.

— Дверь... — Самойлов склонился над сейфом и через несколько секунд открыл дверцу. — Дверь должна быть открытой. Вам все понятно?!

— Так точно. — Лейтенант четко козырнул.

— Даю два часа. Закладывайте заряды!

— Есть!

Глава вторая ВИРУС

9 сентября 2013 года, Санкт-Петербург, Литейный проспект, дом 4, Управление ФСБ РФ.

Оплот законности и порядка в Ленинграде был торжественно введен в строй к ноябрьским праздникам 1932 года. Строительство началось по личному распоряжению товарища Кирова, и над чертежами тогда склонили головы лучшие архитекторы города. Как только обыватели узнали, для кого возводят здание в квартале между улицами Шпалерной и Захарьевской, тут же поползли слухи...

Но главный козырь людская молва берегла на самый день открытия — 7 ноября 1932 года. Восьмиэтажное здание тут же нарекли Большим домом, а из уст в уста пошла гулять по городу легенда, что, дескать, под землей дом имеет столько же этажей. Подвалы НКВД

наводили страх и ужас на советских граждан. Подвалы...

* * *

Четверо рабочих в одинаково запыленных комбинезонах темно-синего цвета, сложив руки на груди, рассматривали внезапно возникшее препятствие.

— Ну и откуда тут эта кладка? — возмутился чернявый и демонстративно полез в карман за сигаретами.

— Убери! — рявкнул на него рядом стоящий мужик в желтой строительной каске. — Сколько раз тебе Михалыч говорил — тут нельзя курить.

— Ой, да ладно.

— Коля, хорош, — вмешался третий. — Надо Михалыча звать. У нас на чертеже этой стены нет.

— Вот-вот, — поддакнул четвертый, на вид самый молодой из всех. — Нам все равно дальше идти надо.

Черноволосый Николай, так и не отважившись закурить, подошел к кирпичной кладке и провел рукой по швам.

— Цемент не такой уж и старый.

— Да в этих подвалах сам черт ногу сломит. Старый, не старый... Сколько раз тут все перестраивали, одному Берию известно, — хмыкнул молодой.

— Шибко умный ты, Иван, как я погляжу.

Все четверо обернулись на голос. За их спинами стоял высокий мужчина в рабочей куртке и белой каске на голове — Михалыч.

— Вот ты нам и скажи, Михалыч, что делать? Ломать, или чего?

Мастер прошептал к препятствию, окинул стену взглядом.

— Конечно ломать. Нам по плану еще метров двадцать надо пройти. На старых чертежах четко обозначено, что тут, — он хлопнул ладонью по стене, — должен быть коридор и большая комната. Так что, мужики, давай — ломай!

Самый молодой из рабочих — Иван — умчался по коридору и вскоре вернулся, разматывая бухту удлинителя. Решили работать сразу в два перфоратора.

— Давай, Сергей, заводи рок-н-ролл! — скомандовал мастер и отошел чуть назад. По всему было видно, что Михалыч останется на месте до полного разрушения стены. Интересно ведь...

Рабочие тяжело подняли увесистые перфораторы и включили их почти одновременно. Стальные жала впились в кладку, сокрушая своей мощью кирпичи. Дело пошло резво, стена крошилась на глазах.

Короткий перерыв. Убрали мусор из-под ног — и вновь за работу. Бригада провозилась почти полтора часа, прежде чем отложила перфораторы в сторону. Несколько десятков ударов кувалдами довершили падение стены.

— Есть! — гордо изрек Сергей, отбрасывая кувалду. — Приходи, Михалыч, любоваться!

Мастер чуть выждал, пока пыль осела, а затем, включив фонарь, первым шагнул в темный проем.

— А ну, мужики, посвети!

Следом за ним прошли и все четверо рабочих. У каждого нашелся фонарь, и теперь пять лучей ярко освещали длинный коридор.

— Смотрите! Там дверь! — первым подал голос рабочий, идущий следом за мастером.

— Ну ты глазастый, Петро!

Несколько быстрых шагов приблизили бригаду к находке. Высокая металлическая дверь, выкрашенная в темно-зеленый цвет, имела посередине кремальберную задвижку.

— Открывай, — распорядился Михалыч, и тут же две пары рук вцепились в колесо.

Кремальбера поддавалась на удивление легко. Несколько поворотов — и дверь, едва

слышно пискнув, отворилась.

— Светите, — приказал мастер, переступая высокий порог.

Минуто они осматривались, направляя лучи фонарей в разные стороны. Стеллажи с какими-то емкостями, вдоль стен столы, сплошь уставленные колбами, подставками, спиртовками и прочими медицинскими штучками.

— Это что? Лаборатория? — первым догадался Иван.

— Умен не по годам... — заметил Михалыч и двинулся вперед к сейфу. — Гляньте.

В свете пяти фонарей старинный сейф красовался как днем.

— Сейфы Акинфа Пронина... поставщикъ Его Императарскаго Двора, — по слогам прочел Иван.

— Старый.

— Ага...

Сейф оглядели со всех сторон, но трогать не решились.

— Так... — Мастер загородил своим телом сейф. — Все на выход. Иван, дуй наверх. Доложи дежурному.

* * *

Точно через пятнадцать минут вниз спустились трое в штатском. Они внимательно оглядели находку — столы с пробирками и с инструментами...

— Затем сверили чертежи, которые были у мастера строительной бригады, с теми, что принесли сами. Рабочие с интересом следили за происходящим, но по непроницаемым лицам эфэсбэшников было непонятно, радуются они находке или нет. Их созерцание продолжалось недолго. Один из сотрудников управления скомандовал им покинуть помещение. Рабочие ушли, остался только Михалыч.

После беглого осмотра лаборатории переключились на главный предмет. Эфэсбэшники тщательно изучили сейф со всех сторон, и, не найдя ничего подозрительного, один из них решил дернуть за ручку.

— Может, не заперто...

Дверь, и правда, оказалась не закрытой. Смелчак от удивления аж причмокнул и потянул дверцу на себя. Он успел приоткрыть ее лишь на треть, как раздался взрыв. Несильный. Внутри сейфа жалобно задребезжало стекло, послышался звон разбитой посуды. Державшегося за ручку сотрудника откинуло в сторону. Он не устоял на ногах, упал. Остальные, инстинктивно прикрывая лица руками, отшатнулись от сейфа. В свете мигающих фонарей вырвавшееся из сейфа белое облако показалось им сказочным туманом, наползающим на них из преисподней.

— Что за черт!

— Какого...

— Ах ты!

Туман быстро заполнил собой всю лабораторию, нашел выход и пополз по коридору. Уже в следующую секунду дыхание у присутствующих перехватило. Они стали жадно хватать ртом отравленный воздух.

— Выходим... Выхо...

Движения людей больше напоминали танец тряпичных кукол, чем осмысленные действия. Их кидало из стороны в сторону. Тела натыкались на столы, друг на друга...

— На вых...

Они еще пытались сопротивляться этой неизвестной напасти, но яд душил, лишая их последней надежды.

До порога лаборатории дополз только Михалыч. Он едва смог перевалиться через высокий приступок и, содрав с себя каску, принялся колотить ею по бетонному полу.

— На помощь... на пом...

Туман, словно живое существо, полностью втянулся в коридор и шел верхами.

Михалычу внизу показалось, что дышать стало чуть легче. Он припал щекой к холодному полу и продолжал звать:

— Эй! На помощь!

Мастер видел, как вытянутое молочное облако ушло вперед, на свет в дальнем коридоре. Туда, где должна быть его бригада.

— Коля! Сергей! На пом...

Михалыч сделал глубокий вздох и... сердце остановилось. Его криков так никто и не услышал.

* * *

— Какого черта!

— Что за хрень!

Бригада дружно курила в специально отведенном месте и так же дружно узрела наползающий по коридору туман.

— Пожар? — Сергей, самый старший в бригаде, моментально выбросил окурочек в урну.

— Горим! — подхватил Иван и первым ринулся к лестнице.

— Бежим!

— Уходим!

Они рванули к спасительной лестнице, когда до белого облака оставалось не больше семи метров. Рабочие лихо влетели на лестницу и, миновав два пролета, ворвались в подсобку на первом этаже здания.

— Горим!

— Пожар!

По ходу перевернув все в подсобке, они очутились в коридоре. Двери нескольких кабинетов мгновенно открылись, и стремительный бег строителей прервали сотрудники ФСБ.

— Где пожар?

— Какой пожар?

— Внизу. В подвале.

— Отставить панику. Звоните в МЧС!

— А почему наша сигнализация не сработала?

Через несколько секунд двери всех кабинетов по коридору были распахнуты.

— Где горит?

— В подвале!

— Звоните в...

— Уже, товарищ подполковник.

— Дым!

— Товарищ капитан, выводите людей! Бегом!

— Есть!

— Чтоб вас...

— Дым!

* * *

Огромное здание с сотнями кабинетов, с десятками лестниц и переходов нельзя эвакуировать мгновенно. Дым не дал всем спуститься вниз. Больше всего повезло первым трем этажам. Эти успели все... почти все...

Едкий, обжигающий легкие дым всего за несколько минут поднялся до крайнего этажа и вырвался на волю сквозь открытые окна. Он нашел себе дорогу и через вентиляцию. Движение по Литейному было парализовано. Люди, выйдя из автомобилей, смотрели, как молочно-белый туман расплзается над зданием. Спасшиеся сотрудники ФСБ стояли тут же

и недоумевали. Дым есть, а огня нет. И если горит в подвале, откуда столько дыма?

Этот живой туман висел над домом номер четыре около пяти минут, а затем, подхваченный порывами ветра, откочевал в сторону Невы. Там свежий бриз разорвал единое облако на сотни, тысячи маленьких клочков. Они стали едва различимы в питерском небе. Легкая дымка... Ветер принялся усиленно разгонять эти жалкие клочки по всему городу.

Пожарные расчеты прибыли на место происшествия через восемнадцать минут. Оперативно сработали и сотрудники ГИБДД, машинами перекрыли половину Литейного, дав свободу маневра пожарным машинам. Следом за пожарными, дико визжа сиренами, прибыли четыре кареты скорой помощи. По давно отработанной схеме МЧС развернуло штаб — и началось...

Люди, надышавшись дымом, валились с ног, задыхались и бились в конвульсиях. Спазм перехватывал горло, а легкие сжимались, словно в тисках.

Через двадцать минут прибыли еще шесть карет скорой помощи, пострадавших стали срочно эвакуировать с места ЧП.

Пожарные отважно спустились в подвал, но очага возгорания не обнаружили. К этому времени остатки дыма полностью улетучились, оставив после себя бездыханные тела.

Трех сотрудников ФСБ и мастера строительной бригады вынесли из подвала. Но бригада так и не увидела своего Михалыча — рабочие были госпитализированы. Работа кипела. Машин не хватало. И тогда гаишники перекрыли весь проспект полностью. Теперь к зданию номер четыре каждые три минуты прибывала новая машина скорой помощи. Пострадавших сначала увозили в ожоговый центр, а когда там места закончились, стали распределять по ближайшим больницам. Многих пострадавших сотрудников ФСБ отправили в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова.

Семен Алексеевич Быстрицкий, начальник Санкт-Петербургского Управления ФСБ РФ, держался долго. Он лично контролировал эвакуацию своих подчиненных по больницам и госпиталям. Семен Алексеевич все время находился в оперативном штабе МЧС, пока не почувствовал головокружение и боль в груди. Быстрицкого срочно увезли в академию.

* * *

В тот же день все питерские теле- и радиокomпании выделили максимум своего эфирного времени, чтобы в подробностях известить горожан об инциденте. Журналисты сообщали, что незначительное возгорание в подвальном помещении Управления ФСБ было быстро ликвидировано. Однако не обошлось без жертв. По данным оперативного штаба МЧС в результате чрезвычайного происшествия погибло двадцать восемь человек! Госпитализировано с различными степенями тяжести пятьдесят семь человек. Зданию нанесен незначительный ущерб. Создана специальная комиссия для расследования инцидента. К работе подключилась прокуратура. Губернатор взял расследование под личный контроль. Ему, конечно же, все поверили.

На следующий день, десятого сентября поступила уточняющая информация. На этот день в больницах и госпиталях города значилось девяносто шесть пострадавших... А уже одиннадцатого сентября голос одного из корреспондентов слегка дрожал, когда он произносил очередную цифру — двести сорок восемь человек. Но самая важная новость того дня заключалась не в возросшем количестве пострадавших, а в том, что доставленные в первый день больные умерли. Все до одного. Родственники были безутешны. Врачи разводили руками.

К вечеру одиннадцатого числа подключились столичные СМИ. Центральные каналы вели прямые репортажи из северной столицы. Корреспонденты металась от больницы к больнице, от ситуационного штаба МЧС к зданию ФСБ, выспрашивали, уточняли и доводили сведения до зрителей, слушателей, читателей...

Активная машина средств массовой информации раскрутила маховик ситуации до предела. Главная цель была достигнута — некоторые стали бояться. Но чего конкретно, не

знал никто. Ответов не было.

Понимание, чего нужно бояться, пришло утром двенадцатого числа...

Глава третья РАСПРОСТРАНЕНИЕ

12–13 сентября 2013 года, Санкт-Петербург, улица Пострельная, дом 11.

В кабинете Владимира Петровича Елизарова, главного санитарного врача по Санкт-Петербургу, утром двенадцатого сентября собралось экстренное заседание. На повестке стоял всего один вопрос.

— Что это за дрянь? — Владимир Петрович пристукнул ладонью по столу и обвел присутствующих долгим холодным взглядом.

— Надеюсь, вы понимаете, что нам такая реклама ни к чему. Город может пострадать... — Главный врач перевел взгляд на представителя губернатора города. Тот молча кивнул. — Только начался учебный год, на носу выставки, форум... в городе полно иностранных туристов. Вы только подумайте — четыре с половиной тысячи человек! И это за одну ночь.

Владимир Петрович потянулся за стаканом с водой, рука его чуть заметно дрогнула.

— Пожар в здании на Литейном тут совершенно ни при чем... — с места подал голос заведующий Александровской больницей.

— Как вы догадливы, Павел Александрович, — перебил его главврач.

— Мы имеем дело с вирусом, — невозмутимо продолжил Павел Александрович, — который доселе не известен науке. Смерть наступает мгновенно при большой дозировке. При меньших концентрациях агония может продолжаться сутки... двое.

— Насколько мы успели понять, — вмешался в разговор директор НИИ имени Пастера, — вирус передается и воздушно-капельным путем, и фекально-оральным. Особенностью является его соединение с кислородом, из-за чего его вирулентность просто огромная. Он активизируется только в организме человека. С помощью кислорода вирус создает мощную защиту, которую современные лекарственные препараты пробить не в состоянии. Но больше всего поражает его способность к быстрому размножению и постоянным мутациям. И еще вот что: предварительно можно утверждать, что вирус не в состоянии распространиться дальше пятидесяти километров. Далее его концентрация будет ничтожна. Мы пока не в состоянии понять, что происходит... Но людей из города выпускать нельзя.

Тут заговорил заведующий Александровской больницы.

— У меня заболели шестнадцать медсестер и шесть врачей, те, которые постоянно контактировали с пострадавшими. У троих отмечается резкая степень агрессии. Сейчас они изолированы, но...

Глаза главврача округлились.

— Выходит, мы не сможем остановить эпидемию.

— Боюсь, что так, — подтвердил заведующий Александровской больницы.

— Город надо закрывать. Необходимо вводить военное положение и объявить в городе строгий противэпидемический режим. Это единственный выход.

— Начнется паника.

— Ситуация критическая.

— Завтра будет еще больше заболевших...

— И трупов...

— Тихо, коллеги, — повысил голос Владимир Петрович. — Я должен немедленно доложить в Москву.

Главный санитарный врач Санкт-Петербурга снял трубку и набрал номер. Вдруг один из врачей закашлялся и, извинившись, прикрыл рот платком.

— Иосиф Моисеевич, я же просил — тихо, цыкнул на него главврач.

Все присутствующие затаили дыхание в ожидании разговора. Вскоре в трубке раздался зычный баритон.

— Геннадий Григорьевич, доброе утро. Да. У нас тут серьезная ситуация... Видите ли, мы обнаружили вирус... Да-да, после пожара на Литейном. Ах, вы в курсе. Хорошо. Да. Это точно вирус. Что? Передается воздушно-капельным путем и фекально-оральным... Да-да. Сейчас в больницах около десяти с половиной тысяч больных с аналогичной патологией. Умерло? — Владимир Петрович заглянул в свои записи. — За три дня четыре тысячи двести пятьдесят три человека. Это предварительно... Что вы сказали? Ах да — это очень много. Согласен с вами. Идентифицировать не можем, Геннадий Григорьевич. Уже все подключились. Нам этот вирус не известен. Да, конечно, но вакцины нет. Все имеющиеся у нас в резерве эффекта не дали. Лаборатории проводят спешный анализ. Ждем результата. Прошу вашего разрешения на введение строгого противоэпидемического режима в городе. Нет, еще не объявлял, вот вам звоню. Да. Хорошо. Будем ждать.

Главврач повесил трубку.

— Так, коллеги. Геннадий Григорьевич сам прилетает сегодня вечером бортом МЧС с дополнительным оборудованием. Будем идентифицировать этот вирус. Какие соображения?

— Надо его к нам в Военно-медицинскую везти, — четко, по-военному предложил начальник академии. — У нас как раз восемь больных в тяжелом состоянии есть. Двое уже с осложнениями — в состоянии крайней агрессии.

— Ох, сколько их к вечеру будет.

— У нас у всех.

— Мда...

Врачи переглянулись. Как-то все и сразу. Они еще не боялись, но уже опасались. Неизвестности.

* * *

А город жил. Жизнью, проверенной суматохами многих лет. Люди спешили на работу. Привычно спускались в метро. Толкались, прорывались вперед, чихали, кашляли... здоровались со знакомыми. Бурная река жизни неудержимо неслась вперед. Вот только не для всех. То на одной, то на другой станции метрополитена люди замечали, как кто-то, устало прислонившись к стеночке, тихонечко по ней и сползал. Реагировали не все. Не замечали или не хотели замечать. Все были слишком заняты, все спешили к своей цели.

А люди продолжали падать... Среди многотысячной толпы нашлись лишь несколько тех, кто спешил помочь — позвонить в милицию, вызвать медиков... Но их, равнодушных, было слишком мало. Черствость остальных не пугала и не останавливала остальную человеческую массу. Жизнь еще шла...

Самой опасной в это утро оказалась станция «Улица Дыбенко». В течение только одного часа из-под земли извлекли тридцать одного пассажира, потерявшего сознание. Впрочем, день был еще впереди.

На автомобильных дорогах города обстановка тоже была напряженной. На вантовом мосту столкнулись сразу восемь автомобилей. Образовалась огромная пробка. ДПС с трудом пробилась к пострадавшим. Следом прибыли врачи. Свидетели показали, что виновником был водитель КамАЗа, который не справился с управлением. Врачи осмотрели виновника. Он был мертв. Вероятность того, что он умер прямо за рулем, — сто процентов.

К полудню похожие ситуации произошли на проспекте Просвещения, на улице Марата, на Дачном проспекте, на проспекте Большевиков, на Пяти углах и еще на десятках улиц, проспектов, проездов и тупиков. Ситуация выходила из-под контроля. Сотни экипажей ДПС с мигалками и звуковыми сигналами проносились по улицам и проспектам города, спеша на очередной вызов.

* * *

Геннадий Григорьевич Анищенко, главный санитарный врач Российской Федерации, прилетел в Санкт-Петербург в шестнадцать пятнадцать. Вместе с ним прибыла внушительная делегация столичных вирусологов. Всего через двадцать минут машины несли их по перекрытому Московскому проспекту.

Уже из окна автомобиля Геннадий Григорьевич смог убедиться, что в городе не все благополучно. Два раза он видел, как прямо на тротуаре медики проводят реанимацию людей. Еще два раза заметил, как упали мужчина и женщина. Пролетев Московский и свернув на Садовую, Геннадий Григорьевич лицезрел крупную аварию, последствия которой еще не успели убрать. Но связывать ДТП с эпидемией ему тогда не пришло в голову. Кортёж с трудом миновал перекресток Садовой и Невского, где образовался огромный затор.

Уже на Петроградке главный санитарный врач увидел еще несколько трупов. Нет, люди могли быть еще живы, но лежали они без движения и оттого выглядели именно как трупы.

— Мда... — Геннадий Григорьевич покрутил головой. — Что же у них тут происходит...

Когда главврач достиг Военно-медицинской академии, его уже ждали.

— Ну и что тут у вас происходит? — с ходу спросил Анищенко, покинув автомобиль.

* * *

Двое суток главный санитарный врач страны плохо ел и мало спал. Его кортеж метался от больниц к академиям, от госпиталей к лабораториям. Несмотря на всю приложенную энергию, работа десятков эпидемиологов и вирусологов результата не дала. Вирус, каждый день, каждый час стремительно убивавший тысячи жителей, идентифицировать не удавалось. Хуже того, был выявлен страшный побочный эффект. Зараженные погибали примерно в пятидесяти процентах случаев, остальные превращались в агрессивных монстров. Вирус воздействовал на нервную систему, точнее, на психику человека, причем при тщательных обследованиях изменений ни в мозгу, ни в прочих органах не обнаруживалось. Пока...

Зараженные становились полностью неуправляемыми и проявляли чудовищную агрессию по отношению ко всему живому. Полиция сбилась с ног, отстреливая подобных субъектов, но и сами органы правопорядка несли ощутимые потери. Хаос нарастал. Было отмечено около десятка случаев нападения граждан на оружейные магазины и тир. Народ вооружался кто чем мог. Вернее тем, что мог достать. Даже небольшие садовые магазинчики были разграблены. Шанцевый инструмент подскочил в цене. Крупные супермаркеты еще держали оборону за счет многочисленной охраны, а мелкие сдавались без боя. Многие начали спешно покидать город. Журналисты бесновались, нагоняя страх. Стоило только одному из них намекнуть на возможные проблемы с продовольствием, как давки в гастрономах только поспособствовали дальнейшему распространению заразы.

Господин Анищенко вечером тринадцатого сентября провел расширенное заседание. На прямой Интернет-связи находился сам президент, которому были изложены все за и против.

Вывод напрашивался только один — город следовало закрывать. Никогда еще в новейшей истории Российской Федерации подобные мероприятия не производились. Тем более в таком огромном мегаполисе.

— Это ваше окончательное решение? — после длительной дискуссии прямо спросил президент.

— Да, Дмитрий Владимирович. Ситуация крайне тяжелая. Особенное беспокойство вызывает воздействие вируса на психику отдельных больных. Беспочинная агрессия утраивает напряженность в городе. Инкубационный период постоянно сокращается. Мы

фиксируем случаи, когда зараженный приходит в состояние агрессии уже спустя шесть часов после наступления кризиса. Вирус постоянно мутирует, и каких побочных действий при воздействии на психику человека можно ожидать, мы не знаем. Люди, впавшие в агрессивное состояние, весьма опасны, они убивают и калечат граждан. Число жертв растет...

— Я понял, — резко перебил его президент. — Все коллеги согласны?

Четыре десятка академиков и профессоров почти одновременно закивали.

— Все, Дмитрий Владимирович, — за всех утвердил главный врач.

Наступило молчание. Президент откинулся в кресле, повернул голову в сторону большого монитора.

— Хорошо, — наконец изрек глава государства, — я подписываю распоряжение о закрытии Санкт-Петербурга.

Рука президента взяла электронный маркер и поставила размашистую подпись на мониторе. Электронный документ был подписан.

— Геннадий Григорьевич, сделайте все возможное, чтобы как можно скорее нормализовать обстановку в городе. Я немедленно отдам распоряжение Правительству, чтобы вам выделили все необходимое. И помните: главное это жизнь и здоровье жителей города. Ни в коем случае нельзя допустить масштабного распространения. Иван Константинович... — Президент перевел взгляд на министра обороны.

— Так точно! — отчеканил министр.

— Прошу и вас, Семен Кожугетович, экстренно предпринять все меры.

— Конечно, Дмитрий Владимирович, — министр МЧС грустно кивнул.

— Информацию в государственных и частных СМИ строго контролировать во избежание паники. Но и скрывать мы не можем... — Президент чуть склонил голову на бок. — Андрей Германович, проследите, чтобы население было информировано правильно.

— Хорошо, — ответил министр связи.

Связь отключилась. Геннадий Григорьевич устало обвел взглядом присутствующих.

— О закрытии объявим завтра в восемь ноль-ноль. За ночь нам предстоит проделать много работы. Кто-нибудь... — Он рассеянно посмотрел по сторонам. — Соедините с губернатором...

Главврач прикрыл чуть припухшие глаза рукой и принялся массировать виски.

— Вам нехорошо? Геннадий Григорьевич — Главный санитарный врач Российской Федерации был срочно госпитализирован. Через два часа он впал в кому, а еще через три врачи наблюдали изменения пигментации эпидермиса.

— Неужели гиперпигментацию вызывает вирус? — Один из профессоров низко склонился к больному. — Это поразительно... стремительное воздействие на меланин.

— Перестаньте, коллега, — возразил второй светило науки, — возможно, это нервы. Спазм сосудов, наконец. Нехватка кислорода...

— Нет-нет. Посмотрите поближе. Синий пигмент, коричневый и даже зеленый! Этого не может быть.

Геннадий Григорьевич оставался под пристальным надзором лучших вирусологов еще три часа, после чего самостоятельно вышел из комы. Когда он открыл глаза, дежурившая медсестра шарахнулась в сторону. Главный санитарный врач страны посмотрел на нее огненно-красными глазами, а затем резко вскочил, сорвав с себя датчики и трубки...

Глава четвертая

МАТЬ

14 сентября 2013 года, Санкт-Петербург, улица Ивана Застрельного, родильный дом № 143.

Лариса боязливо приняла маленький сверток, глядя на него круглыми от любопытства

глазами. Пожилая старшая медицинская сестра родильного отделения наигранно грозно предостерегла:

— Голову держи!

— Как? — пискнула Лариса.

— Ты не поверишь, руками! — Медсестра поддержала новорожденного, который почти весь уместился на ее больших и ловких руках.

— И... что делать?

— Прикладывай к груди.

— Просто приложить и все? А как ему объяснить, что он должен делать?

Медсестра прыснула:

— Ну, вы даёте, молодежь. Не надо ему ничего объяснять, он все сам знает и все умеет. Пацан у тебя славный. Как назовешь?

— Дементий.

— Сама придумала или кто подсказал?

— Мама... у нас дедушку так звали.

— Дема, стало быть.

— Ага. — Лариса расплылась в улыбке и вдруг ойкнула, чуть не выпустив ребенка. Тот недовольно крикнул, но сосок не выпустил. И через секунду уже довольно чмокал. — Ой, и правда сосет. Надо же! Я думала, вы пошутили...

— Господи! Ну, Демка, и маман у тебя, убиться тапком. Тебе хоть восемнадцать-то есть?

— Ну... да. Почти. Через два месяца исполнится, — пробормотала Лариса, с изумлением рассматривая сына, который, похоже, и вправду знал и умел все, что ему было нужно для жизни, и куда лучше мамы.

— А папа-то кто? — продолжала расспрашивать любопытная медсестра, быстро раскладывая по шкафчикам и тумбочкам стандартный набор пеленок, чепчиков, носочков, «царапок» и памперсов. — Ты его вообще знаешь?

— А как же! — оскорбилась Лариса. — Его зовут Паша. Паша Дягилев. Он мой одноклассник.

— Вместе математику делали? — фыркнула женщина. — С папой все понятно, Демка, на него надежды нет. Разве что лет через пять-семь, когда поумнеет. А родители? Отец у тебя кто?

— У него фирма, — не без гордости заявила девушка.

— Ну, это в наше время ничего не значит. В период кризиса бизнесмен — профессия весьма ненадежная. Сегодня водит «мерседес», а завтра топает в СОБЕС. А мама?

— Мама — налоговый инспектор, — как на уроке ответила Лариса.

Медсестра сразу повеселела.

— Ну, это уже кое-что. Значит, не пропадете. Гляди веселей, Демка. Мамка у тебя, конечно, еще то чудо, но любит тебя и хочет забрать. Хочешь?

Лариса вскинула на медсестру большие зеленые глаза и так прижала к себе ребенка, что тот недовольно пискнул.

— Конечно хочу. А что, могут не отдать?

— Отдадим, как не отдать, — пожала плечами женщина, — ты же не отказываешься. А то, знаешь, как бывает?

— Что вы, тетенька, я не отказываюсь! — В голосе Ларисы прозвучали панические нотки.

— Вот и хорошо. Будем оформлять, — довольно улыбнулась медсестра и успокоилась — проверка окончена.

— Спасибо, — растерянно сказала Лариса. Она мало что поняла, кроме того, что она-таки родила и мама может помочь. Что ж, будем ждать маму...

— Если что-то понадобится, я на посту в конце коридора. Бывай, мамочка. — С этими словами старшая медсестра вышла, плотно прикрыв за собой дверь отдельной VIP-палаты,

которая, по правде говоря, отличалась от обычной только тем, что была оклеена обоями, на окне висели чистые занавески, да небольшой коридорчик заканчивался туалетом и душевой кабинкой. Но Ларису мало волновала убогость ее апартаментов. Насытившийся Дема задремал. Молодая, очень молодая мама аккуратно, почти не дыша, положила его в высокую пластиковую колыбельку, достала мобильник и попыталась позвонить Паше. Уже, кажется, в шестой раз. Или в восьмой. Телефон не отвечал. Девочка свернулась на койке клубочком и беззвучно горько заплакала.

* * *

Заведующий родильным отделением, доктор Семенов, задумчиво смотрел в окно. За его спиной стояла та самая старшая медсестра.

— Паша, говоришь? Одноклассник? Значит, тот самый. Павел Дягилев. Забавный паренек. Появился здесь с букетом цветов, похоже, с ближайшей клумбы. Я уже хотел над ним подшутить... А он вдруг осел на пол — и привет.

— Тебе известно, в каком он состоянии? — тихо спросила медсестра.

— Состоянии? В отличном состоянии, — пожал плечами доктор. — Ему хорошо. Он теперь ангел. Если там, — заведующим ткнул пальцем в потолок, — его приняли...

— Бедная девочка. Как думаешь — сказать?

Доктор размышлял меньше минуты.

— Пока не стоит, — решил он, — а то еще молоко пропадет. Пусть окрепнет. С мамой поговорим. Мама у нее — тетка хваткая и без сантиментов, я с ней тут пообщался. Ей можно смело сказать даже о конце света... Да.

— Сергей, что это? — прямо спросила женщина. — У тебя есть хоть какая-то информация?

— Та же, что и у тебя. Люди умирают. Причины неизвестны. Анищенко проводит совещание за совещанием, крутится по больницам, но увы и ах! Пустые слова и никакого толку.

— Ну хоть какие-то мысли у тебя есть?

— Я хирург, а не вирусолог. Какие у меня могут быть мысли?

— То есть непрофильные лекции ты просиживал в ближайшем пивбаре, — ехидно сказала медсестра. Солидное преимущество в возрасте давало ей право на некоторую фамильярность по отношению к начальству. И то сказать, начальства она на своем веку перевидала всякого. Этот — уже пятый. А она все тут, и все в той же должности. И быть ей тут до пенсии. Если, конечно, конец света не настанет раньше.

— Объяснить, что происходит, я тебе не смогу. — Доктор Семенов, похоже, ничуть не обиделся. Даже не заметил колкости в свой адрес. Он смотрел сквозь тройные стекла на улицу, но вряд ли что-то видел. — Поумнее меня люди пока ничего не объяснили. Есть только способ, которым распространяется эта зараза.

— Воздушно-капельным?

— И им тоже.

— Аааа...

— Вот тебе и а! Главное не способ. Главное, что быстро!

— И что же делать? — Старшая медсестра округлила глаза.

— Совет прост до безобразия — хватай в охапку дочку, зятя, внуков и рви отсюда когти пока не поздно.

— Это куда ж мы, по-твоему, всем табором? К мужниной родне?

— Ну, это уж ты сама решаешь: ты хочешь быть воспитанной дамой или ты хочешь жить. Если решишь, что жизнь важнее, чем манеры, то в качестве бонуса тебе еще один совет — поторопись.

— То есть прямо сегодня?

— То есть прямо сейчас.

— Но у меня смена заканчивается только через три часа, — растерялась женщина.

— Наплюй, — сказал Сергей, из которого добрые советы сыпались сегодня как из рога изобилия, — собирай семью, хватай такси — и на вокзал. Садись в первый же поезд, неважно, в какую сторону. Везде будет безопаснее, чем здесь. И — поспеши, Света, пока еще можно.

— Вот, значит, как...

— Вот так, — кивнул доктор Семенов. — Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что эта информация не для общего пользования.

— А ты?

— Я врач. Хотя эта зараза и не совсем по моему профилю, но, думаю, пригжусь.

— Тогда, наверное, я тоже должна остаться? — неуверенно сказала Света.

— Семью отсюда убери, — резко, почти грубо отозвался Сергей, — и можешь зарабатывать президентскую медаль сколько твоей душе угодно. Судя по тому, с какой скоростью распространяется эта зараза, уже через неделю тут будет слишком весело для несовершеннолетних и слабонервных.

— Можно подумать, сейчас тут скучно, — пробормотала Света, выходя и аккуратно закрывая дверь кабинета заведующего отделением. Доктор Семенов ее не услышал.

* * *

Вечером этого же дня аппарат администрации губернатора Санкт-Петербурга разослал распоряжение президента о закрытии города во все ведомства и учреждения.

Четырнадцатого же сентября ровно в восемь утра по всем радио — и телеканалам население оповестили о предстоящих мероприятиях. Просили соблюдать порядок и законность.

Старший диспетчер аэропорта «Пулково» был извещен с опозданием на полчаса.

— А куда нам девать пятнадцать бортов, находящихся на подлете? — Вопрос повис без ответа. — Мы же не сможем разбросать всех...

— Борт шестьсот одиннадцать просит разрешения на посадку, — произнеся это, диспетчер уставился на начальника.

— У кого есть горючее, пусть уходят в Петрозаводск и в Великий Новгород. У кого пусто — сажаем! — Старший диспетчер нервно потер бровь. — Ну что за день...

Глава пятая ПАДЕНИЕ

14 сентября 2013 года, утро, Санкт-Петербург, где-то между реальностью и сном, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

— Кошка, вернись! Ты не можешь меня так бросить!

Голос донесся до нее издалека, она уже успела завернуть за угол. Плохо обработанные бетонные стены обступали ее со всех сторон. На высоте чуть выше ее плеча змеились связки толстых черных проводов. Девушка замедлила шаг. Под ноги бросилась собственная тень, она была так же растеряна и смущена. Пецл⁴ замигал, видимо, садились батарейки.

— Кошка, ты еще там? — Это был тот самый голос, насквозь знакомый, родной. И в нем не было ни следа безумия. Девушка остановилась, прислушиваясь к гулкой тишине подземелья. Вывернутая рука дернула болью. Девушка сделала несколько шагов вперед.

— Кошка, своих не бросают, это закон!.. Ну хотя бы развяжи меня, я ведь погибну здесь. И буду являться к тебе по ночам. — В любимом голосе проскользнули ехидные нотки.

⁴ Пецл — фонарик (сленг).

Такие знакомые! Он часто над ней подшучивал.

Девушка невольно улыбнулась. И сделала шаг назад. Потом второй.

Он лежал на полу, связанный несколькими метрами отличной, крепкой капроновой веревки, способной выдержать вес его тела. Собственно, она и выдержала. Ничуть не ослабла, хотя рвался любимый изо всех сил. Девушка осторожно приблизилась к человеку, которого, казалось, хорошо знала. С которым они не раз страховали друг друга. За которого она была готова отдать жизнь. Который пять минут назад пытался ее убить.

— Что с тобой случилось? — спросила она, осторожно приближаясь.

— Не знаю. — Попытка пожать плечами, лежа на полу связанным, как курица на продажу. — Может быть, шутили здешние духи? Зря мы не принесли жертву.

— Это точно. — Она сделала еще один осторожный короткий шаг, напряженно вглядываясь в связанного. С ним явно было что-то не так. Глаза его в голубоватом свете фонаря казались ярко-красными. Или и были такими.

— Ну? — мягко подтолкнул он.

— А почему у тебя такие глаза? — спросила Кошка.

— Ну, ты прямо как Красная Шапочка, — рассмеялся он, — бабушка, бабушка, а почему у тебя такие ушки?

— Красная Шапочка плохо кончила, волк ее скушал, — сказала она, опасливо присаживаясь рядом.

— Но потом охотник ее спас, — возразил он.

— Это в поздней переделке. А в классике все как раз закончилось очень печально.

— Давай уже, развяжи меня. И пойдем наверх, — в его голосе проскользнуло нетерпение. И даже легкое раздражение. И, похоже, он имел на это полное право, Кошка связала его очень качественно. Наверное, ему больно.

— А с тобой ТОЧНО уже все в порядке?

— Ты же видишь.

Кошка достала нож и быстро, чтобы не передумать, резанула по веревке.

— Ну, вот видишь, все хорошо, — сказал он, вставая и потирая руки, — умеешь, однако, узлы вязать. Ты уверена, что не была юным скаутом?

— А ты УВЕРЕН, что не собираешься завести меня куда-нибудь в глубь подземелий? — спросила девушка. Красные глаза ее все же настораживали.

— Боишься — иди вперед, — предложил он. Предложил полушутливо, уверен был, что она откажется и посмеется удачной шутке. Но после того, что произошло между ними совсем недавно, Кошку совсем не тянуло на веселье. Она подумала пару секунд.

— Знаешь, пожалуй, я так и сделаю.

Пецл быстро замигал.

— Черт, батарейка все-таки села. У тебя есть?..

Обернуться она не успела. Перед глазами мелькнула та самая веревка и сдавила шею. Кошка попыталась вывернуться, но петля затянулась слишком быстро и слишком сильно. Кошка дернулась... Бетонные стены вдруг раздвинулись, и фонарь взлетел, превращаясь в безумную белую луну над скошенными крышами. Кошка села на постели.

— Приснитесь же такое, — пробормотала она.

На электронном табло светилось: 3.30. Кошка перевернулась на другой бок, отгораживаясь от луны, и уснула на этот раз спокойным глубоким сном, который не потревожили даже сирены скорой помощи, которые в ту ночь разрывали тишину в среднем каждые четверть часа.

* * *

В небольшом, но очень уютном кафе на первом этаже блестящего надраенными стеклянными фасадами бизнес-центра вкусно пахло кофе, а на подсвеченной витрине громоздились горки свежайшей выпечки, способные вызвать слюноотделение даже у

медного всадника. Лера в ту сторону старалась даже не смотреть. И носом не водить. Пончика с сахарной пудрой хотелось безумно. Или на худой конец кремовой корзиночки. Нет, пончики она любила больше. Пончик! А еще лучше — пяток пончиков. Хрустящих, теплых, пахнущих маслом... А потом брюки на резиночке и отяжелевшее тело, которое не просунуть ни в одну мало-мальски интересную шахту. Последнее, понятно, было решающим аргументом, иначе хрен бы вам всем, а не диета. Кому именно хрен, Лера особо не задумывалась. Сказано же, всем! И в первую очередь наиглавнейшему придурку Джамперу и его крезанутой на все худое тельце девице — Сердцу Мира. По мнению Леры, за такие ники полагался расстрел на месте. А еще лучше — пожизненная диета.

Девушка подавила в себе желание высказать собеседнику свое фи на предмет того, что ей пришлось тащиться через полгорода. Шифровальщик, нашел место для встречи. Какой пафос — бизнес-центр. И ради чего... кого... И, главное, срочно! Да еще в такую рань. Стрелки часов как раз сошлись на девяти утра.

— Ты ему звонил? — раздраженно спросила она, пригубив горячий ароматный кофе без молока и без сахара. По мнению девушки, именно так и стоило пить настоящий кофе. А все эти американо, капучино и иже с ними — плод бестолковой фантазии.

— Я ему каждые полчаса звоню, — ответил Стас. Он, в отличие от девушки, не злился. С ним все было гораздо хуже — Стас был напуган. И не скрывал этого, что вообще ни в какие ворота не лезло, даже в футбольные. Кем-кем, а трусом Стас не был. В их компании вообще пугливых не водилось, не та среда обитания, не та экологическая ниша.

— И что?

— Абонент временно не абонент.

— А второй номер?

— Оба. — Стас, всегда спокойный и выдержанный, потер глаза, и Лера заметила, что они у него как-то не по-хорошему красные. Видно, не спал всю ночь, пытаясь достать бестолкового Джампера.

— Если они внизу, дебилка может и не взять, там же куча проводов, бетон, фонит по-страшному.

— Третий день? — спросил Стас.

— Ну-у, — протянула Лера, прихлебывая вкусный кофе и наскоро прикидывая такую возможность, — почему бы нет. Особенно если у них есть запасные батарейки, вода, продукты... презервативы.

— Не смешно. А смысл?

— Всех на уши поставить, — хмыкнула Лера, — вот тебе и смысл. Потом на форуме повыпендриваться: мы, типа, круче всех, мы мегавлаз и мегавылаз сделали. Целых трое суток под землей. Настоящие диггеры — это мы!

Стас грустно усмехнулся:

— Если б тебе кто-нибудь, я, Кролик или Бешеная Вильма таким «подвигом» похвастались, ты бы сказала, что мы крутые?

— Я бы сказала, что вы придурки. Но между вами и Джампером есть существенная разница.

— Какая? — удивился Стас.

— Он на самом деле придурок. И ему идея могла показаться стоящей.

— Все равно, маму бы предупредил.

— Мог и не предупредить. — Девушка пожала плечами. — Ты предупреждаешь родителей, что собираешься вниз?

— Нет конечно. Что я, больной. Но я-то больше чем на двенадцать часов не спускаюсь, — возразил Стас и снова потер глаза. — Может, заблудился?

Лера фыркнула: Ты еще скажи — забухал с метровскими слониками. Как в Питере можно заблудиться? Тут же все просто, по линеечке.

— Сама сказала — придурок.

— Но не до такой же степени!

Они замолчали и занялись каждый своей чашкой, а Стас Белый по прозвищу, разумеется, Черный, еще и песочной полоской. Если бы пончиком, разговор мог вообще не получиться, Лера Левандовская была человеком настроения, и за издевательство над своей нежной психикой могла послать к Ероол-Гую не только камрада, но и упомянутых метровских «слоников», причем в любом количестве, сколько бы их ни было, оптом или в розницу.

— А этой его... Сердцу Мира звонил? — спросила девушка, прервав затянувшуюся паузу.

— Я ее номера не знаю. Никто не знает. Шифруется.

— Вот тебе и презервативы! — Девушка ехидно прищурила глаза. — Полюбасу она с ним пошла под землю.

— И что?

— Заявление в полицию написать.

— Уже написано.

— Ну так ищут, наверное.

— Ищут... — Стас вздохнул. — О чем ты, Кошка? Если они внизу, полиция их не найдет. Их никто не найдет. Пока сами не вылезут...

«...если вылезут». Об этом Черный не сказал. Следуя никем не писанному, но чтимому кодексу правил, о такой возможности между собой никогда не говорили. Но помнили-то о ней всегда.

Бесполезный разговор пора было заканчивать. В конце концов, у девушки была еще куча своих проблем. Хорошая такая, большая куча. И сидя в кафе со Стасом, она ровным счетом ничего не делала, чтобы эту кучу уменьшить.

— От меня-то ты чего хочешь? — напрямик спросила она.

— Поискать бы надо ребят, — так же прямо ответил Стас. — Я знаю, ты их не любишь.

— Любишь — не любишь, — перебила Кошка, — мы что, на ромашке гадаем? При чем тут любовь? Я дышать не люблю, ты в курсе? Вдох-выдох — и так лет восемьдесят без перерыва. Рутинка. Однако дышу... Дело не в моих личных чувствах к придурку Джемперу и этому самозваному Сердцу Мира, крепко двинутому на всю голову. Дело в том... Смысла я в этом не вижу, вот в чем дело. Где мы их «поищем»? Под Литейным, в метро, на Морской, в крепости? Ты знаешь, хотя бы приблизительно, где они забрасывались?

— Можно на форуме последний треп посмотреть...

Лера даже говорить ничего не стала, молчание ее было выразительнее всяких слов.

— Хорошо, — кивнул Стас, — я тебя понимаю... Один полезу.

— Ты знаешь наши правила, — бросила Кошка, — поодиночке вниз не ходят.

— Есть и другое правило — своих не бросают!

— Чип и Дейл спешат на помощь, — плоско сострила Лера.

Стас покачал головой, словно не верил, что бывают на свете такие вредные люди. И при этом вполне симпатичные, вот ведь как.

— Ты все-таки что-то знаешь... Или догадываешься.

— Джемпер на той неделе домкрат купил, — вполголоса поделился Черный.

Кошка кивнула.

— Ну да, если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то домкрат — это гермуха,⁵ а гермуха — это метро. Все Хабаровск⁶ ищут... Но метро — это ни о чем. — Она выжидающе смолкла.

— Они уже пару недель одну вшу⁷ облизывают, — сдался Черный, — я обещал никому

⁵ Гермуха — герметично закрывающаяся дверь (слэш).

⁶ Хабаровск — место, где много хабара — трофеев (слэш).

⁷ Вша — вентиляционная шахта.

не говорить.

— Ну вот и молчал бы, — пожала плечами Лера.

— Ко-ошка!

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась она, — сегодня ближе к ночи, устроит?

— Вполне. — Стас мгновенно воспрянул духом. — Кошка, ты — человек! Снаряга?

— Обычная: пецл, обвязка, карабины...

...Стас уже давно растворился в сутолоке мегаполиса, а Лера все сидела за столиком, пытаясь добить большую чашку с кофе, и бубнила себе под нос так, чтобы никто ее не услышал:

— Везет Москве. Люди библиотеку Ивана Грозного ищут, серебро, которое от Наполеона прятали. А мы — только всяких придурков да приключения на свою... хм... шею.

Глава шестая ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

14 сентября 2013 года, день, Санкт-Петербург, аэропорт «Пулково».

Он не мог вспомнить, который сегодня день. Про время... то есть про часовые и минутные стрелки он вообще не вспоминал. В последние дни круговорот веществ в природе... вернее в животе, от всего выпитого и съеденного превратился в тошнотворную карусель. И то правда.

Сначала Кот-д'Ивуар, потом Египет, затем Мальта, следом Венгрия — и вот только теперь родной Питер. Черeda сменяющихся лиц и ландшафтов. Съёмки, интервью и экзотическая кухня. И пора бы привыкнуть, уже три года в деле, но желудок каждый раз бунтует как в первый. Все не привыкнет, окаанный.

Вот многие завидуют ему. Мол, полмира повидал, и все за счет работодателя и спонсоров. Он и сам так поначалу считал. Романтика, путешествия, новые знакомства, аборигены, аборигенки... Три года промчались как один — и налет блаженного кайфа испарился, словно иллюзия. Юношеская мечта, страсть к приключениям... Он устал. Именно теперь, когда жизнь наладилась, когда карьера пошла в гору, многие его знают и даже уважают. Коллеги завидуют. Он уважаемый человек и путешественник.

Начиналось, правда, все банально. Факультет журналистики — раз. Окончание этого факультета — два. Поиск достойной работы — три, хотя и занял почти год. Подработки не в счет. И вот фортуна повернулась красивым передом совершенно случайно, на банкете в честь... О! Он будет помнить тот день всегда.

Турбины шумели, крыло чуть заметно подрагивало, мимо проплывали взъерошенные облака. Мужчина удобно устроился в кресле, закрыл глаза...

Открытие модного торгового дома в Питере. Немного пафосно, но зато с одним очень известным певцом в главной роли. А он сам просто фотокорреспондент газетенки, название которой стыдно упоминать в приличной компании.

Итак, он отснял свои килобайты, наслушался сказок в исполнении заграничного певца и только было собрался вкусить начиненных разными деликатесами тарталеток, как плечом к плечу столкнулся с очаровательной леди. Ах, какое у нее имя — Гульнара Ивановна, внимание, фамилия: Сохно. Восточный колорит, плотно взбитый на русско-украинской сметане. Красота — глаз не отвести. Даже фотоаппарат самопроизвольно выдвинул объектив. Тысяча извинений, которые последовали мгновенно, едва не выбили леди из колеи. Она оказалось директором крупного СМИ, которое впаривало читателям про райские курорты за тридевять земель, обстоятельно расписывая все блага заграничного кайфа. Турфирмы щедро оплачивали рекламные статьи — бизнес на загляденье. Тем более он и сам мечтал о путешествиях. А еще страсть к холодному оружию. О, восток, Дамаск, булат и

японские катаны!

Они сошлись быстро. Признаться честно, он был неотразим. Он это умел. Она тогда ему искренне призналась:

— Вы, Никодим, очаровали меня!

Или, быть может, это сказалось великолепное французское шампанское? Настоящее французское, по сорок пять евро за бутылку!

Вот прямо так и сказала и предложила работать на свое издание. А Никодим не раздумывал ни секунды. Шанс! Верный, упавший с высокого Олимпа прямо в ладонь. Надо было брать, пока шанс кокетничал и улыбался.

На следующий же день начинающий путешественник был в офисе на Фурштадской, а еще через два дня он уже летел на Байкал. Не Рио-де-Жанейро, но надо же было с чего начинать. И он начал! С тех пор все и закрутилось...

Самолет внезапно тряхнуло. Салон сразу ожил, загалдел. Никодим открыл глаза, осмотрелся. Его сосед — о! соседка — сидела, крепко вцепившись в подлокотник. При посадке он ее и не заметил. Плюхнулся в кресло и тут же уснул. Но теперь...

— Это всего лишь воздушная яма, — попытался успокоить ее Никодим.

— Да-да, — она закивала милой головкой. — Знаете, я ужасно боюсь летать.

— Я тоже.

— Да?

— Но надо. Потому и летаю.

— Вот и мне — надо.

— Вас как зовут? Меня Никодим.

Да, он был уверен, что его редкое... да что там редкое, сейчас уже совсем забытое имя сделает свое дело. То есть произведет на девушку нужное впечатление.

— Никодим? Очень интересное имя...

«Есть! — сказал он себе».

— А вас?

— Екатерина, — тон был еще немного деловой, но начало положено.

— Не волнуйтесь, Екатерина, наш лайнер прибует в «Пулково» в целости и сохранности. — Никодим весело подмигнул ей.

— Она невольно улыбнулась в ответ.

— Все будет хорошо, Екатерина. Если вам страшно, можете держаться за мою руку.

— Секундное колебание... и так вовремя очередной толчок почти бросил ее в его объятия.

— О! — Никодим широко улыбнулся. — Ничего-ничего, Катя, так тоже можно.

— Уважаемые пассажиры, пристегните ремни, — раздался требовательный голос стюардессы. Голос добавил еще пару слов, что-то о турбулентности и скорой посадке, но Никодим ее уже не слушал.

Девушка отпрянула от него и быстро справилась с ремнем. Никодим тоже пристегнулся.

— Сейчас все закончится, — молодой человек попытался вновь успокоить соседку, ну и себя заодно.

Он не обманывал, он действительно опасался летать. Ее рука крепко сжимала его.

Еще пару мелких толчков прошли почти не заметно. Все стихло, страсти улеглись, народ успокоился. Стюардесса опять просвещала о ямах и турбулентности... успокоила пассажиров строго по инструкции. Екатерина не спешила отпускать руку соседа.

— Ой, извините, — наконец спохватилась девушка.

— Все нормально?

— Да. Спасибо.

— Не за что. Был рад.

Его прервал все тот же почти приятный голос:

— Уважаемые пассажиры, наш самолет совершает посадку в аэропорту «Пулково».

Погода за бортом...

— Питер, — почти шепотом сказал Никодим соседке.

— Да. Отлично.

— Может, кофе? Там, внизу.

Девушка удивленно подняла веки.

— Ну, аренда моей руки стоит недорого... Одна чашка кофе...

Она поняла, улыбнулась.

— Хорошо, Никодим.

Эх, как она произнесла — *Никодим*, почти нежно...

Самолет сделал плавный поворот и стал снижаться. Город внизу лежал как на ладони.

Дороги, жилые кварталы, реки, пруды... огромная дымящая труба.

— Екатерина, вы не подскажите, какое сегодня число.

— Четырнадцатое.

— Суббота?

— Да.

Он машинально посмотрел на часы. Стрелки показывали девять сорок.

— С небольшим опозданием, но все-таки прибыли.

— Да-а, — медленно протянула новая знакомая.

* * *

Самолет плавно зашел на посадку, приземлился, и уже через двадцать минут только что познакомившиеся попутчики стояли рядом у транспортной ленты в ожидании своего багажа.

Только что введенное в эксплуатацию новенькое здание аэропорта поражало своим размахом. Грациозным сочетанием металла, стекла и бетона. Огромный стеклянный купол обильно пропускал дневной свет и позволял любоваться проплывающими облаками.

— Красиво, — закинув голову, мечтательно заметил молодой человек.

Девушка проследила за его взглядом:

— Да. Умеют ведь...

Ее элегантный красный чемоданчик пришел по ленте сразу за его рюкзаком.

— Так как насчет кофе?

Она не возражала.

— Тогда прошу вас... — Он сделал широкий пригласительный жест.

Миновав длинный холл аэровокзала, наполненный людьми, они поднялись по эскалатору на второй этаж. Стекло-бетонные стены здания открывали просторный вид на огромную автомобильную стоянку. Поодаль виднелись три высоченных здания бизнес-центра.

Еще несколько шагов — и они заняли столик у стеклянной стены. Опережающая события официантка, мило улыбаясь, приняла заказ, и вскоре попутчики пили кофе и мило беседовали. Первая чашечка ароматного напитка прошла незамеченной, и Никодим заказал еще по одной и мороженого. Беседа продолжилась.

То, что она не замужем, он выяснил окольными путями. Теми же путями ему удалось установить точный адрес девушки. А сразу после мороженого он широко улыбнулся и отважился попросить номер мобильного телефона. Бог есть, она протянула ему визитку.

— Так-так, интересно. Менеджер по туризму, — медленно прочел Никодим золотистую надпись на визитке. — Так мы с вами почти коллеги.

— Да?

— И не смотрите на меня так. Я не вру.

Дальше Никодим вкратце изложил ей основы своей профессиональной деятельности. Девушка была приятно удивлена.

— Так значит коллеги? — игриво спросила она.

— Без сомнений. Трудимся на благо людей. — Он улыбнулся ей в ответ.

Еще несколько минут прошли в обсуждении взаимных впечатлений о последней поездке. Никодим уже намеревался предложить девушке проследовать в такси, проводить до дома и все такое, как его романтические планы были нарушены взрывом. Молодой человек обернулся на звук. Раздражителем оказался телевизор, на экране которого показывали крупную аварию на автострате. Перевернутые машины, горячая автоцистерна, тревожный голос диктора за кадром. Никодим не стал прислушиваться, а вот Екатерина, кажется, услышала что-то любопытное....

— Надо попросить сделать погромче, — она приподнялась с места, — там говорят о закрытии города...

— Какого города? — не понял Никодим.

— Кажется... — Она не договорила. Ее прервал новый взрыв. Но на сей раз не по телевизору.

Сначала он показался им далеким и несущественным, но секунду спустя появился странный звук. Люди в кафе повскакали со своих мест. Кто-то пытался бежать, а кто-то прильнул к стеклянной стене, которая выходила на автомобильную парковку. Действительно, может, именно там происходило что-то интересное.

— Что это? — спросила Екатерина, испуганно глядя в глаза Никодиму.

— Не знаю, — пожал он плечами.

Они разглядывали стоянку, но ничего подозрительного не находили.

Рев нарастал. Он исходил откуда-то сверху. Но это могло только казаться. Толстые, Никодим был уверен, что и пуленепробиваемые стекла искажали звук.

— Смотрите, — воскликнул упитанный мужчина у стены и указал куда-то пальцем...

Все любопытствующие проследили за его жестом.

— Самолет!

— Аааа...

Лайнер шел чудовищно низко, и скорость его снижения говорила только об одном.

— Бежим!

Никодим схватил свою новую знакомую за руку и увлек за собой.

— Куда?

— Бежим!

Он ногой откинул стул, опрокинул стол...

— Моя сумочка... мой чемодан...

— К черту!

Он избавился и от своего рюкзака, и они кинулись прочь. Кто-то из посетителей тоже сообразил и рванул вслед за ними.

Парочка едва успела выбраться из кафе, как стекла аэропорта дрогнули и со страшным визгом разлетелись на куски. В следующее мгновение рвущий барабанные перепонки звук ворвался в здание аэропорта. Люди в ужасе попадали на пол.

Воздушное судно, завалившись на правое крыло, вошло аккуратно в северный фасад. Огромная туша самолета, играючи, пробила стены аэропорта, словно карточный домик. Раздался взрыв... Затем еще один — и море огня залило внутренности здания. Бушующее пламя от разлившегося керосина молниеносно охватило зал ожидания.

— Бежим!

От удара они оба упали и теперь, Никодим вновь рванул девушку на себя.

— Быстрее!

Каблук не выдержал — сломался. Она споткнулась и больно ударилась коленями.

— Вставай! — Никодим подхватил ее подмышки, поднял.

Только одна мысль занимала его голову — подальше отсюда! А за их спинами бесновалась огненная стихия. Кричали люди, сгоравшие заживо. Противопожарная сигнализация аэропорта высоко и противно взывала, и в следующую секунду людей окутал водяной туман.

— Давай-давай...

Она сделала еще пару шагов и вновь подвернула ногу.

— Идти сможешь?

Екатерина отрицательно мотнула головой.

— Ох, беда...

Никодим поднял ее на руки, сам пригнул голову... Спинай он уже чувствовал жар от нарастающего огня.

— Держись за шею.... Только не задуши, — сказал он ей на бегу.

Эскалатор замер, оставалась только лестница. Широкая и удобная, но не сейчас. Люди бежали вниз, перемахивая по несколько ступеней. Сбивали друг друга, отталкивали. Несколько человек упали, и их тела, как куклы, покатались вниз. Никто даже не взглянул на несчастных. Слишком велика была паника.

— Дорогу! — Никодим силился кричать, но его голос утонул в общем хаосе криков и ругани.

Его прижали к металлическим перилам.

— Давай сама. — Он поставил девушку на ноги, — Я помогу.

Он закрыл ее своим телом, а она, прижавшись к перилам, стала спускаться вниз. В спину Никодима постоянно врезались чьи-то локти, но он упорно вел свою спутницу вниз.

— Еще три ступени... Куда прешь, обормот!

Спасительная дверь была близка, но поток людей, нахлынувший из всех залов, кафетериев и прочих мест аэропорта, заполнил собой огромный вестибюль здания. Стало тесно.

— Пропустите! У меня ребенок!

— Ай, моя нога...

— Куда? Куда ты лезешь?!

— У меня ребенок!

Где-то сверху рвануло, и стеклянная карточка осыпала толпу. Паника умножилась. Люди шарахнулись в стороны, оставляя в центре десятки убитых и раненых. Дети плакали, женщины визжали и орали, мужики матерились... кто-то упал на пол... у него не было шансов подняться. Сотни ног наступили на лежащих и прошли мимо. Вперед к заветной двери. Большая стеклянная дверь здания была разбита в считанные секунды — народ рванул напролом, прочь из огненного ада.

Видя на лице Кати нестерпимое выражение боли, Никодим вновь подхватил ее на руки.

— Держись!

— Твою мать, дайте дорогу!

— Куда ты...

— Саша! Саша!

— Ай!

— Мама?!

— Сука... что ж ты...

— Ко второй! Идите ко второй двери! — надрывался охранник аэропорта и размахивал руками, указывая путь к спасению.

Никодим заметил его движения одним из первых. Он подкинул свою ношу, словно хотел убедиться, не полегчала ли она...

— Разойдись! — гаркнул Никодим полной даме, которая, несмотря на свои габариты, шустро пересекла его курс.

Им повезло. Их не сбили и не затоптали. Полминуты толкотни — и они повалились прямо на асфальт.

— Цела?

— Да.

Немного отдышавшись, Никодим вновь схватил девушку за руку.

— Давай, Катя... чуть подальше... вот туда, на травку.

Катя не возражала, и даже наоборот. Ретивости им придал еще один взрыв, прогремевший внутри аэропорта. Взрыв был такой мощности, что часть здания, окутанная серым дымом, стала медленно оседать. Стоянка аэропорта огласилась противным воем автомобильных сигнализаций.

— Катя, ходу!

* * *

Вприпрыжку они отбежали несколько метров. Часть здания все же рухнула, погребя под своими руинами сотни людей. Огромный столб дыма вырвался наружу, а следом и пламя. Людской визг больно резанул по ушам. Никодим сплюнул, глубоко вдохнул и подхватил хромающую спутницу. Почти бегом он рванул вперед. Было очень неудобно лавировать между припаркованными автомобилями. Был бы он один... Самые ловкие, не разбирая дороги, уже скакали по капотам и крышам машин. Моргали сотни лампочек под колдовскую какофонию автосигнализаций.

Прорвавшись сквозь лабиринт машин, Никодим обернулся.

— Опа! — тяжело дыша, выдал он и бросился вперед.

То, что он увидел, его не обрадовало. Часть падающих конструкций накрыла близко припаркованные пассажирские автобусы. Два из них уже горели.

Обезумевшие люди, вырвавшись на свободу из тесного паркинга, не останавливаясь, неслись дальше по Стартовой улице. Были и те, кому повезло в суматохе отыскать свой автомобиль. Шлагбаум был сбит, и несколько машин, рыча двигателями, умчались в сторону КАД.

Никодим немного не донес девушку до газона и поставил ее на асфальт.

— Фу, Катя... Притомился я... чутко. — Он тяжело дышал, но руку ее не выпускал. — Пойдем. Десять метров до обширного газона — трава. Они рухнули почти одновременно, блаженно растянувшись на зеленом ковре, и еще долго приходили в себя. Особенно Катя. Она была в шоке. Нет, она не плакала и не голосила. Отдышавшись, девушка села, поджала ноги и молча созерцала валивший из аэропорта тяжелый черный дым. Никодим, устроившись рядом, закурил длинную сигару.

— Это что же такое творится? Теракт?

Он не ждал, что она ему ответит. Просто хотелось поговорить, отвлечься. Это длилось всего несколько минут, а потом его внимание привлек визг сирен.

— Ого, пожарные! Оперативно.

Машин было много. Несколько десятков. И из службы аэропорта, и из ближайшей части МЧС. За ними мчались кареты скорой помощи, экипажи полиции и ДПС — Полицейские тут же попытались встать в оцепление, но прибывших сил оказалось явно не достаточно. Зашумели рации... Никодиму отчетливо казалось, что он слышит просьбы об усилении даже с такого расстояния. Молодой человек глянул на девушку — Катя тихонько вздохнула и вдруг прильнула к нему, обняла.

— Спасибо.

— Сочтемся. — Он попытался улыбнуться в ответ, но улыбка вышла кривая.

Юноша приобнял ее, подтянул чуть ближе.

— Сочтемся...

Пожарные приступили к тушению. Огромные трубы начали низвергать тонны пены и воды. Горело не только здание, но и половина паркинга. Первым делом пожарные принялись заливать машины, во избежание... И все же три или четыре бензобака рванули. С газона толком было не разобрать, но, кажется, один из расчетов попал под удар. Мгновенно к ним пришла помощь, и все брандспойты с пеной обратились на автостоянку.

А Никодим с Катей сидели и смотрели, завороченные этим действием. Вокруг них на траве уже собралось немало уцелевших. Кто-то плакал, кто-то пытался вслух рассуждать о произошедшем, кто-то читал молитвы...

Машины все прибывали. Вот уже и оцепление стало плотным, да и к пожарным прибыла подмога. Ну и, конечно, приехало несколько иномарок с мигалками. И, как по заказу, следом за ними появились микроавтобусы, расписанные логотипами теле- и радиоканалов. Журналисты едва ли не быстрее вновь прибывших пожарных развернулись для работы, и сигнал пошел. Одна команда расположилась для ведения репортажа совсем рядом со спасшимися, в паре метров от газона. Люди отчетливо слышали каждое слово, передаваемое в прямой эфир. Репортер, молодой еще парень, вещал:

— Сегодня около одиннадцати часов утра в новое здание аэропорта «Пулково» врезался аэробус. Как вы можете видеть за моей спиной, часть здания аэропорта обрушена и охвачена пожаром. Очень большая задымленность. Пожарные службы приступили к тушению довольно оперативно. Полицейским оцеплением практически полностью перекрыты все подступы к месту катастрофы. О жертвах пока ничего не известно. Но судя по увиденному нами, можно предполагать самое худшее. Все это на фоне утреннего заявления властей выглядит очень удручающе. Катя?

Екатерина, услышав свое имя, невольно вздрогнула.

— Тише. — Никодим провел рукой по ее волосам. — Это он в эфире...

— Да. Конечно, Екатерина, спасенные есть. Вот здесь, рядом с нами, находится большая группа пассажиров из аэропорта, которым удалось чудом выбраться из охваченного пламенем здания. — Камера тут же обратилась в сторону газона. — Да. Мы будем обязательно держать вас в курсе событий. Все подробности произошедшего сегодня в аэропорту «Пулково» уже в следующем нашем включении. Катя?

— Балабол, — не стерпел Никодим и отшвырнул окурок сигары.

Репортер заметил их. Он вскинул свое «оружие» и кивнул оператору.

— Простите, вы оттуда?

— Ага.

— Вы видели, как все произошло?

— Да.

— И как же? Что там произошло?

— Ба-бах! — Никодим вскинул руки, изобразив взрыв. — Вот так и было.

— И все?

— Все. А теперь катись-ка ты...

— Ну зачем же вы так? Люди должны знать правду.

— Ты чего, не понял? Катись! — Никодим сжал кулаки и начал подниматься.

— Я понял. — Журналист поспешил ретироваться, а вот оператор продолжал отработывать свой хлеб, крупным планом снимая Катю.

— А ну вали! — Никодим не успел достать оператора. Тот отпрыгнул в сторону, как заправский боксер, уходя с линии атаки, и, быстро отвернув объектив в сторону, принялся снимать уставших людей, разместившихся на газоне.

Его больше никто не гонял, у людей просто не было на это сил. А молодой репортер среди десятков спасшихся все же нашел самую разговорчивую даму, которая и понесла в эфир свою версию катастрофы. Надо сказать, не самую правдивую версию, но зато очень эмоциональную.

— Вот трещит! — Никодим кивнул на интервьюируемую. — Представляю, как сейчас народ у теликов рты разинул...

— Моя мама, наверное, тоже смотрит, — перебила его Катя, — она всегда новости смотрит...

— Она знает, что ты сегодня прилетаешь?

— Ага...

— Кать, ты не переживай — жива же. Позвони ей.

Девушка закрутила головой, зашарила руками.

— Телефон в сумочке остался...

— Возьми мой. — Никодим полез в карман, но мобильник не обнаружил — потерял. —

Черт!

Катя попыталась сменить позу и вдруг, схватившись руками за ногу, вскрикнула.

— Очень больно?

Она не ответила. Помешали слезы.

— Я сейчас.

По Стартовой одна за другой ехали сразу четыре машины скорой помощи. Не раздумывая, Никодим выскочил на проезжую часть, отчаянно жестикулируя:

— Стойте! Стой!

Скрипнули тормоза — машины встали. У первой открылась пассажирская дверь, и показалось лицо в медицинском колпаке.

— Что?

— У нас раненые. Вон там.

Машина припарковалась у бордюра, три другие проследовали вперед, к горящему аэропорту.

— Что тут у вас? — Доктор с медбратом вышли из машины.

— У девушки нога...

— Покажите.

Катерина вытянула ногу. Доктор быстро пробежал пальцами от лодыжки до колена, затем выше.

— Тут все цело. Кости... да. — Он ощупал ступню. — Вывих... сейчас. Потерпите.

— Ой.

— Готово. Есть еще пострадавшие?

— Доктор, у меня тут...

— Иду.

— Катя, тебе лучше? — Никодим присел рядом.

Она чуть помедлила, будто прислушивалась к утихающей боли.

— Лучше.

— Вот и хорошо. Идти сможешь? Или предпочитаешь передвигаться на моих руках?

— Шutiшь?

— Нет. Готов носить.

— Помоги.

Девушка встала с его помощью.

— А куда пойдём?

— Да вон туда. — Никодим кивнул в сторону бизнес-центра, на фасаде которого красовалась большая синяя надпись. — Водички попьем, посидим...

— Думаешь, пустят? — Она сделала осторожный первый шаг.

— Конечно, что ж они, не люди...

* * *

Охрана дала дорогу без слов. Вертушка так же молчаливо пропустила их в вестибюль. Как оказалось, не они первыми догадались искать приюта в бизнес-центре. На диванах, стульях и креслах уже сидело и лежало десятка три пострадавших. Стройные девушки из ресепшен юрко сновали взад-вперед с салфетками и водой.

— Нормально. — Никодим невольно дернул головой. — Может, здесь еще и кормят.

* * *

Как по волшебству появились медики. Они деловито обвели взглядом всех и наметанным глазом выявили самых неотложных. Никодим допил воду из бутылки, и тут его внимание привлек шум у дверей, которые выходили прямо на аэропорт. Трое мужчин несли тело. Вертушка дверей провернулась, и они с трудом втиснулись вовнутрь. Тело цеплялось

ногами... еще поворот — и стала слышна их ругань.

— Врача, вашу... ну что встали — разойдись.

— Епр... эй, доктор, сюда!

Сознательные граждане тут же очистили ближайший диван, и мужчины аккуратно опустили свою ношу.

— Ну что ты там застрял, медицина?!

— Не надо так орать. Я уже иду, — отозвался медик в очках. — Что тут...

Он склонился над телом, ловко загнул рукав обугленного пиджака, нащупал пульс. Затем раскрыл потерпевшему веки, посветил крохотным фонариком в зрачки.

— Ничем не могу помочь, — тяжело вздохнул доктор, — он умер.

— Как?

— Когда?

— Ну?

Вопросили мужики в один голос.

— По всей видимости, несколько минут назад.

— Ты, медицина, мне тут не крути! — взъелся самый высокий и на вид самый крепкий и всех. — Ты что Ваську хоронишь? А ну делай чего-нибудь. Рот в рот... шоком жажни!

— Он умер, — пытаюсь сохранить спокойствие, ответил доктор. — Извините, меня ждут другие...

— Я тебе сейчас подожду...

— Серега, уймись!

— Ваську не вернуть.

Товарищи повисли на руках здоровяка.

— Вы чего, мужики?! Он нам Васяту уложил... у, морда очкастая!

— Идите, доктор... мы тут сами, — миролюбиво изрек чернявый и навалился на буяна.

Вдвоем они его силком усадили на диван, в ногах умершего.

— Эх, Васята...

Он что-то еще продолжал бурчать, но тут внимание Никодима привлек огромный экран во всю стену.

Как он включился — бог весть. Никодим мог поспорить, что до этого он молчал на стене, за стойкой администрации.

— ...В данную минуту на улице Стартовой творится настоящий кошмар. Часть здания аэропорта рухнула. Пожар продолжается. Сюда стянуты значительные силы МЧС, но пока им не удастся справиться с огнем, — активно, чуть не захлебываясь собственным азартом, вещал корреспондент.

В вестибюле стало почти тихо. Все, кто мог видеть, — смотрели. Лишь врачи продолжали корпеть над ранеными.

А журналист набирал обороты:

— Очень много погибших и раненых. Мы стали свидетелями прибытия огромного количества карет скорой помощи... и они продолжают прибывать. Пострадавших при аварии увозят в ближайшие больницы города. Много погибших... да, нам только что стало известно, что из столицы вылетел... — его слова потонули в визге сирен. Камера четко зафиксировала, как за спиной корреспондента в направлении аэропорта промчались несколько карет скорой помощи с мигалками и звуковыми сигналами. — ...будем надеяться, что вскоре нам удастся сообщить вам все последние подробности происшествия, которое... — И вновь его заглушили сирены и мигалки, только теперь машины неслись в обратную сторону.

План ушел. В студии ведущая открывала рот, как рыба, но слов было не разобрать — один из раненых оглушил всех диким криком. Катя вскрикнула следом. В страхе закрыла рот руками и прижалась к Никодиму. Заплакал ребенок. А девушка из ресепшен подвернула ногу, каблук сломался, и она упала бы, если бы не стоявший рядом охранник. Врачи держали голосившего и спешно кололи что-то ему в вену.

— Тише. Тише, Катя. — Никодим гладил ее по волосам, успокаивал.

Еще несколько секунд возни — и шум стих. Вновь стало слышно голос корреспондента.

— ...на улицах города, — последние слова симпатичной ведущей — и камера показала Литейный. Никодим почти сразу узнал угол с Невским. Корреспондента не было. Лишь только камера медленно скользила по рядам битых машин. Из-под капотов валил пар, водители, активно жестикулируя, пытались что-то кому-то доказать. Камера пошла в сторону — полицейские ленты, какими обычно обмечают место преступления, несколько сотрудников в форме, несколько в штатском склонились... Камера взяла ниже и крупно... женщины в вестибюле ахнули. На тротуаре, подле самого дома лежало изуродованное человеческое тело. Камера сделала наезд, Катя закрыла глаза руками.

— Мама...

Никодим подался вперед, стараясь разглядеть труп. На вид мужчина, в изодранной одежде, весь в крови, и лицо! Именно его лицо привлекло внимание Никодима. Оно было в ярко-зеленых пятнах, как будто человека специально измазали зеленкой.

— Час назад на углу Литейного проспекта и Невского, — это появился журналист. В юбке, — неизвестный мужчина напал на прохожих. По словам очевидцев, он вел себя крайне агрессивно. Рычал, нецензурно выражался и приставал к мирно проходящим по улице людям. Свидетели нам рассказали, что мужчина несколько минут задирал проходящую пару, пока не подоспели двое сотрудников полиции... — Ведущая замаялась, наклонила голову вправо, камера проследовала в указанном направлении. — При виде сотрудников полиции мужчина сразу набросился на них с кулаками. — Пока она говорила, камера продолжала движение: все те же яркие ленты с надписями полиция и еще несколько человек в форме. И камера замерла. — Сотрудники полиции погибли.

Оба полицейских лежали в лужах крови, с нереально выгнутыми конечностями и в изодранных куртках.

— Бррр...

— Меня тошнит!

Вестибюль зашумел.

Камера долго держала крупный план, пока последний слепой не убедился, что полицейским крепко досталось. Они имели такой вид, будто их искусила стая диких голодных собак. Вырванные куски мяса, обнаженные кости...

— Я больше не могу... — И женщину на соседнем кресле вырвало.

Притихли даже издававшие виды врачи. Медсестра уронила капельницу. Пластиковый пакет лопнул, оросив всех в радиусе метра желтоватой жидкостью.

— Валя, раззява! Капельницу! — прикрикнул седовласый медик.

— Да-да... я сейчас, Николай Иванович... сейчас.

Глава седьмая СУМЕРКИ

14 сентября 2013 года, вечер, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

В какой-то момент им казалось, что время застыло и мир прекратил свое безумное вращение. Люди, их голоса, их движения превратились в один гигантский стоп-кадр. Осмыслить, понять происходящее было трудно. Нелепо...

Никодим даже через одежду ощущал, как часто бьется сердце Кати. Сердце сжималось и у него. Девушка, прижавшись к нему, молчала, созерцая страшные картинки на телеэкране. В голове бились и стучали в виски сотни мыслей. И каждая норовила перебить другую. Не было ни четкого плана, ни желания встать и куда-то идти. И главное — куда? Усталость, апатия...

Затем пружина сломалась, и время сорвалось с места. Раскрутилось и устремилось в

будущее. Из «ящика» они узнали, что на подлете к Питеру рухнул еще один самолет. Аэропорт «Пулково» был закрыт.

Машины МЧС все прибывали, а вестибюль бизнес-центра до отказа набился пострадавшими. Медики не справлялись. Часть раненых, самых тяжелых, удалось эвакуировать в больницы, но людей меньше не становилось. Вновь прибывшие бригады сообщили, что на Московском проспекте произошло несколько крупных аварий и проехать крайне затруднительно.

Кто-то особо впечатлительный потребовал выключить телевизор. Его поддержали женщины, но нашлись и правдолюбцы, желающие знать всю картину творившегося в городе. У плазменной панели развернулись жаркие дебаты, едва не превратившиеся в драку. Противоборствующие стороны уgomонили охранники — с десяток парней в черных костюмах с трудом разъединили активистов обеих партий. Вмешались медики, и вскоре компромисс был найден. Все, кто не особо нуждался в медицинской помощи и кто желал быть в курсе, проследовали в ресторан, где тоже был телевизор.

— Может, и мы пойдем перекусим, — предложил Никодим.

Девушка молча согласилась.

— Еда — она лучше всего успокаивает.

— Да-да. Хотя после всего этого... — Катя обвела вестибюль долгим взглядом. — ...мне сможет помочь только кофе, и желательно в больших количествах.

Едва они успели покинуть шумный вестибюль, как в здание бизнес-центра вошла солидная группа эмчэсовцев, и большинство в белых халатах. По всему было видно, что господа решили прямо тут развернуть центр психологической поддержки.

* * *

Они устроились в огромном ресторане. Зал был поистине потрясающих размеров — хоть в футбол играй. Крикнешь «ау» на одном конце, и эхо пробежит до другого. Так, или примерно так представил себе Никодим. Уж он-то за свою карьеру путешественника навидался ресторанов всяких, и больших, и малых.

Народу пришло много. Кто-то явился на зов желудка, кто-то ушел от вестибюльной суеты. Впрочем, внутри уже сидели посетители, немного — выходной как-никак, но были, надо полагать, местные из бизнес-центра. Они продолжали обед.

— Странно... — едва слышно протянула Катя.

— Что?

— Тут кругом такое... а люди спокойно сидят и едят.

Никодим не видел в этом ничего странного. Беда касалась отдельной взятой территории, и уж никак не этих людей. Да и сколько раз в путешествиях ему самому приходилось наблюдать разное... Трудно изменить человека, пока беда не пришла к нему в дом.

— Вот и мы сейчас с тобой тоже. Война войной, а обед по расписанию. — Никодим изобразил подобие улыбки.

— Если только салат... — И все же ей было стыдно признаться, что, несмотря на все пережитое, она проголодалась.

— Вот и чудно.

Люди меж тем продолжали прибывать, и вскоре общими усилиями зал заполнился почти полностью.

Кто-то уже успел включить телевизор, и оттуда полились свежие новости. Никодим с Катей не прислушивались...

Им хотелось поскорее хоть немного отвлечься, а еда была способом не хуже других. Официанты бойко раскладывали на столиках меню. Катя сделала выбор первой, да и Никодим заказал полный набор — «первое, второе, компот». — Вот только поесть им толком не дали. И виной были не раздражающие новости, льющиеся бурным потоком, а появление

многочисленных следователей. Первым делом из ресторана удалили всех местных, так сказать не причастных к катастрофе. Люди повозмущались, но вынуждены были подчиниться. Когда остались только те, кто прибыл из аэропорта, полицейские приступили к делу.

Опера деловито разделились и принялись методически опрашивать очевидцев. Работали грамотно и по существу. Мимо столика, где сидели Никодим и Екатерина, прошествовал мужчина в кожаном пиджаке. Худой, высокий, с красными опухшими глазами. «Нельзя же так пить...» — Никодим отчего-то решил, что товарищ именно с похмелья. Он уже почти прошел мимо, как вдруг обернулся и... Никодим проследил за его взглядом и чуть не вскипел. Худой смотрел на Катю, и как-то нехорошо смотрел.

— Простите... — Шедший за худым опер с уже сидящими черными волосами отодвинул стул и присел за их столик. — Всего пара вопросов.

— Конечно, — ответил Никодим за обоих, отрывая взгляд от опера в кожаном пиджаке. Благо тот отвернулся и прошел дальше.

Наконец-то, дабы не мешать процессу, телевизор был выключен. Картинка с упавшим и горящим вертолетом у Петропавловской крепости исчезла.

— Вы из аэропорта? Каким рейсом летели? — Следователь разложил чистые листы протокола. — Ах, простите. Фамилия, имя, отчество...

В сущности, что они могли знать? Прилетели, получили багаж, решили выпить кофе, а тут падающий самолет, огонь, крики...

— ...Еле вырвались, — закончил свой рассказ Никодим.

Катя лишь кивала головой, мол, все так оно и было. А что тут прибавишь? Чувство страха к делу не пришьешь.

— Хорошо, — констатировал сыщик и закончил писать. — Прочтите и поставьте подпись.

Они по очереди пробежали глазами текст и подписались.

— А нам можно домой? — робко спросила девушка, когда следователь уже было поднялся из-за стола.

— Да, конечно, только немного позже. Простите, но таков порядок.

Екатерина вздохнула и опустила глаза.

— Если вам нужна помощь, то внизу уже работают психологи, — напоследок изрек следователь.

— Спасибо.

Мужчина перешел к соседнему столику, за которым разместилась пожилая пара.

— Вот влипли, — мотнул головой Никодим.

— Мне надо позвонить маме...

— В ресторане наверняка должен быть телефон. Я сейчас.

Он стремительно пересек зал, о чем-то пошептался с барменом и заспешил назад.

— Странно, но телефон у них не работает, зато я одолжил сотовый. Вот.

Катя взяла трубку и по памяти быстро набрала номер. Томительное ожидание длилось больше минуты, но ответа не последовало.

— Может, она в ванной...

— Попробуй еще.

Она повторила звонок — тишина. Еще раз-то же самое.

— Странно, гудки идут, а трубку она не берет.

— Не переживай. — Никодим положил ладонь ей на локоть. — Она действительно может быть в ванной или у соседки, а телефон забыла... Давай я верну сотовый, вон бармен уже косится.

— Да. Отнеси. Спасибо.

Никодим на ходу и сам набрал чей-то номер, но поговорить не удалось. Ответа не последовало.

— Спасибо, — протягивая трубку владельцу, поблагодарил он. — Можно мне сто

граммов водки.

Бармен оперативно налил, а Никодим оперативно выпил. Прошла как вода! Ни вкуса, ни цвета, ни запаха.

— Мда...

Он вернулся за свой столик, и тут в ресторане раздался голос, усиленный громкоговорителем.

— Товарищи, минутку внимания! Товарищи! Тишина! Спасибо. Я — Васильев Николай Степанович, полковник полиции, начальник пулковского отд...

Договорить ему не дали. Раздался выстрел. Громкоговоритель выпал у него из рук и снова противно запищал. Сам полковник удивленно вскинул брови и тут же упал. Еще выстрел. Никодим навалился на Катю всем телом и сбил ее со стула. Они вместе рухнули на кафельный пол. Прозвучали еще три выстрела. Послышались крики, звуки разбивающейся посуды, падающих столов, стульев и тел. Снова выстрел! Рядом с Катей упал мужчина с пробитой головой. А затем началась настоящая перестрелка. Десятки выстрелов слились в громящую канонаду. Никодим затолкал девушку под стол, накрыл своим телом. Бой продолжался. Одна из пуль угодила в ножку соседнего стола, срикошетила и попала в подошву ботинка Никодима. Он сжал зубы от боли, но не издал ни звука. Выстрелы стали стихать и наконец прекратились.

— Всем лежать! — раздался зычный бас.

Мимо суетливо протопали чьи-то ботинки, затем еще одни...

— Врача сюда! Живо! — скомандовал все тот же голос. — Иванов, бегом!

Иванов умчался, по дороге опрокинув стул.

— Внимание, господа-товарищи! Медленно встаем! Встали!

Люди начали подниматься. Никодим, придерживая девушку, помог ей выбраться из укрытия.

— Медленно!

На ноги встали далеко не все. Человек десять лежали на полу в самых замысловатых позах. Еще несколько барахтались, пытаясь подняться.

— Не смотри. — Никодим прижал Катю к себе.

— Внимание! — продолжал басить мужчина с пистолетом в руке. — Соблюдайте порядок! Тишина! Все отходят туда. — Он небрежно махнул рукой в сторону дальнего конца зала, где было абсолютно пусто, ни столов, ни стульев.

Никодим, не выпуская Катю из объятий, двинулся вперед. Они перешагнули через чье-то тело, еще через одно... На кафельной плитке, мокрой от крови и пролитых напитков, валялись десятки стреляных гильз и пистолеты. Впрочем, обнаружив оружие, полицейские тут же его поднимали. Как оказалось, полковник, вещавший в громкоговоритель, был мертв, вокруг него собралось больше всего «товарищей» в штатском. Многие из них еще не убрали стволы, а напротив — стали перезаряжать. Кто был виновником этой трагедии, с ходу понять было невозможно. Но кажется...

Сразу пятеро оперативников обступили тело мужчины... Никодим нарочно прошел мимо и даже привстал на цыпочки, чтобы разглядеть труп. Кожаный пиджак был прострелен во многих местах.

Народ, сбившийся в большую кучу, бурно обсуждал происшествие. Женщины плакали, однако нервы сдали не только у слабого пола, двое мужчин рыдали как дети. Мужья утешали жен, а этих двоих попытался утешить официант парой стаканов коньяка. Его чудом уцелевший поднос с напитками пришелся как нельзя кстати.

— Дай и мне.

— И мне.

— Воды, пожалуйста, — попросил Никодим.

Через минуту в ресторан ворвались четверо с автоматами и с десятков медиков. Автоматчики отсекали толпу, выстроившись в жидкую цепь, а медики принялись осматривать поверженных на полу. Когда первый шок миновал, обнаружились легкораненые и среди

столпившихся в дальнем конце ресторана людей. Врачи выводили их из зала по одному и осматривали под присмотром полицейских. Процедура осмотра длилась довольно долго. Затем сотрудники полиции начали перетаскивать столы и стулья к стенке так, чтобы они не мешали исследовать поле боя.

Пытаясь подавить стресс, люди принялись уничтожать алкогольные запасы бара.

Бармен было возмутился, мол, кто будет оплачивать этот спонтанный банкет, но быстро умолк. Мужики стали щедро выкладывать купюры. Пока полицейские были заняты своим делом, часть храбрых и жаждущих товарищей все продолжала подтягиваться к бару. Благо он был не далеко. Зашуршали кошельки...

Подобное возлияние грозило перерасти в пьянку, но ситуацию спас внезапно появившийся администратор ресторана, который волевым решением закрыл доступ к спиртному. Видимо, ему шепнули полицейские, что лавочку, во избежание недоразумений, лучше прикрыть. Мужики поворчали немного, мол, как же так, но вскоре успокоились под пристальными взорами полицейских с автоматами. В баре продолжали выдавать лишь безалкогольные напитки и... мороженое.

— Так. Всем внимание! — Теперь Никодим разглядел обладателя баса. Крепкий белокурый мужчина уверенно раздавал команды. — Прошу всех соблюдать спокойствие. Сейчас вам всем будет позволено сесть за столики. — Кто-то в толпе дернулся вперед, и мужчина повысил голос: — Спокойно, товарищи! Прошу, без суеты. Всем вам будет разрешено покинуть ресторан только после личного досмотра и допроса. Спасибо за понимание! Можно!

Автоматчики разошлись в стороны, и люди устало двинулись к столам. Никодим отвел Катю за стол под локоток.

— Может, мороженого? — вдруг предложил он.

— Ты с ума сошел? — Она неожиданно ожила. — Не видишь, что творится?! Тут людей убили. А ты мороженого...

— Есть хочется. — Никодим пожал плечами. — У меня при виде крови всегда аппетит разыгрывается.

— Вампир!

— Так не хочешь мороженого?

— Сок хочу!

— Какой?

— Ананасовый!

— Не кричи. Уже несу!

Ему позволили сходить к стойке, и через минуту он вернулся с большим стаканом сока и огромной вазочкой, на которой красовались разноцветные шарики мороженого.

— Твой сок.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Она отпила сока и вопросительно уставилась на него.

— Что? — облизнул он ложку.

— Не понимаю, как ты можешь?

— Сам удивляюсь. Ты бы лучше подумала над словами господина полицейского.

— А что такое?

— Он грозился устроить личный досмотр.

— Мы же не террористы.

— Порядок есть порядок.

— Женщин должны досматривать женщины. — Катя жадно допила остаток сока.

— А вот и они.

По кафельной плитке зацокали каблуки. Две миловидные девушки в форме лейтенантов полиции прошествовали в ресторан и замерли подле старшего.

— Внимание! — пробасил начальник. — Сначала женщины. Прошу всех дам пройти

сюда!

Он указал на дверь, за которой, скорее всего, скрывалось подсобное помещение ресторана.

Женщины, а их было около двух десятков и молодых, и пожилых, проследовали за полицейскими в юбках. Досмотр длился томительных полчаса, пока последняя не вышла в общий зал.

— Все в порядке? — шепотом спросил Никодим.

— Да, — так же тихо ответила Катя.

— Теперь мужчины! Внимание! Мужчины по трое!

Никодим решил побыстрее покончить с этой возней и оттого, весело подмигнув Екатерине, пошел в первой тройке.

Вскоре он вернулся на место, а поток мужчин еще добрый час тек за дверь и обратно. Оно и понятно, мужчин было в два раза больше.

Одновременно началась долгая и утомительная процедура допроса сидящих в зале. Сначала расспрашивали о катастрофе в аэропорту, а уже после — о случившемся в ресторане. И все это время шла работа над ранеными и убитыми. Впрочем, раненых, сразу же после оказания первой помощи, унесли на носилках.

— Итак, где вы были в момент, когда началась стрельба? — повторил свой вопрос тот же следователь, что опрашивал их в первый раз.

Никодим сощурил глаза.

— А знаете, мне он сразу не понравился.

— Кто?

— Тот, в кожаном пиджаке. Которого убили.

— Вы его знаете?

— Нет. Откуда. Но вот когда он проходил мимо, я обратил внимание на его глаза... взгляд.

— И что?

— Он смотрел на Катю.

Девушка напряглась.

— Я не заметила.

— Продолжайте.

— Что-то было в его взгляде... холодное или пустое, не знаю даже, как сказать. И глаза у него были красными, с припухлостями. Ну, знаете, как после глобального запоя или долгого недосыпания.

Опер в ответ лишь понимающе качнул головой.

— Так вот, — продолжил Никодим, — он мне и не понравился тогда.

— Именно из-за глаз. Да?

— Точно. — Никодим еще раз прищурил глаза, вспоминая тот взгляд. — Да, точно, нездоровый взгляд.

— Хорошо, — кивнул следователь и принялся тщательно записывать слова свидетеля.

* * *

За окнами полностью стемнело, когда все процедуры были закончены. Однако расходиться не позволяли. Полицейские чего-то ждали. Уже были убраны трупы и вся разбитая мебель. Только на полу подсыхали лужи крови. Чудовищно хотелось лечь, вытянуть ноги и уснуть. Срочно! Кто-то именно так и поступил. Усталость и шок от пережитого сделали свое дело. Люди, сложив руки, как школьники за партой, и уронив на них голову, — спали. Не смотря ни на что. Тех, кого одолевала бессонница, молча завидовали спящим.

Вот и Никодим мучился. Он блаженно вытянул ноги под столом, откинулся на спинку стула, но сон не шел. Катя, положив голову ему на плечо, мирно посапывала. Чтобы ее не

беспокоить, он изловчился и достал сигару одной рукой. У него даже получилось прикурить от спичек. То, что курить вредно, предупреждал не только Минздрав, но и администратор ресторана, и даже вывеска на стене, но Никодим лишь ухмыльнулся. Ну что ты сделаешь, коли выйти не дают. Только по нужде и то под конвоем. Следом за ним осмелели еще несколько курильщиков. И администратор смирился с прокуренным интерьером, лишь умолив мужчин курить по очереди. Опять же сигнализация противопожарная могла сработать.

— А ты ее отключи, — посоветовал один из курильщиков, выпуская дым через нос.

Томление продолжалось. Какой-то умник добавил света, и ресторан ярко осветился. Уснувшие было люди заворчали. Послышалось скрипение раций, полицейские оживились. Большая часть из них спешно покинула ресторан. Остались только четверо с автоматами и еще двое в штатском.

— Спокойно, господа, — подняв руку, заверил один из них, — скоро мы вас...

Ба-а-бах! Именно так для Никодима прозвучал этот звук. Станный и далекий, чужой и одно временно такой знакомый. Молодой человек не хотел изводить себя догадками и твердо решил: пора ложиться. Он чувствительно толкнул Катю в бок, но на взрыв она не отреагировала, лишь сонно пробормотала:

— Что?

Он не ответил, а принялся сразу запихивать ее под стол. Именно запихивать, силой!

— Ложись!

Полицейские напряглись, но пост покинуть не решались. Люди подозрительно косились на действия Никодима, а ему было плевать. Нехорошее, очень нехорошее предчувствие охватило его, как тогда на Мадагаскаре.

Кажется, это было давно и не с ним. Хорошая, в сущности, вышла бы поездка, кабы не местные клановые разборки. И что ему тогда не понравилось во встречной машине? Какой дьявол заставил его выпрыгнуть из пикапа? Но именно это и спасло ему жизнь. А вот все, кто был в том автомобиле, погибли. Судьба. Он не любил вспоминать про Мадагаскар — это вам не мультик.

И вот сейчас то же чувство саднило внутри.

— Лежи... — Никодим положил руку на спину девушке. Она ничего не понимала, но... тут же поняла!

Второй, уже более явственный взрыв, прозвучал почти за дверью ресторана. А затем послышались приглушенные выстрелы.

Двое в штатском остались на месте, а четверо автоматчиков, не сговариваясь, понеслись к выходу. Они не успели открыть стеклянные ворота ресторана, как те со звоном разлетелись на осколки, и в зал ворвались пули вместе с автоматным грохотом. Все четверо оказались буквально настигнуты смертельным свинцом. Двое в штатском выхватили пистолеты и открыли ответный огонь в дверной проем.

— Ползи! — Никодим бесцеремонно поддал Кате по мягкому месту. — Живо!

Девушка на четвереньках стремительно засемила под столами. Люди падали, как куклы. Те, в кого не попали пули, расплзались в разные стороны. Кто пошустрее, прятались за барной стойкой, ныряли через линию подачи, сбивая баки и посуду. Многие были от ран и от страха.

Выстрелы на пару секунд смолкли, видимо, стрелки перезаряжались. И вдруг слух Никодима уловил странный звук. Как будто по полу катился и подпрыгивал стальной шарик.

— Ложись! — заорал он что было мочи.

Взрыв оглушил и осыпал осколками. Часть лампочек на потолке потухла. На мгновение наступила гробовая тишина — людей было не слышно. Лишь только дым и чуть позже звуки падающих на кафельный пол деревянных ошметков мебели.

А затем началось!

— А-а-а-а!

— Помогите!

— Мама! Мамочка...

— Господи!

— Ой! Твою мать!

Никодим нахально ощупал Катю. Девушка пошевелилась.

— Жива, — молодой человек скорее констатировал, чем спрашивал. — Хорошо.

Он мелко затряс головой, как будто желая скинуть наваждение. Слух окончательно вернулся. Да и зрение... глаза были целы.

Легкий дымок медленно рассеивался по помещению. Никодим выполз из-под стола и наткнулся на руку в часах. Рука сжимала пистолет, а в двух метрах от оторванной конечности дико завывал человек.

Тяжелые шаги четко отдались в мозгу Никодима. Он поднял голову и узрел надвигающуюся черную тень. Полицейский с оторванной рукой резко угомонился, видимо, потеряв сознание.

Тень шла уверенно со стороны входа в ресторан. Вот она приблизилась, перешагнула через трупы автоматчиков. Никодим по черной форме определил полицейского из спецназа — он таких сотню раз видел по телевизору. Все как положено — каска со стеклянным пуленепробиваемым забралом, бронник, разгрузка и штурмовая автоматическая винтовка Коробейникова — ШАВК-01, так он вроде именовался...

Первым желанием было вскочить и позвать на помощь этого спецназовца, но Никодим увидел, что одна рука приближающегося была отведена назад. За ногу он тащил второго... точно в таком же обмундировании.

— Черт! — Жгучая догадка опалила мозг, и молодой человек инстинктивно схватил оторванную руку с пистолетом.

Пальцы разжались, и он ощутил тепло рукоятки. Никодим привстал, упер локти в колено, прицелился.

— А ну стой!

Спецназовец не отреагировал. Он продолжал тащить свою ношу.

— Стой! Я буду стрелять!

Едва заметное шевеление сбоку. Никодим скосил взгляд.

— Это он... — прошептал второй в штатском, — стреляй... ну что ты...

Враг замер. Ствол в его руках дернулся, и Никодим выстрелил. Четыре раза подряд, пока затворная планка не отскочила назад. Магазин был пуст. Молодой человек отчетливо видел, как все его пули достигли цели. Спецназовец разжал левую руку и выпустил ногу трупа. Никодим упал, а автоматическая винтовка начала отсчитывать гильзы. Три секунды — и грохот стих. Остались только крики и вой пребывающих в ужасе людей.

— Паря... — простонал очнувшийся раненый, и прямо к лицу Никодима прикатилась брошенная по скользкому полу обойма. Это было спасение.

Никодим быстро перезарядил пистолет — удачно. Спецназовец сорвал с разгрузки гранату, выдернул чеку и отжал скобу. Через прозрачное забрало было хорошо видно его перекошенное в злобной ухмылке лицо. Его сияющие красные глаза...

Никодим вскинул оружие. Он целился в руку с гранатой. Одна за одной он вгонял пули в плоть безумного врага. Тогда ему казалось, что все восемь свинцовых игл попали в цель. Рука спецназовца разжалась, и стальной кругляш ударился о пол, расколов кафельную плитку.

Никодим совершил почти цирковой трюк — отпрыгнул, словно лягушка, — взрыв! Горячая волна ударила по ногам и с силой отбросила его в стену. На этот раз слух отключился первым, затем потух взор, а следом и мозг отказался воспринимать действительность. «Как там Катя?» — только и успел подумать он.

* * *

Завывания и крики стихли. До слуха доносились лишь приглушенные стоны людей.

Помещение наполнилось дымом. Никодим лежал, распластавшись на полу, и вставать ему не хотелось. Нахлынуло чувство усталости и полной отрешенности.

Через какое-то мгновение на потолке что-то завывало, загудело... Повеяло прохладой, дым стал быстро улетучиваться из помещения. Система вентиляции быстро сделала свое дело.

Люди потихоньку приходили в себя. Вставали на четвереньки, отползали, шурша осколками битой посуды, в стороны от трупов.

— Никодим. — Он услышал ее голос. Почти родной... ставший для него родным за этот долгий день.

— Ой, — отозвался он и поднял руку. — Катя, я тут.

Девушка подскочила, нежно положила ему руки на спину.

— Ты как?

— Нормально... живой...

— Встать сможешь? Давай помогу.

Он перевернулся на бок, и она, бережно поддерживая его, помогла подняться.

— Везет же нам с тобой, Катерина, — через силу улыбнулся Никодим, — не день, а сплошное приключение.

— Не смешно. Пойдем сядем... так, осторожно. Хорошо.

— Да нормально, Катя. Нормально. Идти могу. Они дохромали до окна и уселись прямо на полу, прислонившись к стене.

— Мда... — Никодим оглядел мрачную картину побоища. — Что же это за чертовщина творится?

— Самой интересно, — буркнула Катя. — Война? Террористы?

— Если война, то почему нас не предупредили? Его взгляд упал на полицейского в штатском.

Тот с трудом поднялся, огляделся, покачал головой и принялся кого-то вызывать по рации.

— Семыныч?! Семеныч?! Мать вашу, что у вас там? — он буквально орал, видимо контузило мужика при взрыве. — У меня тут полно трупов... Прием! Есть раненые! Медиков срочно! Прием! Как слышишь меня?!

— Главное — живы, — сказал Никодим девушке. Именно сейчас ему захотелось сказать эти слова. То ли ее поддержать, то ли себя убедить... Чертовски хотелось верить, что все наконец закончилось!

* * *

Невольное затишье прервали жалобные стоны и писк рации. Они сидели молча, прислонившись к стене, а за окном горели уличные фонари и нет-нет, да проезжали машины. На все было плевать. Усталость и физическая, и эмоциональная придавила, отяжелила кости. Чудовищно хотелось пить, но встать и сходить было не вмоготу.

Вынужденное затишье оказалось недолгим. Полицейский в штатском (точно мужика контузило, орал на весь ресторан) докричался до начальства, и вскоре зал вновь наполнился медиками и полицейскими. Любопытство съедало изнутри, хотелось знать, что же творится вокруг. Ну ладно, падение самолета и пожар в аэропорту — это можно было объяснить. В конечном счете, самолеты падали всегда. Но что за сумасшедшие люди устраивают огнестрельный переполох? И если первого — в кожаном пиджаке — Никодим про себя списал на террористов, такое тоже может быть, то как объяснить сорвавшегося с катушек полицейского. Тут к бабке не ходи, что-то не чисто!

Его, а заодно и Катины сомнения неожиданно развеяли сами полицейские. Уж больно громко орал контуженный.

— Что у вас там произошло?

— Трое из прибывшего спецназа...

— Что?

— Я говорю, трое из спецназа вдруг начали стрельбу, — повысив голос, ответил полицейский с погонями капитана. — Ворвались в вестибюль... двоих охранников сразу порешили, а потом без разбору по всем начали...

— Я вначале охренел! — вставил второй, в штатском. — Бесовщина какая-то.

— Ну, мы двоих уgomонили, — продолжил капитан, — а третий... е, Саня, ты не поверишь! Он своего напарника, уже мертвого, за ногу схватил и в ресторан поволок.

— Видел! А вы чего его не уложили?! — возбудился контуженный.

— Так чего-чего? Мы пока перезаряжались, он, гад, к вам рванул.

— А-а-а, он, падла, Кольку из седьмого отдела... вон без руки лежит... уже отмаялся. И четверых прямо у дверей всех положил.

— Да ты не ори.

— Чего?

— Да-а-а, видно здорово тебя приложило.

— Спасибо вон тому парню. — Контуженный ткнул пальцем в Никодима. — Завалил придурка.

— Из наших?

— Нет вроде.

Капитан подозрительно посмотрел на парочку, а затем решительно подошел.

— Капитан Скворцов, предъявите документы.

Никодим лениво полез во внутренний карман, извлек заграничный паспорт.

— Так. Хорошая у вас фамилия, Никодим Александрович.

— Обычная фамилия, — пожал плечами Никодим.

— Служите?

— Нет. Отслужил уже.

— Где, когда?

— Давно, в пехоте.

— Срочная?

— Так точно.

— А этого, — капитан кивнул в сторону, — стало быть, вы пристрелили.

— Я. Так уж получилось.

— Понимаю. Извините, за беспокойство. — Капитан вежливо вернул документы.

— И что у тебя за фамилия? — спросила Катя, когда полицейский отошел.

— Настырный.

— Кто? — девушка не поверила.

— Я, Настырный Никодим Александрович.

— Очень приятно. — Она едва заметно улыбнулась и тоже представилась по всей форме: — Некрасова Екатерина Павловна.

— Будем знакомы. — Никодим улыбнулся в ответ.

* * *

Процедура уже который раз за сегодняшний день повторилась. Раненых перевязывали, убитых и тяжелых уносили. Следователи вновь принялись опрашивать всех — кто что видел и слышал. Вот толку от этой затеи было мало. Расспросы продолжались больше часа, после чего кто-то из чинов объявил, что можно покинуть здание. Интересно, из-за всего этого бардака тут такси теперь можно будет поймать? — озадачился Никодим, но Катя его не слушала.

Девушка резко отстранилась и решительно подошла к одному из полицейских. Никодим пошел за ней.

— Простите... — Полицейский обернулся к ней. — Мы тут слышали... это правда, что город якобы закрыли?

— Не якобы, а совершенно точно, — ответил лейтенант. — С утра было распоряжение.
— А почему?
— Карантин.
Катя пожала плечами.
— Не понимаю. Какой карантин? Целый город?
— Девушка, вы откуда взялись?
— Только что прилетела...
Лейтенант понимающе кивнул.
— Ну и напрасно. В городе уже несколько дней свирепствует вирус. Сегодня распоряжением президента город закрывают до особого распоряжения.
— А что за вирус? — из-за спины девушки спросил Никодим.
— А я почему знаю. Приказ есть приказ. Народу, говорят, много умерло... по телевизору передавали...
— Бред какой-то. — Катя обхватила виски. — Бред...
— Пойдем. Спасибо, лейтенант. — Никодим увлек ее за собой.

* * *

Вестибюль был в крови. Трупы, раненые и скользкие гильзы под ногами привели Катю в полнейшее расстройство.
— Я больше не могу... — Ее колени дрогнули.
Никодим едва успел усадить ее на стул.
— Дыши глубже. Вот так — хорошо. Сейчас рванем домой. Уже можно. Примем душ, и все встанет на свои места.
— А мама?
— Конечно — мама прежде всего. Поедем сейчас к маме. Она у тебя где живет?
— На «ваське».
— Ого! — Никодим едва не присвистнул. — Не близко.
— Который сейчас час?
— Почти девять.
— Поздно. — Она выдохнула так тяжело, как будто внутри нее порвалась какая-то жизненная нить.
— Нормально. — Никодим попытался улыбнуться. — Самое время для свидания...
Внезапно стоявший рядом мужчина рухнул на пол. Дернулся пару раз и застыл. Кто-то вскрикнул, кто-то ахнул... Полицейский у дверей напрягся и потянулся к кобуре.
— Не подходите к нему! — громко предостерег мужчина в грязном халате. Сейчас по его виду можно было только догадываться, что этот медицинский халат когда-то был белым.
— Стойте! — повторил медик. — Отойдите!
Сам же доктор смело шагнул вперед. Он присел на корточки, взял руку упавшего, попытался нащупать пульс. Затем он извлек из нагрудного кармана маленький фонарик, приоткрыл мужчине веки, заглянул в глаза. Доктор мгновенно отшатнулся, а затем порывисто вскочил.
— Наз...
Договорить он не успел. Труп пришел в себя. Рука, словно хлесткая плеть, метнулась вперед и ухватила доктора за ногу. Тут же прозвучал точный выстрел — голова ожившего трупа откинулась, череп раскололся, выпуская наружу красно-серую массу...
Выдох облегчения пробежал по толпе, но рано...
Со стороны перехода, ведущего в соседнее здание, раздались громкие голоса, слышались выстрелы. Через секунду в вестибюль ворвались трое взъерошенных полицейских.
— Капитан! — проорал один из них, перепрыгнул через труп и унесся в сторону распахнутых дверей ресторана.

— Все назад! Закройте двери! — почти в один голос прокричали двое других.
Двери, соединяющие вестибюль с переходом, были спешно закрыты. Тут же возник охранник центра с рацией.
— Что там? У меня рация глючит?
— Гости, чтоб их!
— Ага... — кивнул второй полицейский, — не задайся, к чертям, день.
Рация внезапно ожила.
— У них пулемет!
— И мотоциклы... — стиснув зубы, поддакнул сержант.
— Прием! Пятый?! Пятый?! — охранник продолжал забрызгивать слюной рацию, но та больше не проронила ни звука.
— Отмучался, видать, — съязвил полицейский и подпер собой дверь.
— Будем надеяться, что эти байкеры сюда не сунутся.

Глава восьмая ПРИЕХАЛИ...

14 сентября 2013 года, поздний вечер, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

— Гражданочка, повторяю вам еще раз, — полицейский устало сдвинул фуражку на затылок, — туда нельзя. А ты куда прешь?! Разворачивай! Сержант! Уснул?! Разворачивай этих!

— У моего мужа там офис, мне надо забрать документы, — продолжала настаивать дама, сидящая за рулем автомобиля. — Я только...

— Сворачивайте! — явно теряя терпение, изрек лейтенант. — Вы мешаете. Вы не видите, что творится?! В аэропорту взрыв. Пожар...

Недовольно поджав губы, женщина нажала кнопку стеклоподъемника и включила заднюю скорость.

— Ничего-ничего, — сказала она, слегка повернув голову назад, — сейчас, Лариса, я у автосалона припаркуюсь. Вы меня там и обождете.

«Мазда» цвета синий кобальт, легкая и юркая, красиво воткнулась между «ниссаном» и БМВ, заняв место на краю парковки.

— Посидите здесь? Или со мной пойдете?

Лариса обвела глазами ряды разноцветных крыш, плотно припаркованных автомобилей.

— А ты надолго?

— Нет. — Невысокая женщина — темный деловой костюм, длина юбки до середины колена, короткая стрижка и стильные квадратные очки — выбросила ногу на асфальт. — Минут на двадцать, ну на полчаса. Это максимум.

— А ты пройдешь? Посмотри, сколько там полицейских.

— Пройду. Так что, вы остаетесь?

— Скучно, — вздохнула Лариса, — и пить хочется.

— Вот тебе вода. Как там Дема?

— Спит, — доложила девушка, отвернув кружева конверта, — он почему-то все время спит. Это нормально?

— Это здорово, — улыбнулась женщина, — у тебя хороший, спокойный ребенок. Повезло. Ты-то у меня кричала сутками. К Демке я еще ни разу ночью не вставала, а с тобой, по-моему, до года ни разу толком и не ложилась.

— А почему они кричат? — озадачилась Лариса.

— Бог его знает. Может быть, они догадываются, что жизнь — штука тяжелая и нервная. И ничего не получается так, как хочется. Потому что хочешь обычно все и сразу, а

получаешь ничего и постепенно... — Поглядев на дочь, открывшую рот, мама рассмеялась. — А может, у них просто животики болят. Демка еще только учится жить: дышать, моргать, кушать, переваривать, писать и какать...

— А если ты уйдешь, а он заплачет?

— Покачаешь, — женщина пожала плечами, — в крайнем случае — покормишь. Стекла тонированные, никто тебя не увидит, не беспокойся.

— Так полчаса назад же кормили! Нельзя ведь часто, доктор говорил.

— Ты их больше слушай, — фыркнула мама. — Демка сам знает, что ему можно, а что нельзя.

— Да откуда ему знать! Он же еще ничего не соображает.

— Все он соображает. Он у тебя умненький. Ну, бывай. Если что, я у отца в офисе, там мобильники не всегда работают. На своем громкость убавь, а то отец еще позвонит, разбудит внука, он завтра утром обещал вернуться. Ну, я скоро...

— Постой, — Лариса попыталась удержать мать, — а если...

— Разберешься, — решительно сказала женщина, — у меня дела. Полчаса вы без меня проживете. Не скучай, мамуля. — Последнее слово она протянула с ласковым ехидством. Ласки, впрочем, было больше.

— Осторожнее...

— Разберусь. А ты заблокируй двери.

* * *

Лариса слушала радио, изредка покачивая бело-голубой сверток. «Ниссан» отъехал первым, на его место припарковался красный «опель», из которого вышел молодой мужчина, обошел машину вокруг и открыл дверцу для девушки чуть старше Ларисы. Сразу стало тошно. Паша как пропал, так и не показывался — подлец. Но она любила его. Его первого. И появившись он сейчас возле машины, она, не задумываясь, кинулась бы к нему на шею. Она простила бы ему все-все! А Пашка, увидев сына, какой он маленький и красивый, полюбил бы его. И стали бы они жить все вместе. Па-а-ашка! Тошнотворный комок подкатил к горлу. Она держалась из последних сил, чтобы не разрыдаться в голос.

Мама уговаривала отнестись ко всему философски — это как вообще? Рассказывала, что жизнь длинная, первая любовь редко приводит к чему-то постоянному, главное, что ребенок родился здоровым... Все это было, конечно, правильно, но как-то мало утешало. Лариса не верила, что Паша ее бросил. И, похоже, мама тоже в это не верила. Или знала что-то. Вот только что?! Но ей она не говорила. Вот и отец тоже все время отводил глаза и только приговаривал: «Ничего — прорвемся».

Спустя минут пять отъехала и бэха.

— Если сейчас закончится эта песня и скажут что-нибудь веселое, значит, все будет хорошо, — загадала Лариса, — Паша позвонит, а потом приедет. Демка ему понравится. И жить мы будем долго и счастливо и вообще не умрем. Никогда.

— По данным Министерства здравоохранения на сегодняшний день число умерших от загадочной болезни в Санкт-Петербурге превысило десять тысяч человек. Сегодня утром указом президента России город объявлен закрытой карантинной зоной. Прекращается железнодорожное, автомобильное и воздушное сообщение. На всех дорогах срочно устанавливаются санитарно-эпидемиологические посты. Президент принес искренние соболезнования семьям погибших и выразил надежду, что скоро вирус будет побежден. В срочном порядке создан антиэпидемиологический штаб. Над загадкой десятилетия работают видные ученые во главе с академиком Рюсенбергом.

Дальше Лариса слушать не смогла. Слезы, которые она так долго сдерживала, вдруг пролились все сразу, будто опрокинули ведро. Промокли блуза, жакет и даже край кружевного одеяльца.

Группу молодых людей, появившихся со стороны выхода на парковку, Лариса не

заметила. Она оплакивала свою неудавшуюся жизнь так старательно и самозабвенно, словно слезы могли помочь, смыть все проблемы, в том числе загадочный вирус и указ президента.

Внезапно совсем рядом послышался звук смачного удара, дерево вошло в соприкосновение со стеклом. Соседняя «вольво» вздрогнула от удара и немедленно завопила на всю парковку, призывая хозяина на помощь. Лариса потянулась к кнопке, чтобы закрыть стекло, и тут же испуганно съежилась. Машину окружила толпа парней и девиц то ли нетрезвых, то ли обколотых дурью: размашистые движения, улыбки во весь рот, больше напоминающие оскалы. Один, совсем мальчишка, вооруженный чем-то вроде бейсбольной биты, со всей дури треснул по левой фаре «мазды», потом запрыгнул на капот и впечатал каблук тяжелого ботинка в лобовое стекло еще раз. К нему присоединилась девица в джинсах, разрезанных по бокам. Они что-то кричали, но соседняя машина завывала громче.

«Где же полиция?» — в панике подумала Лариса. Она схватила мобильник, чтобы позвонить маме, но тут парень запрыгнул на крышу и принялся выплясывать там что-то из репертуара экваториальной Африки. «Мазду» ощутимо встряхнуло. Демка немедленно проснулся и тоже включил сирену, вместе с «вольво» они составили неслабый дуэт. Лариса попыталась втянуть голову в плечи, как черепаха. Послышался хруст лобового стекла, и оно покрылось частой сетью трещин. Толпа совсем развеселилась и принялась раскачивать машину. Ларису внутри бросало из стороны в сторону, сумка упала, раскрылась, и оттуда высыпалось все: ключи, мобильник, косметичка, пачка салфеток. Девушка не кричала, лишь согнулась и покрепче перехватила орущего ребенка, стараясь уберечь его головку от ударов. Машина раскачивалась все сильнее и вдруг повалилась на бок. Посыпались удары в днище. «Мазда» еще раз качнулась и повалилась «на спину», как черепаха. Перепуганная пассажирка внутри салона лишилась чувств. Малыш продолжал кричать, а толпа, похоже, даже не заметила, что внутри перевернутой «мазды» кто-то был. Их внимание привлек красный, как пожарная машина, «Рейндж-Ровер». Перехватив поудобнее биты и обрезки труб, они направились туда, круша по пути фары и зеркала.

Лариса пришла в себя довольно скоро от боли в запястье. Она то ли стояла, то ли лежала на четвереньках. На спину давил руль, а где-то у коленей привалился теплый сверток. Молчащий сверток!

Лариса осторожно переместилась так, чтобы лечь на бок, и подтянула к себе конверт здоровой рукой. С тихим ужасом заглянула внутрь.

Из кружев на нее смотрели огромные синие-синие глаза сына. В них светилось безмерное удивление. И молчал Демка скорее от этого самого удивления, чем от страха.

— О Господи, — выдохнула Лариса. Она нашарила под собой мобильник. С ним все оказалось в полном порядке, но мама не отвечала. Все, как она предупреждала — сеть не ловила. И как вовремя!

В салоне ощутимо пахло бензином. Девушка попыталась толкнуться в дверь, но ту, похоже, заклинило. Сознание, вскормленное Голливудом, немедленно подсунуло целый калейдоскоп картинок с горящими машинами, взрывами бензобаков и взлетающими в синее небо лимузинами. Две секунды паники — и тот же Голливуд пришел на помощь. Лариса легла так, чтобы иметь лучший упор и с силой ударила в лобовое стекло ногами. Раз. Другой. Потрясенный ребенок снова пискнул.

— Да тихо ты!

С третьего удара стекло вывалилось целиком. Ногами вперед, каракатицей, девушка выползла наружу, подтаскивая за собой ребенка. И на подгибающихся ногах бросилась подальше от разгромленной «мазды», туда, где возвышались корпуса бизнес-центра. Мобильник остался в машине.

* * *

Сирены скорой в последние несколько дней стали для города на Неве привычной музыкой, но в этот раз к ним присоединились милицейские, или, как сейчас говорили,

полицейские. Парковка была большой, или Ларисе это только показалось, но, добираясь из одного конца в другой, она немного успокоилась и даже стала смотреть по сторонам, проявляя здоровое любопытство. Несколько машин пронесли мимо нее, свернули, замерли. Похоже, у соседнего здания.

Значит, этих придурков понесло туда? И слава Богу!

Разбитые стекла устилали ей путь, словно она была средневековой женой, уличенной в измене. Правда, никто не требовал идти по ним босиком. Разбитые фары, оторванный бампер. Две или три машины лежали на боку, а одна, как теперь и их «мазда», торчала вверх колесами. Странно, но полицейских, видно, не было, хотя всего час назад тут стоял кордон.

Лариса знала, что такое толпа. Как-то пару лет назад она возвращалась из школы домой и увидела, как на небольшом асфальтовом пятнышке компания пацанов азартно пинала плюшевого мишку. Пинали и пинали, какая разница, мишка или мяч? Но вдруг на одно мгновение Лариса ощутила его живым. Острая жалость полоснула по сердцу, и она, не раздумывая, бросилась под ноги ребятам, вытаскивая грязного, порванного в трех местах невезучего топыжку. Обломала парням весь футбол. Те, понятно, в отместку попинали ее вместо мишки. Слегка, несильно... Всего одно ребро сломали да фингал поставили. Медвежонка она отбила, и вечером, стараясь не особенно шевелиться, чтобы не тревожить грудь, стянутую тугой повязкой, осторожно сунула его в тазик с мыльной пеной. Запихать игрушку в стиральную машину Лариса почему-то не решилась, словно тот и впрямь был живым.

Толпа способна на все. И стоять у нее на пути — все равно что пытаться перекрыть движение на Кольцевой, просто раскинув руки. Лариса и не собиралась мешать банде явно рехнувшихся парней. Не собиралась... Но нужно было хотя бы позвонить в полицию. Выполнить свой гражданский долг.

К сожалению, мобильник остался в машине. Вместе с карточкой, деньгами, ключами от квартиры и... И это все не важно. Самое главное свое сокровище она успела вынести, а остальное — да гори оно все огнем!

Небо в тот день явно почистило уши, потому что едва девушка успела про это подумать, как сзади раздался мощный взрыв и возник столб черного дыма. «Мазда» все-таки рванула.

Лариса ускорила шаг, до «мамино» бизнес-центра было уже недалеко...

* * *

В огромном вестибюле было прохладно и тихо. Несколько человек сидели на диванах, молодой мужчина стоял у «вертушки», о чем-то негромко вещал телевизор. Лариса нерешительно замерла у входа. Она никогда здесь не была, отец совсем недавно арендовал здесь офис, и ей не довелось. И к тому же ей показалось, что все присутствующие смотрят на нее... Через секунду она поняла, что ничего ей не показалось. На нее и в самом деле смотрели в упор несколько пар глаз. Словно пытались ей что-то сказать.

Мужчина у вертушки даже попытался сделать что-то этакое глазами. Недоумевая, Лариса сделала несколько шагов к нему.

— Простите, вы не подскажете, где я могу позвонить в полицию? — спросила она.

— Села на пол, коза! Не шевелиться, дышать только по моей команде! — прозвучало над ухом.

Лариса обернулась. За ее спиной стоял, покачиваясь с ноги на ногу, длинный парень, рыжий, с тонкой бородкой, в линялых джинсах и футболке с надписью «А нам все по...». Откуда он возник? Тут она поняла, что в огромном вестибюле на самом деле намного больше народу, чем показалось ей с порога. Просто основная масса сидела и лежала на полу, не поднимая голов. А остальные подпирали стеночки. И этих остальных Лариса признала. По крайней мере одного — того парня, который танцевал на капоте ее машины.

— Вы тут что, грабите? — искренне удивилась Лариса.

Но как? У банды укуренных придурков не было никакого оружия. Не считать же оружием одну бейсбольную битую на троих? И тут до нее дошло — как. Эта штука настолько не вписывалась в местный интерьер, ее настолько не могло здесь быть, что поначалу Лариса ее даже не увидела. А увидев, приняла за деталь декора.

Посреди вестибюля стояла пушка. Самая настоящая. Небольшая, выкрашенная в зеленый цвет, как в фильмах про Вторую мировую войну.

— Вот ЭТИМ грабите? — уточнила Лариса, — креативненько.

Потеряв терпение, Рыжий толкнул ее в спину, и она плюхнулась на пол рядом с мужчиной средних лет в дорогом костюме и галстук ручной работы. Ребенок завозился, но подумал и, видимо, решил, что плакать не стоит. Он был сыт, упакован в памперс, так что проблема мокрых пеленок его не беспокоила, а все остальное происходящее в мире казалось малышу несущественным.

— Это правда пушка? — спросила Лариса шепотом, почти не разжимая губ.

Сосед, тот, который в костюме, посмотрел на нее как на идиотку, общаться не пожелал и демонстративно отвернулся. Но сидевший чуть дальше мальчишка в форме разносчика пиццы оказался приветливее.

— Это пулемет, — почти шепотом сказал он.

— Такой здоровый? — не поверила Лариса.

— Дегтярева-Шпагина, крупнокалиберный, — с законной гордостью за свою страну пояснил пацан, — безоткатка. Рульная вещь.

— Как думаешь, они на самом деле выстрелят?

— Да фиг знает, — курьер пожал плечами, — у них только три ленты, я видел, так что, может, и обойдется. Хотя нам тут и одной хватит.

— Ты что, их знаешь? — поинтересовалась Лариса.

— Так это же Ред и его банда. «Безумные Колеса». Они из нашего района.

— Байкеры?

— Ага. У Реда настоящий «Урал», раритетный. С коляской. На нем он свою пушку и таскает.

— Странно, — Лариса переменяла положение, усевшись поудобнее, — где же они свои «табуретки» бросили?

Разносчик пиццы оказался мальчиком информированным, и пока байкеры связывались с властями и пытались качать права, он шепотом вводил Ларису в курс дела:

— Ред почти год провел в туберкулезном диспансере, в закрытой палате, так что у него насчет больниц и болезней — фобия. Он когда услышал, что город закрывают, у него, видимо, шифер съехал. Вмиг собрал свою банду. А они всегда рады прокатиться ну и повыпендриваться. Только на этот раз выпендриться не вышло. На Таллиннском шоссе, там, где санитарный контроль, «ежик» растянут. И как они подъехали полным составом, Ред на своем «Урале», с пушкой, Тери с Карлом на джипе, остальные... Трамплин кинули и этого ежа перескочили. Их попробовали остановить из водометов, но не успели. Ребята уже радовались, но метров через триста оказался второй пост, уже посерьезнее. Там поперек трассы баррикаду устроили из старых побитых тачек. Ну и... В общем, они попытались по краю проскочить.

— Эй, вы! — Один из байк-террористов ткнул битой в их сторону. — Заткнулись оба, а то башку разобью.

Парень умолк, а Лариса невольно опустила глаза. Здоровяк в косухе удовлетворенно хмыкнул и перевел свое оружие в положение «на плечо». Лариса пару минут выжидала, а потом едва слышно спросила:

— И что дальше?

— Так там же армия, не копы. — Парень с опаской покосился на байкеров и тихо-тихо продолжил: — Они двоих автоматами и сняли. Остальные назад повернули.

— Насмерть? — испугалась Лариса.

— Парни не знают. Они удрали, чтобы самим под раздачу не попасть. Вот и злые... Мы

тут с самого утра зависаем.

— Ого.

— Тут сначала народу набилось из аэропорта разрушенного, слышала?

Девушка кивнула.

— Копы, медики и все такое... а потом в другом здании стрельбу кто-то открыл. Копы все туда свинтили. А потом там еще и рвануло что-то...

Лариса испуганно расширила глаза и прикрыла рот рукой, у нее это вышло так мило, что парень невольно улыбнулся.

— И что дальше? — Девушка убрала ладонь от губ.

— Не знаю. Тут как раз Ред со своими нарисовались. Во-он видишь у ресепшена тело лежит, это они охранника битой приложили — насмерть. И у входа они еще копа одного байком сбили... я не видел, но Ред кричал, что ему тоже... того...

— Да-да, — Лариса закачала головой, — я, кажется, видела мотоциклы... у дверей... а чего полиция?

— Здесь такой шум-гам стоял! — Парень еще раз скосился на захватчиков, убедился, что никто из них не смотрит в их сторону и продолжил. — С нами двое или трое копов было, но эти ушлепки грамотно пулемет развернули. А Ред и проорал им, чтоб убирались, иначе всех покрошит в оливье. Копы и убрались.

— А где они?

— Рядом. Во-он за теми дверями коридор с магазинчиками, а там и второй вестибюль.

— Так это рядом.

— Ага, рядом...

И они, не сговариваясь, обернулись в ту сторону... площадка с лифтами, а за ней и впрямь стеклянные двери, вероятно, запертые, и около них неспешно прогуливался высокий худощавый байкер. Он крутил на пальце пистолет, по всей видимости, подобранный у убиенного охранника или копа. Парень чувствовал себя королем, ходил с гордо поднятой головой, а на его прыщавой физиономии время от времени появлялась дурацкая улыбка. Тут он неожиданно повернул голову и узрел двоих заложников, смотревших на него.

— Эй, — только он и успел сказать, как пистолет сорвался с его пальца и громко бухнулся на кафельный пол. — Эй! — Он так засуетился, стараясь поднять ствол, что, когда это ему удалось, кричать было уже не на кого. Лариса и разносчик пиццы отвернулись и сделали вид, что ничего не произошло.

— Чего орешь? — громко спросил рыжий главарь.

— Они на меня пялились! — Худощавый неопределенно тыкнул стволом в заложников.

— Кто?

— Ну... вон... не... ну...

— Косой, хорош блять! Смотри за воротами!

Осаженный начальством худощавый спрятал пистолет в карман и обратил свой взор на стеклянную дверь, сквозь которую красовались подсвеченные витрины торговых отделов.

— Интересно, чего они хотят? — вздохнула Лариса. — Денег?

— Да нет. Хотя и от денег не откажутся. А хотят они, чтобы их выпустили из Питера. Всех. Без карантина.

— И откуда ты взялся, такой информированный и до сих пор живой, — буркнул дядечка в костюме.

— От папы с мамой.

— Я таких шустрых в свой банк дальше окошечка не пускаю. На всякий случай.

— И не надо, — заявил разносчик пиццы, — кому нужен банк, который вот-вот обанкротится.

— С чего это ты взял?

— Конечно обанкротится, — убежденно продолжил пацан, — сорок три процента в день и никакой страховки по кредиту!

Дема завозился в пеленках и вдруг отчаянно, горько ревнул на весь вестибюль. На Ларису стали оглядываться. Она лихорадочно затрясла конверт, словно пыталась просеивать муку. Мальчишка не умолкал, плач его становился все громче и требовательнее.

— Есть хочет, — поняла Лариса, — вот, блин!

— Ну так покорми. Или он у тебя искусственник? — Разносчик пиццы, похоже, оказался информированным не только в вопросах мототерроризма и банковской политики.

— Да нет, — досадливо поморщилась Лариса, — просто неудобно. Смотрят.

— Попросить, чтобы отвернулись? — Новый знакомый с готовностью набрал в грудь побольше воздуха.

— Нет-нет, не надо, — торопливо остановила его Лариса, — не ори. Напугаешь. Я лучше так как-нибудь.

— Я думал, что это делается не как-нибудь, а грудью, — съязвил «костюм», видимо, в качестве маленькой мести за сорок три процента.

— Все мужики знают, чем и как детей кормят! Чего ж вы тогда не рожаете? — окрысилась Лариса.

Она отвернулась к стене и расстегнула блузу.

Соседи деликатно отвернулись. Получив доступ к молоку, Дема немедленно замолчал, а через секунду с аппетитом зачмокал.

— Везет мужику, — с нескрываемой завистью протянул курьер, — собственный бар всегда рядом. А я бы сейчас дернул чего-нибудь типа колы или минералки.

* * *

Шел уже второй час их сидения на полу под угрозой дурацкой пушки. Пить хотелось не одному пареньку-курьеру, но байкеров это, похоже, мало трогало. Они потягивали пиво, зыркали по сторонам, по очереди бдели у безоткатки, а Ред время от времени что-то рычал в телефон.

Внезапно со стороны длинного коридора послышался какой-то шум. Курьер сообразил первым.

— Как только я скажу «Бежим!», дергай за мной, — прошептал он.

— Что? — не поняла Лариса.

— Бежим!

Лариса так и не успела ничего сообразить, парень схватил ее за руку и потащил за собой. Она едва успела поудобнее перехватить ребенка.

Они влетели прямо в распахнутые двери большого лифта, буквально вдавив туда пассажиров, собиравшихся выходить. Сзади Ларису толкнули, потом еще раз, и еще. Она заорала:

— Ребенка задавите! — И попыталась выгнуться буквой «зю», чтобы отвоевать как можно больше пространства.

Курьер приложил к устройству какую-то карточку и, не глядя, хлопнул по кнопке, двери закрылись, и лифт, слегка вздрогнув от перегруза, плавно пополз вверх.

— Хулиганье! — Пожилая дама, которую за мгновение до этого буквально вдавили в стенку, попыталась выпрямиться и расправить плечи. — Немедленно опустите лифт назад, на первый этаж!

— С удовольствием. Куда скажете, — отозвался курьер, — как только мы выйдем на... — он глянул на табло, — пятом этаже. После этого, мадам, вы можете валить куда хотите, хоть прямоком в объятья террористов.

— Что? — опешила она.

И тут второй раз за день жизнь продемонстрировала свой мерзкий характер. Мигнул свет. Лифт дернулся и... остановился.

* * *

Бледные фонари заливали холодным голубоватым светом площадку, откуда никто не позаботился убрать разбитые машины. Возле одной из них, полуобгоревшей «мазды», стоявшей вверх колесами, который раз за этот трудный вечер звучала одна и та же мелодия: «Мамочка любимая моя...». Мобильник подавал голос в среднем каждые полчаса, но без пользы. В конце концов у него сел аккумулятор и он отключился.

* * *

Мужчина в дорогом костюме и с изящной тростью по меньшей мере в десятый раз надавил кнопку вызова. Динамик молчал. В кабине лифта, застрявшего между третьим и четвертым этажами, становилось уже ощутимо жарко и душно.

— Уснули они там, что ли? — раздраженно проговорила пожилая женщина.

— Ага. Вечным сном, — кивнул паренек-курьер.

На него даже не зашикали. Время шикать прошло сразу вслед за временем терзать кнопки мобильных телефонов в попытках дозвониться до аварийных служб, МЧС, полиции, скорой помощи и даже газовой службы. У застрявших в лифте просто не было лишних сил.

— Пацан спит? — спросил новый знакомый.

— Ага. Удивляюсь ему. Спит почти все время, хоть камни с неба.

— А чего ему переживать. За него мама волнуется.

Лариса невольно улыбнулась.

— Интересно, чего там Ред и остальные делают?

— Ну, судя по тому, что они так и не выстрелили, либо все по-старому, либо приехали менты и всех повязали.

— Если бы всех повязали, нас бы уже вытащили, — возразила Лариса, — а так никому нет дела до застрявшего лифта.

— А как же другие люди?

— Для других людей есть другой лифт, — пожала плечами девушка, — ты сам-то, если бы обнаружил, что лифт не работает, что бы сделал?

— Пошел бы искать другой, — кивнул парень, — во всяком случае, бить тревогу не стал бы. То есть, ты хочешь сказать, что никто нас не вытащит?

— Никто не знает, что мы здесь. Мобильные не работают. А люди уже разошлись по домам... Или сидят на полу в вестибюле и боятся пушки. Господи, мама, наверное, уже с ума сошла, времени-то почти одиннадцать.

— Так, может, твоя мама поднимет тревогу, и тебя начнут искать? — вдруг воспрянула духом пожилая дама.

— Если она жива, — подал голос мужчина с тростью.

Тут, несмотря на то что время шикания вроде бы прошло, на мужчину зашикали. Но поздно: Лариса, которая все это время держалась удивительно стойко, вдруг словно переломилась пополам, сползла по стене на пол и, откинув голову, в голос завывала, горестно и обреченно, как воеет попавший в капкан зверь. Малыш, услышав странный звук, проснулся и, видимо, с испугу, громко заорал. Парень бросился приводить в себя Ларису, пожилая тетка принялась пилить мужика с тростью: ее губы шевелились энергично, а мимика была весьма выразительна, но две «сирены» полностью забили эфир. Внезапно ожила статуя молодого, небрежно, но хорошо одетого мужчины, который влетел в лифт последним и до сей поры молча подпирал стену. Он протиснулся вперед и коротко, без размаха, отвесил Ларисе пару хлестких пощечин. Вой немедленно прекратился. Девушка часто заморгала.

— Знаешь, когда слушаешь дурака — дураков уже двое, — доверительно сказал мужчина. Он аккуратно принял на руки конверт с оружием Демкой и покачал, успокоив Ларису: — Что могло случиться с твоей мамой? Метеорит не падал, самолетов с бомбами не было, на верхних этажах тихо. Просто задержали, небось, до выяснения... А сейчас уже поздно, никто у нее заявления не принимает. Да если бы и приняли, искать начнут только с

утра. Между прочим, пацан твой обкакался. Подгузников запасных, конечно, с собой нет?

— В машине остались, — тихо прошептала Лариса, начиная потихоньку постигать масштаб катастрофы. Она в застрявшем лифте, с двухнедельным ребенком без памперсов, без салфеток, без кипяченой воды, без сменных пеленок... Проще сказать, что у нее с собой есть. Есть молоко — даже странно, от таких переживаний — и не пропало, и робкая надежда, что с мамой все в порядке, и она их найдет.

— Надо выбираться отсюда, — озвучил мужчина общую мысль.

— Может быть, вы еще скажете, как это сделать? Я был бы вам чрезвычайно признателен, — ядовито произнес обшуканный «костюм».

— Через крышу.

— Но здесь нет люка, — заметил разносчик пиццы.

— Придется пробить дырку. — Мужчина вручил ребенка разносчику пиццы, внимательно оглядел потолок и, словно примериваясь, пару раз ударил в него костяшками правой руки. Удар у него был ничего себе, вполне боксерский. Но на потолок, сделанный из добротного финского листового металла, нисколько не повлиял. Потолок даже не прогнулся, даже не заметил, что по нему колотят.

— Не получится, — заметила пожилая дама, — если бы был пластик — другое дело, а цельный железный лист — абсолютно нереально.

— А вы можете предложить что-то более реальное? — спросил парень.

— Надо отжать дверцы и посмотреть, где мы застряли. Если не между этажами — вылезем.

— А вы откуда знаете?

— А фильм «Скорость» смотрела. — Тетка, похожая на черепаху Тортиллу, неожиданно улыбнулась. — А еще я инженер по лифтам. Правда, по специальности почти не работала, преподаю.

— Повезло, — сказал молодой мужчина, — тогда командуйте, уважаемая. А я дергать буду. Так сказать грубая сила плюс интеллект.

— Одна голова лучше, а две — мутант, — съязвил парень.

— А ты не остри, а лучше помоги ребенка перепеленать, иначе он не успокоится.

— Во что? — робко пискнула Лариса.

— Да просто сними с него обкаканный подгузник да заверни в пеленки.

— Так они через пять минут снова мокрые будут!

— Ничего, здесь тепло. А вылезем, сообразим, во что наследника переодеть.

— Вы что, собираетесь ЭТИМ здесь трясти! — заволновался «костюм». — Господи! У вас ум есть? Тут и так воздуха мало.

— Дети в этом возрасте почти не воняют. В отличие от вас, уважаемый, — авторитетно заявил молодой человек. — У меня свой недавно родился.

— А где он сейчас? — спросила Лариса, которую доброхоты на время освободили от забот.

— Слава богу, не здесь. Я жену рожать в Германию отправил, роды были тяжелые, с осложнениями, так их там задержали. А я вернулся вот... на свою голову.

Примерившись, он несколько раз подряд резко дернул двери. Они дрогнули, но и только.

— Монтажку бы...

— А вон, трехногого растрясите, — посоветовал разносчик пиццы, — у его палки набалдашник здоровый.

«Костюм» немедленно протянул свою трость, не ожидая, когда на него опять зашкают. Мужчина осмотрел ее и забраковал.

— Легковата. Чуть бы потяжелее что.

— Потяжелее нет. — Дама-инженер порылась в сумочке и извлекла оттуда маникюрный набор. — А вот поострее — можно. Здесь ножницы хорошие, стальные, с острыми концами. Если зажать в кулаке, чтобы сразу не сломались...

Ножниц, и в самом деле отличных, не хватило. После них в ход пошла пила. Самым полезным оказался обнаруженный в том же наборе алмазный надфиль. Он и двери победил, и сам устоял. Получившуюся щель мужчина расширил руками. Через нее сразу же ощутимо потянуло холодом, но люди поначалу не замечали этого, блаженно вдыхая свежий воздух. Оказалось, что застряли они совсем близко к вожделенному четвертому этажу, вылезти, в общем, можно. Если посидеть на диете. Или хорошенько намазаться мылом. Впрочем, кое-кто мог запросто пролезть и так. Даже зазор бы остался.

— Я тяжеловат, — сказал молодой мужчина, — боюсь, не поднимете даже все вместе. Нужен кто-то полегче.

— Подсадишь? — парень передал ребенка пожилой тетке, подмигнул Ларисе, наступил на подставленные руки мужчины, зацепился за край, вспомнил известную мать и с ловкостью обезьяны втащил себя в дыру.

Народ, замерев, ждал.

— Что теперь? — не выдержала Лариса.

— Вижу двери, — объявил разносчик пиццы.

— Очень хорошо, — учительским тоном произнесла Тортилла, — там, сантиметрах в пятидесяти от пола, есть шахтный замок. Его нужно поднять вверх.

— И что, двери откроются?

— Да нет, они открываются только парно. Придется вручную отжимать. Но это не тяжело, просто неловко.

«Трехногого» все-таки раскулачили, палка исчезла в проеме, и после пары минут и пары сдавленных ругательств, парень объявил:

— Я их открыл. Лезу!

— Обожди, — ринулся вслед за ним мужчина, но не успел.

— Я зацепился, — заорал пацан, — щас вылезу и всех спасу, МЧС, блин, на полставки!

Выгрузка из лифта оказалась делом технически довольно простым, хотя и нервным. Первой подсадили Ларису. Ее, единственную, разносчик пиццы мог втянуть наверх, не рискуя сам сверзиться в шахту. Следующей была дама-инженер. К ее чести, она не стала переживать о том, что двое мужчин увидят снизу ее белье, а, крихтя и охая, наступила на подставленные руки, и молодежь вытянула ее уже вдвоем. Потом аккуратно эвакуировали нервного «костюма», малыша... Последним выбрался молодой мужчина. Он и вправду оказался слоником, ему помогали все, кроме Демки. А тот, переодетый в сухое, успокоился и снова уснул прямо на жестком полу в коридоре, скупо освещенном аварийными лампочками.

Глава девятая ПУСТОТА

14 сентября 2013 года, поздний вечер, Санкт-Петербург, где-то глубоко под землей.

Маленький мальчик по лесу гулял.

Случайно споткнулся и в яму упал.

«Папа, зачем среди леса метро?» —

Спрашивал мальчик, сломавший ребро.

«Диггеры это, — отец говорит, —

Спать угнали проходческий щит».

Лера закончила декламировать выдуманное на ходу стихотворение, щелкнула зажигалкой и прикурила.

— Все частушки сочиняешь? — Черный отвернулся. Сам он не курил, и терпеть не мог табачного дыма, но вредную привычку напарницы ему приходилось терпеть. Они стояли, прислонившись к огромной вентиляционной шахте. В тишине ночи был ясно слышен шум

«Карлсонов».⁸

— Ага... а тебе, что не нравится?

— Слышала указ президента? — вопросом на вопрос ответил парень.

Напарница с отрешенным видом отравляла себя никотином. Медитировала перед заброской. Или молилась. Или просто прикидывала предстоящий маршрут. Но разговор поддержала.

— Каждые двадцать минут передают. И что? И ты, и я знаем, что если захотим, то уйдем отсюда в любой момент и в любую сторону.

— Так, может, уже пора? — осторожно спросил Черный.

— Нет, — сказала Лера, не поворачивая головы и не меняя выражения лица.

— Почему? — озадачился Черный.

— Потому что отсюда мы за периметр не уйдем, — обстоятельно разъяснила Лера, — нужно было в другом месте лезть. Это — во-первых. А во-вторых, собираться нужно было по-другому. Я, например, свою коллекцию лимонадных этикеток не захватила.

— Так мы же не собираемся навсегда уходить. Как только с вирусом справятся, сразу вернемся.

— А если с ним не справятся? И решат выжечь всю заразу от греха подальше хорошей такой ядерной бомбой. И пропала моя коллекция.

Секунд на десять Черный завис. Потом с облегчением рассмеялся.

— Шуточки у тебя.

— Нормальные у меня шуточки. Ты, вон, ржать изволишь, как лошадь. Значит — смешные.

— А еще новость хочешь?

— Ну?

— Мы с тобой с утра в бизнес-центре, в кафешке сидели... — Парень сделал многозначительную паузу, но Кошка предвосхитила его информационный экстаз.

— Знаю уже. В «Пулково» разбился самолет. Пожар и все такое... многие укрылись в бизнес-центре. Но потом и там тоже произошел мега-апокалипсис со стрельбой и прочими выкрутасами... брехальник исправно передавал днем новости.

— А что потом было, знаешь?

— Не-а, я выключила.

— Говорят, там полный абзац!

— Оно нам надо? Там без нас разберутся.

— Нет, ты послушай. Я уже перед тем, как сюда ехать, слышал... профессор один вешал, что, мол, вирус убивает не всех.

— Вот нас с тобой не тронул. — Она сдержанно улыбнулась.

— Да слушай ты! — Он немного занервничал. Потер глаза руками. — Многие сходят с ума из-за вируса... бросаются на людей — убивают.

— Ого, — Лера присвистнула, — ни фиги себе вводная!

— А я тебе о чем. Профессор еще втирал что-то про покраснения глазных яблок, дескать, перед тем как человек сходит с ума, его глаза...

Она не дала ему договорить, приблизилась и заглянула ему в лицо.

— У тебя еще днем глазенки красные были... вот и теперь. Ты на меня не бросишься?

— Да иди ты. Я нормальный. Я не спал двое суток...

— О-о-о, тогда я с тобой не пойду.

— Кошка!

— Ладно-ладно, шучу.

— Главное еще, что у них кожа меняет пигментацию...

— У кого?

⁸ Карлсоны — вентиляторы (слэнг).

— У сумасшедших.

— Все! Хорош меня сказками пугать. У нас дело, или ты забыл? Давай вначале наших придурков найдем, а там решим, куда нам от этого вируса тикать.

Докурив, девушка тщательно затушила окурок и припрятала. Правило номер один — не оставлять следов. Запустив пальцы за ворот свитера, вытащила небольшой кулон, поцеловала его, опустила назад. И с этой секунды преобразилась, окончательно перестав быть Лерой Левандовской, в меру безалаберной студенткой третьего курса политеха, и превратилась в Кошку, сосредоточенную, спокойную, терпеливую. Кошку, у которой нервы отсутствовали за полной ненужностью. И окликать ее иначе стало просто бесполезно: не то что бы пропустит мимо ушей, просто не услышит.

— Полезли, что ли, — буркнула она, — между прочим, эта вша — сто метров, ты в курсе?

— Ты что, была здесь? — удивился Черный.

Кошка ничего не ответила. Ловко вскарабкалась наверх оголовка, покрутила головой. Хмыкнула.

— Есть распил? — вполголоса спросил Черный.

— А как же, — довольно отозвалась девушка, — свеженький, муха не сидела.

— Значит, Джампер и вправду был здесь совсем недавно!

— Значит, кто-то был здесь совсем недавно, — поправила Кошка. — Давай, ты первый, я за тобой. На всякий случай.

— На какой такой случай? — насторожился Черный.

— Если свалишься — не собьешь меня, — хладнокровно пояснила Кошка.

— А если ты свалишься?

— Я легче тебя, так что удержишься.

Ствол шахты, уходивший вниз, казался бесконечным. Впрочем, он и был таким. Или мог стать для некоторых чересчур самоуверенных камрадов, переоценивших свои силы. Когда Кошка встала на лестницу, Черный уже спустился метра на три вниз. Она включила фонарь.

Где-то после семидесяти метров руки начали чувствовать усталость.

— Эй, аккуратнее! Ты мне берцем чуть по интеллекту не въехала.

— По чему? — изумилась Кошка.

— По косточке, — быстро поправился Черный.

— А ты не подставляй свои косточки под мои тапочки.

Нога Черного неожиданно повисла в пустоте.

— Кошка! Тут дальше лестницы нет. Пролет оторван.

— Сколько до низу? — деловито спросила девушка.

— Метров пять. В принципе, можно прыгнуть.

— А ты захватил ремкомплект для голеностопа?

— Что? А, — сообразил Черный, — думаешь, ноги переломаем?

— Я не думаю, я карабин пристегиваю.

Связка черных проводов убегала вниз и терялась в темноте. Чем ниже, тем тяжелее становился воздух. Пахло гнилью. Но и теплее стало тоже. Внизу оказалось небольшое помещение с кабелями и трубами. При свете фонарей Черный и Кошка глотнули воды и перевесили поближе девайсы.⁹

— Что еще ты знаешь, кроме того, что Джампер и Сердце Мира обнюхивали эту шахту? — вдруг спросила Кошка. Вопрос прозвучал так неожиданно и резко, что Черный вздрогнул.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому что хочу услышать ответ.

⁹ Девайс — приспособление для взлома, бывает очень разным, в зависимости от личного креатива.

— Я имел в виду, почему сейчас? — Черный озабоченно хлопал себя по карманам, — неужели выронил?

— Трехгранник? Выронил. Я подобрала. А спрашиваю сейчас потому, что наверху ты бы мне опять соврал.

— Опять?

— Ты что-то знаешь, — уверенно сказала Кошка, — и это что-то больше, чем просто треп о том, что они купили домкрат и получили наводку на эту вентуху.

— Да с чего ты взяла? — возмутился Черный. — И вообще, что за разборки на маршруте?

— Не ори, не дома, — резко бросила Кошка. — Взяла с того, что слышу, когда мне врут. Просто слышу. А разбираюсь сейчас, потому что раньше ты мне правду не сказал, а позже мне она, возможно, будет неинтересна.

Черный дернулся, но быстро осел. Действительно, собачиться с напарником на маршруте было не просто глупо — опасно. Им с Кошкой предстояло страховать друг друга. Развернуться и уйти, прервав экспедицию, было еще глупее — ползти сто метров вниз по ржавой лестнице, грозившей обвалиться в любую секунду, чтобы просто погавкаться, а потом те же сто метров карабкаться вверх? Идиотизм. Но если он не скажет правду, то Кошка просто сядет на пол и дальше не пойдет.

— Умеешь брать за горло, — признал Черный. — Хорошо. Мы сюда лазили.

— Джампер и ты?

— Джампер, я и Сердце Мира. Втроем.

— Когда?

— Трое суток назад.

— И? — поторопила Кошка, потому что Черный замолчал и, похоже, был намерен молчать до греческих календ.

— На стрелке мы разошлись. Договорились, что идем каждый в свою сторону десять минут, потом возвращаемся. Если кто-то увидит что-то интересное, исследуем вместе. Я ничего интересного не встретил, вернулся назад. Ждал их... Они так и не появились. Я ушел. Все.

— Долго ждал? — спросила Кошка. Она, казалось, не была ни удивлена, ни возмущена. Просто слегка заинтересована. Черному пришлось напомнить себе, что Кошка и Лера Левандовская — два разных человека. И если Лера уже прыгала бы вокруг него с криками: «Как ты мог?!», то Кошка, как Атос во второй серии «мушкетеров», допускала любые мысли, знала, что при определенных обстоятельствах каждый способен на все, и ничему не возмущалась. Просто потому что толку с этого — ноль.

— Почти час, — ответил он.

— В тоннель, где они пропали, не ходил?

— Нет, — через силу выдавил Черный, мучительно краснея. Ему было стыдно за свою трусость. И особенно потому, что приходилось признаваться в этом девушке, которая ему давно и всерьез нравилась.

— Молодец, — неожиданно сказала Кошка.

Черный вскинул голову, заподозрив тонкую издевку. Но темные глаза Леры смотрели на него вполне серьезно. Она его и в самом деле хвалила. Без подколов.

— Молодец, — повторила она, поправила лямки рюкзака, похлопала себя по карманам и скомандовала: — Пошли. Ты первый, показываешь дорогу. Дойдем до развилки, где они исчезли...

— И что?

— Понюхаем ветер и решим — что.

Насчет ветра, Кошка, конечно, загнула. Какой под землей ветер? Да и принюхиваться было стремно: из тоннеля, похожего на срезанную трубу, тянуло сыростью и гнилью. Дорогу освещали небольшие лампочки, расположенные через равные промежутки.

— На контактный рельс не встань, — предостерегла Кошка.

— Он же сейчас обесточен.

— Все равно не надо. Стеклопластик треснет — спалишь враз.

— Хорошо. — Черный не стал напоминать, что он тоже, на минуточку, под землей далеко не новичок, и этот неофициальный визит в метро для него далеко не первый. В конце концов, Кошка была по определению более опытной, на эту вылазку уговорил ее он, и не без труда, так что пусть покомандует, вреда от этого не будет, а вот польза — вполне возможно.

Они шли в хорошем темпе, внимательно прислушиваясь, приглядываясь и даже принюхиваясь. Хотя запах был такой, что Черный пожалел об оставленной дома «лошадиной морде».¹⁰ Из звуков имелся в наличии только отдаленный гул «Карлсонов», а вид — тюбинги, рельсы, связки проводов... Обычный подземный андеграунд, даже скучно.

Черный все-таки потерял бдительность и наступил в небольшую лужу.

— Яп... понский телевизор! — сдавленно выругался он.

Кошка мгновенно остановилась.

— Что случилось?

— Привет от Чубайса получил. — Черный посветил себе под ноги. Так и есть — в луже валялся какой-то провод, старый и пробитый.

— Током дернуло, — сообразила Кошка — Ты как?

— Да в норме я. Не сильно.

— Осторожнее, — буркнула она, — может быть, я первой пойду?

— Да справлюсь!

— Хорошо, — девушка, не споря, осталась за спиной. Но край тоннеля они покинули и шли теперь по лотку между рельсами. Через полчаса или чуть больше (под землей время иногда выкидывало странные коленца) тоннель развалился на два рукава. Черный остановился.

— Эта развилка? — спросила Кошка. Она неслышно, и впрямь как кошка, подошла и встала рядом, вглядываясь в темноту, едва освещаемую редкими желтыми маячками.

— Эта, — кивнул парень.

Кошка зашарила по карманам, достала кусок газеты, зажигалку.

— Думаешь, газ?

— Самое простое объяснение, — пожала плечами Кошка, — потеряли сознание.

Черный старательно принюхался.

— Ничем не пахнет.

— Тут такой запах, что можно и не учуять. — Кошка подожгла газету, убедилась, что та не взрывается, а горит спокойным пламенем, затушила ее в кулаке и не терпящим возражения тоном скомандовала: — Пусти. Теперь я первая пойду.

— А ничего, что мужчина — я? — сделал попытку протестовать Черный.

— Мы в метро, а не в постели, — буркнула Кошка, разом подводя черту под дискуссией на тендерную тему. И дальше Черному пришлось созерцать ее спину: прямую, узкую, с подвешенным бэгом.

Темп Кошка сбавила, бдительность, похоже, утроила, но вокруг по-прежнему не было ничего из ряда вон выходящего.

Первый проход обнаружили почти сразу. Он был, естественно, закрыт, но дверь Кошка вскрыла с помощью стандартного железнодорожного трехгранного ключа, которые имеются у всех проводниц. И быстрее, чем Черный успел предложить помощь. За дверью их ждала темнота, тишина — совершенно необитаемая большая комната с раковинами и унитазами. И ни малейшего следа пропавших диггеров.

— Пустышка, — решила Кошка. — Который час?

— Пять минут третьего.

— Идем дальше.

¹⁰ Лошадиная морда — противогаз (слэш).

Девушка не спрашивала, а отдавала приказы, и делала это так уверенно, как будто не сомневалась, что ее послушают. При этом никакого дискомфорта она не испытывала ни от полутьмы, ни от давящего на уши гула, ни от полукриминального оттенка приключения. Ни от неведомой опасности, от которой сгинули Джампер и Сердце Мира. Черному оставалось только завидовать в тряпочку. Самому ему было здорово не по себе.

— Ты словно родилась тут, — вполголоса заметил он.

— Так и есть, — кивнула она. — Когда Лера впервые спустилась под землю, родилась я, Кошка. Я здесь и в самом деле дома.

Большая серая крыса, не торопясь, с деловым видом пробежала чуть не по ногам Черного и скрылась в складках темноты, волоча за собой длинный голый хвост. Слава богу, она была совершенно обычной крысой, не мутантом размером со спаниеля. Черного перекосило. Кошка и ухом не повела. Ее интересовала дичь покрупнее. Девушка внимательно вглядывалась в покрытые толстым слоем пыли ребристые стены, будто отлично знала, что именно хочет найти.

— Здесь должна быть еще одна дверь, — пояснила она, — эта бы их на час не задержала. А дальше в тоннель они бы не пошли... если ты мне, конечно, опять ничего не соврал насчет вашей договоренности.

— Вот она! — перебил Черный. — Замаскирована под тубинг. С твоего места не видно, а отсюда — щель. Еще бы сообразить, как ее можно сковырнуть...

— Зачем? — удивилась Кошка, обследовав дверь, — она открыта. Тут, по ходу, полный коммунизм: заходи кто хошь и бери что хошь.

— Идем? — Черный почему-то вдруг оробел.

— Разумеется. Раз уж нас так любезно приглашают. — Кошка его состояния не заметила. Она была вся поглощена приоткрывшейся тайной. Будь она и в самом деле кошкой, кончик хвоста бы сейчас подрагивал от возбуждения.

В свете фонариков нарисовался узкий проход, покрашенный в цвет детской неожиданности. Он заканчивался шлюзом. Герма, на первый взгляд вполне основательная, на деле оказалась «не девочкой». Вскрыли ее совсем недавно.

— В эту ночь решили раздолбай гермодверь домкратом снять с петель, — процитировала Кошка. — Как мыслишь, верной дорогой идем?

Черный ничего не ответил, только торопливо закивал. Он был по горло занят, пытаясь отыскать по углам заныканные девайсы, чтобы определить, был тут его приятель или кто-то другой. Кошка толкнула вторую герму. Она не была сломана, просто не закрыта.

— Черный, — позвала девушка, — завязывай с дедукцией, время!

Дверь за собой заdraивать не стали, лишь прикрыли, не без оснований опасаясь, что придется удирать этим же путем. За шлюзом их ждал бетонный коридор чуть пошире пройденной штольни. Он был темным, что обнадеживало. Но где-то рядом звонко капала вода.

— Осторожнее, — бросила Кошка, — здесь могут шляться люди.

Через несколько метров коридор раздвоился.

— Ну и куда теперь? — спросил Черный скорее себя, чем Кошку.

— Вправо, — уверенно ответила она. — Правило правой руки.

Тоннель еще раз потолстел, и теперь разделялся на верх и низ. Внизу было темно, даже мощный луч пецла не позволял разглядеть, что там может быть. Зато верх просматривался отлично: на потолке располагались круглые светильники. Правда, из четырех горел всего один, но и этого было вполне достаточно, чтобы увидеть два ряда дверей. Но коридор был отгорожен железной сеткой.

— У меня мандраж, — признался Черный, — что это может быть, мать его...

— Какое-нибудь сооружение ГО, — пожала плечами Кошка, — судя по состоянию изоляции на кабелях, очень старое... Ты куда?! Мы же договорились не разделяться.

— Да я на минуточку, за угол.

— Отлить, что ли, приспичило? — с присущей ей бесцеремонностью спросила

Кошка. — Валяй прямо тут. Да не буду я смотреть. Здесь полно вещей поинтереснее, и добраться до них куда труднее.

— Извини, я не так воспитан. Две минуты, Кошка. — И, не слушая возражений, Черный нырнул в тоннель.

Кошка отступила в тень. Где-то продолжала капать вода. От нечего делать девушка попыталась засечь время между падающими каплями. Получилось что-то около пятнадцати секунд. Подтекающий водопровод? Или просто конденсат?

Увлечшись этими размышлениями, Кошка не сразу сообразила, что две минуты давно прошли. Вообще-то прошло уже гораздо больше.

— Черт, — выругалась она и в четверть голоса позвала: — Черный?! Ты что, решил переписать слона?

Темнота не ответила.

Кошка не то что бы испугалась. Но что-то холодное и противное определенно толкнуло ее в ребра.

— Черный, — позвала она на этот раз громче и, развернувшись, зашагала назад.

Вскоре она уже стояла у шлюза. Он был прикрыт точно так, как она его оставила совсем недавно. Этим путем никто не уходил.

* * *

Кошке не нужно было думать, что делать. В таких случаях неписаный кодекс подземных исследователей был прост и логичен: человек, пропавший под землей, может получить травму, находиться в шоке, без сознания, и лишняя минута промедления окажется смерти подобна в самом буквальном смысле этого слова. Поэтому нужно положить с прибором или без прибора, кто как сумеет, на палево¹¹ и немедленно сдаваться монтерам, которые знают тут все как свои пять пальцев и сообразят, как БЫСТРО найти и эвакуировать парня. Штраф или пятнадцать суток это, конечно, штука неприятная, спалить влаз — еще хуже, общественность потом будет долго дуться, но шипеть будут на форуме, а в глубине души, Кошка знала это совершенно точно, ее решение поддержат. Потому что любой может оказаться на месте Черного и, когда будет уже не до подземной романтики, возблагодарит небо за разумного и прагматичного партнера.

Дело было за малым: найти кого-нибудь, чтобы сдать в плен.

Кошка оперативно сбросила девайсы. Хоть диггерское сердце и плакало, но голова работала четко и не позволила сделать совсем уж грандиозную глупость — попасть в полицию с полным бэгом приспособ для взлома.

Теперь нужно было просто добраться до ближайшего ИК-датчика и поднять тревогу.

Забросив за спину изрядно полегчавший рюкзак, Кошка нырнула в шлюз и в максимально-возможном темпе пошла, почти побежала к выходу из бункера.

Дверь была на месте, никуда не делась. Кошка потянулась к ручке. Хотя какая, к ляху, ручка, тут была массивная железная байда, присобаченная так, что, казалось, термитом не срежешь...

Термита кому-то не понадобилось. Байду словно корова языком слизнула.

Шутка была идиотской и опасной, вполне, кстати, в духе придурка Джемпера и Сердца Мира. Кошка попыталась отцарапать дверь ногтями — естественно, без результата. Она не была закрыта на замок, просто прилегала так плотно, что без ручки эта раковина не раскупоривалась. Не раскупоривалась и все тут!

— Твою маму! — выругалась Кошка и посмотрела на часы. Они показывали пять минут пятого. Совсем скоро метро должно было ожить. Через пятьдесят пять минут подадут напряжение в контактный рельс, а потом пойдут поезда... Черный? Неизвестно где,

¹¹ Палево — обнаружение (слэш).

неизвестно в каком состоянии. Не так ли пропали те двое? И... кто же все-таки снял ручку? Ведь кто-то же ее снял, не могла же она сама за полчаса, пока ребята лазили по бункеру, собрать вещи и уйти?

Чего он хочет, этот кто-то? Судя по тому, что в подземелье уже трое пропали без вести, ждать следовало не приглашения на чай с пончиками.

Привалившись к стене, Кошка позволила себе полторы секунды паники. Потом встала, встряхнулась и зашагала назад, давя в себе невеселые мысли. Если этот бункер хоть чуть-чуть обитаем, то там вполне может быть сигнализация или даже — чем черт не шутит, когда Бог спит, — рабочий телефон. Соблюдать осторожность уже не требовалось, так что железную сетку можно было просто тупо срезать ножницами по металлу, двери взломать, и... И при нужде кого-нибудь не особо дружелюбного встретить — тоже нашлось бы чем. Если это, конечно, не Одноногий Монтер. Самое главное — еще оставался почти литр воды. При экономном использовании хватит на сутки, а там видно будет.

* * *

Ей казалось, что прошли уже сутки, а то и побольше, хотя часы показывали, что с тех пор как она осталась под землей, отрезанная от выхода, минуло всего восемь часов. Волноваться было еще рано, вода была — и не только в бутылке. Хотя то, что текло из этой ржавой трубы Кошка согласилась бы пить только, умирая от жажды. Но на такой пиковый случай вода была, и это здорово помогало не падать духом.

К сожалению, с телефоном так не повезло. Телефоны тут были, даже несколько: древние пластмассовые агрегаты с наборным диском. Кошка не удержалась и пару раз прокрутила его, чтобы убедиться, что после того как палец дойдет до упора, диск и в самом деле возвращается обратно. Раритетный хабар! Но все это было искусством ради искусства. Телефоны оказались мертвыми, провода от них никуда не вели, а у одного провода вообще не было.

За прошедшие восемь часов Кошка основательно обшарила весь бункер снизу доверху, в том числе и ту отводку, которую они с Черным давеча пропустили. Там оказались санитарные помещения и почти целый дизель-генератор, правда, лишенный некоторых силуминовых частей. На первом уровне все двери оказались опечатанными. Кошка поколебалась, но все же влезла под печати. Комнаты как комнаты: столы, стулья, неработающие телефоны, какие-то схемы. Размеры дивных художественных полотен поражали. Казалось, их чертили циклопы. Во-первых — большие, во-вторых — одноглазые. Одним-то глазом, понятно, мелких деталей не разглядишь, вот и пришлось карты побольше рисовать.

Кошка уже повернулась было, чтобы уходить, как вдруг неясная догадка буквально приморозила ее берцы к бетонному полу. В три шага она пересекла комнату, остановилась перед одной из схем и осветила ее фонариком. Она не ошиблась! Это была схема того самого бункера, где Кошка зависала уже девятый час. Все сходилось: штольня, через которую они с черным влезли, шлюз с двумя гермами, отводка к санитарной комнате, дизельная, двухуровневый блок чуть левее... Во все глаза Кошка смотрела на огромный лист астролона и не верила этим самым глазам ни на копейку. Схема со всей определенностью утверждала, что отводок тут не одна, а три, а уровней не два, а вовсе даже четыре.

Куда же, мать их, подевались остальные? Туда же, куда до этого делись Джампер, Сердце Мира, Стас и ручка от двери, запершая Кошку. Их спрятали...

Кошка села прямо на пол, не обращая внимания ни на холод, ни на промозглую сырость. Время от времени бункер вздрагивал: там, в тоннеле, через каждые пять минут шли поезда. Но сюда доходила только вибрация. Открытию, которое она сделала, цены не было. Но сейчас она охотно поменяла бы его на сведения о судьбе пропавших ребят. Пожалуй, и от себя бы чего-нибудь добавила. Например, обещание больше никогда не соваться под землю. Абсолютно невыполнимое обещание. Да как же его выполнить, если тут творится такое!

Усталость исчезла, словно смытая холодной водой. Подгоняемая древним бесом азарта, Кошка внимательно рассмотрела, чуть ли не обнюхала схему. Эх, жаль перерисовать нечем! Надо же, кучу девайсов с собой таскает, а до простого блокнотика с ручкой додуматься — слабо. Придется запоминать. Впрочем, на память Кошка не жаловалась и топографическим кретинизмом отродясь не страдала. Согласно схеме, из санитарной комнаты, так бегло и пренебрежительно осмотренной час назад, отходили сразу две штольни и вертикальная лифтовая шахта. А она не видела ни того, ни другого, ни третьего! Может, конечно, они забетонированы, но зачем такие сложности? Поставили дверь, закрыли на замок — и все. Если только... Если только не нужно было спрятать в этих отводках что-то такое, чего посторонние не должны были увидеть никогда и ни при каком ветре. Да и свои, посвященные в тайну, только при вполне определенных обстоятельствах.

Отводку, если она и впрямь там была, загораживал массивный стеллаж, сваренный из листового металла. Адски тяжелый. Да-а. «Живи еще сто лет, товарищ Сталин. Пускай в тайге придется сгинуть мне, но будет больше чугуна и стали на душу населения в стране». В те времена на металле не экономили. И бетон под ним вполне соответствовал. Ровный, плотный. Небось еще и армированный железными прутьями в палец толщиной. Такую хрень просто так не расковыряешь, да и не просто — еще подумаешь. Болгарка ее, пожалуй, что и не возьмет. С перфоратором даже думать нечего. Тут либо отбойник, либо — взорвать к черту... По понятным причинам оба варианта никуда не годились.

Кошка, пыхтя и чертыхаясь, задвинула стеллаж на место и как могла затерла ботинком царапины, оставшиеся на полу. Получилось не слишком убедительно, но пройдет пара недель, и эти царапины сольются с интерьером так, что даже сам Одноногий Монтер не разберет, кто и когда их сделал.

Но ведь Черный куда-то делся?! И делся именно отсюда. Даже если не трогать вопроса, за каким ляхом — не мог он за пару минут добежать до тоннеля, отвинтить ручку и слинять. Просто во время не укладывался. Да и нужного инструмента у него не было, Кошка видела, с чем шел напарник. Значит — что? Есть ход! Нужно просто его найти.

Девушка настолько ушла в углубленное изучение схемы, что едва не проворонила звук, который уши опытного диггера были приучены ловить даже без особого приказа мозга, просто на рефлексах. В гулкой тишине подземелья отчетливо прозвучал звук шагов.

Кошка метнулась за дверь, и только потом сообразила, что шаги не осторожные, крадущиеся, а спокойные, уверенные. Так под землей ходили хозяева лабиринта, работники метро. Или лица, приравненные к ним в правах быть здесь, открывать местные двери и беречь местные тайны.

Именно те, кому она хотела сдать несколько часов назад, чтобы ей помогли поискать Черного. Но это было ДО ТОГО, как Кошка обнаружила странности здешней топографии. И дело было даже не в хабаре, который можно взять за такой вот стенкой, бог с ним! Но если что-то так прячут... Будут ли эти люди церемониться с человеком что-то видевшим и, возможно, о чем-то догадавшемся? «Травма, несовместимая с жизнью» при неформальном визите в метро — что может быть банальнее для диггера? Никто даже не удивится, не говоря уже о том, чтобы усомниться. Джемпер, Сердце Мира, Черный...

Шаги стихли, и Кошка осторожно выбралась из своего укрытия. Уши у нее под землей работали не хуже, чем у летучей мыши. Направление шагов она засекала верно — некто пришел из тоннеля, прошел бункер насквозь и — вышел сквозь стену. Сквозь монолитную бетонную стену... Сквозь сплошную, плотную стену...

Кстати, царапин на полу этот некто не заметил — и на том спасибо. Видно, чувствовал себя тут ну совсем как дома, никаких неожиданностей не ждал. Кошка серым дымом метнулась в том же направлении. Желтые лампочки освещали коридор очень скудно, и девушка врубила свой мощный пецл — бог с ними, с батарейками. На край есть запасные. Пылищи тут было до дуры, да еще она натоптала, слава богу, таинственный некто этого не заметил. Кошка опустилась на четвереньки и буквально обнюхала каждый квадратный сантиметр коридора. Вот ее следы — туда, обратно и снова туда. А вот — чужие. Только

туда! В стену! Именно в том месте, где на плане была еще одна отводка, ведущая в коридор с лестницей.

Кошка почти легла на стену плечом, уперлась в пол массивными ботинками и надавила: аккуратно, но сильно... Опаньки!

Никаких хитрых замков тут не было, ловушек в духе египетских пирамид — тоже. Просто большая бетонная плита на шарнире. На тугом шарнире. Если бы кто-то спяну облокотился на эту стеночку, то нашел бы ее вполне надежной. Но стоило проявить чуть-чуть настойчивости — и вуаля! Девушка оказалась на той стороне, куда минуту назад хозяйским шагом прочапал неизвестный. Куда, теперь Кошка была в этом совершенно уверена, несколько часов назад исчез Черный.

Глава десятая НАВЕРХ ВЫ, ТОВАРИЩИ...

14 сентября 2013 года, поздний вечер, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Новость о диких байкерах, захвативших второй вестибюль, мгновенно разнеслась среди людей. Мало кто что понимал. Откуда они взялись и чего хотят? Даже столпившиеся полицейские что-то бурно обсуждали, но видно было, что господа выбились из сил, слишком много всего навалилось в один момент. Никодим с Катей молча наблюдали за стихийным совещанием представителей правопорядка, пока кто-то из них, видимо, старший по званию, не принял волевое решение. Он обратился к местному охраннику и вскоре с забаррикадовавшимися в дальнем вестибюле наглецами была установлена телефонная связь.

Вся эта возня нисколько не заботила ни Катю, ни Никодима, хотя в воздухе витало устойчивое ощущение хаоса. И чем дальше, тем страшнее...

Но им пора домой! Во всяком случае, и девушка, и молодой человек были в этом искренне убеждены. Тем более их больше никто не задерживал, и они уже было поднялись, чтобы покинуть гостеприимное заведение, как неожиданно Никодима больно кольнуло в самое сердце. И ужаленное, оно заставило обернуться на ресторан. Секунда... другая... и двери заведения кто-то открыл спиной. Тело пролетело пару метров и растянулось почти у самых ног Никодима. Из руки мужчины выпал ствол. Еще секунда — и за первым вылетевшим последовал еще один... вернее одна. Женщина кувырнулась через голову, упала и, громко причитая, попыталась отползти в сторону. Только теперь до слуха всех присутствующих докатилась звуковая волна — крики боли! И уже знакомая музыка пуль.

Единственным желанием было бежать. Очертя голову и куда угодно, только бы подальше от этого беспредельного хаоса. Инстинкт самосохранения включился и заработал на полную катушку. Плевать на всех. Главное выжить. Катя! Он выдернул ее из стула, затравленно огляделся и бросился к выходу. Нога пнула пистолет, и он машинально нагнулся и поднял ствол. В свете последних событий он очень может пригодиться. О наличии в пистолете патронов Никодим не подумал.

Он рванул вперед, увлекая девушку за собой. Катя не сопротивлялась, бежала, стараясь не упасть.

— Куда? — пискнула Катя за спиной.

А действительно — куда? На улицу. Срочно. Ловить любую машину. Такси, скорую, копов — неважно. Можно даже что-нибудь угнать — плевать на закон, главное прочь из этого ада. Домой! Пора домой!

То же подумали и все, почти все, кто находился в вестибюле. Не сговариваясь, все устремились к дверям. Одни направо, другие налево. Два выхода, две надежды на спасение.

Стеклянная дверь-вертушка была разбита, но оставался шанс, что она еще работает, в крайнем случае можно и так просочиться.

Они не дошли до вертушки всего пару метров, как на улице показались трое пожарных с увесистыми топорами в руках. Сердце екнуло, а печенка как-то подозрительно задрожала.

— Назад! — Никодим развернулся так стремительно, что девушку чуть не оторвало от пола при таком маневре.

— Лифт! — Он узрел блестящие стального цвета двери.

А за спиной уже раздались удары и звуки падающего стекла. Трое с топорами прошли сквозь вертушку. Вестибюль огласили дикие крики.

Никодим нажал кнопку, Катя дотянулась до другой... Секундная задержка — и двери первыми открылись подле девушки.

— Давай! — как-то неестественно хрюкнул Никодим и втолкнул свою спутницу в кабину.

Они налетели на большое зеркало. Пауза. Отражение им не понравилось...

Кнопки были справа, и пальцы быстро пробежались по их рядам. Этажность сейчас не играла роли, лишь бы лифт поехал. Но он, паразит, стоял! Никодим приложился кулаком по кнопкам — ничего! Движения не последовало.

— Да что за черт! — Только тут он заметил идентификационное приспособление.

Неудача — у них не было карточки доступа.

— Понаворотили тут, не прорваться!

Крики в вестибюле нарастали. Вновь раздались хаотичные выстрелы... Кто-то уже заметил гостеприимно открытую дверь лифта и устремился туда. Это было опасно.

— Пошли! — Никодим вначале осторожно высунулся из кабинки, держа пистолет наготове. То, что он увидел, лишь усилило желание свалить подальше: трое пожарных с уже окровавленными топорами, видимо, вообразившие себя мясниками. Тут же последовали подряд два выстрела, и один из мясников упал и задержался на полу. Стрелявшего Никодим не разглядел, да это было и неважно. Стеклопанель двери сбоку привлекла его внимание.

— Там должна быть лестница! — Он первым выпрыгнул из лифта и налетел толстую даму.

— Лифт... — задышавшись, выпалила она.

— Нет, — коротко ответил ей Никодим, но обезумевшая от страха женщина не поверила. Она решительно вошла вовнутрь и принялась колотить пальцами по кнопкам.

Никодим тут же выдернул Катю из лифта. В два прыжка они оказались у двери, за ней и впрямь была лестница. Никодим дернул за ручку — заперто. Перехватив пистолет за ствол, ударил по стеклу — оно лопнуло. Еще удар... Сокрушение препятствия Никодим закончил ногами.

— Катя, сюда!

Девушка поймала его руку, и они оба метнулись по лестнице вверх. Перелетев два марша, они вновь уперлись в стеклянную дверь. От отчаяния Никодим заколотил по ней ногами и руками. Есть Бог! ЕГО УСЛЫШАЛИ. На шум явилась миловидная стройная девушка и вопросительно качнула головой, мол, чего вам надо. В ответ молодой человек, не стесняясь в выражениях, коротко объяснил.

— Там внизу полный пи... пи... ты что не слышишь пи... глухая! Открывай дверь пи... чего ты пи... пи... вылилась?!

Видимо общий смысл до нее дошел, она провела карточкой по стене и дверь отворилась.

— Вы кто?

— Ты чего, не слышишь?! — Никодим не совсем деликатно оттолкнул девушку в сторону и втащил за собой Катю. — Запирай дверь, там внизу людей убивают.

В подтверждение слов Никодима открылась такая же стеклянная боковая дверь, и озадаченное лицо в форме охранника тревожно доложило:

— Галина, там внизу опять бойня! Пойди сама глянь на мониторах!

Девушка часто-часто заморгала, пытаясь сообразить, не разыгрывают ли ее, негромко фыркнула и направилась за охранником, напрочь позабыв о гостях. Никодим, оценив

ситуацию, двинулся следом. Он так и не выпустил руку Кати, и той пришлось идти следом.

Перед ними простирался длинный коридор, уютно устланный чем-то мягким. Справа и слева располагались двери многочисленных офисов, а на стенах плакаты и фотографии в рамках — наглядная агитация в действии. На плакатах уверенно взлетали аэробусы, на фото они не менее уверенно садились. Надписи гласили, что так могут только самолеты компании «Взлет». Ну а кто бы стал спорить? Да и некогда сейчас...

Никодим и Екатерина спешили за охранником и за девушкой, которые с завидной прытью неслись по коридору.

Два или три раза двери офисов открывались, и навстречу им спешили по своим делам симпатичные девицы в корпоративной униформе.

— Что за черт, — на ходу обернулся Никодим.

Катя фыркнула за спиной, полагая, что ее спутник обращает внимание на... то, на что обычно обращают внимание мужчины, глядя женщине вслед. На волосы!

— Они что тут совсем ничего не слышат? — Это уже Никодим спросил у Кати. — Была же команда на эвакуацию.

— Не знаю...

— Зазеркалье какое-то... Чума, — хлопнул себя по лбу Никодим, — они работают тут и в ус не дуют.

— Все, кто мог, ушли, — чуть повернув голову прокомментировала Галина, идущая впереди, — у этих работа такая...

— Бред. — Молодой человек повернул голову и невольно заглянул в приоткрытую дверь.

За столом сидел мужчина в форме пилота — все как положено: белая рубашка, галстук, погоны, какие-то нашивки. Он что-то кому-то объяснял в микрофон.

Еще несколько шагов — и наконец длиннющий коридор закончился. Стеклопанная дверь открылась перед охранником... Девушка пропорхнула следом, а гости за ней.

Двери мягко захлопнулись за спиной, и Никодим удивился еще раз. В офисе царила тишина. В смысле люди ходили, жужжала техника, но вот ни стрельбы, ни криков. Три шага — и стойка ресепшен, над которой красовались три синие буквы. Из-за стойки выглядывало улыбочное лицо блондинки.

— Здравствуйте, — чуть привстав, поздоровалась она.

— Здравстье, — буркнула Катя из-за плеча Никодима. Тот промолчал.

Секретарша критично оглядела посетителей и сморщила носик.

«Да-да, милая, — мысленно покачал головой Никодим, — выглядим мы не очень...» Откровенно говоря, ему было плевать, а вот Екатерина нисколько смущалась.

— Ну что тут у вас? — серьезным тоном спросила Галина, сделала еще пару шагов и исчезла за дверью.

Никодим наконец разжал хватку и решительно двинулся за Галиной. Катя устало вздохнула и опустила на кожаный диванчик.

— Можно воды, — попросила она.

— Можно, — отозвалась блондинка.

А Никодим уже стоял в кабинете охраны и пялился на стену, увешанную мониторами. На каждом из них отображалось с десятков квадратиков. Каждый квадратик — камера. На всех было спокойно, лишь камеры первого этажа фиксировали ужас!

Последний оставшийся в живых пожарный с топором с размахом расколол череп пожилой даме и тут же на него сзади прыгнули сразу трое мужчин.

— О! — тревожно воскликнул охранник, — это же наш Володька!

Галина, сложив руки на груди, внимательно лицезрела «кино». Позади послышался легкий шорох, Никодим обернулся. Рядом стояла милая барышня и, раскрыв ротик, хлопала глазками. По девушке было видно, что она до конца не понимает, что происходит.

— Это по какому каналу?

Никодима аж передернуло.

— По первому! — процедил он сквозь зубы. — По вашему первому этажу.

Короткая пауза... Мужикам удалось повалить мясника в форме пожарного, топор отлетел в сторону. А упомянутый Володька в перепачканной форме охранника активно мутузил упавшего дубинкой. И, судя по его губам, еще что-то и приговаривал. Что конкретно — догадаться было не сложно.

— Жаль, звука нет... — это подал голос второй дежурный у мониторов, явно увлекшийся зрелищем.

— Сходи вниз и послушай, — предложил Никодим.

Все. Мясник уgomонился. Наступило затишье.

— Как? Когда? — Галина вопросительно уставилась на диспетчеров охранной службы.

— Так мы же докладывали, — начал охранник, — в ресторане началось...

— Это я помню, — тряхнула короткой стрижкой Галина, — а это когда началось?

— Так только что. Я сразу за вами...

— Где начальник охраны?

— Георгий Сергеевич пошел в первый вестибюль, — вставил второй диспетчер, — у нас там камеры из строя вышли. Был скачок напряжения, вот они и...

— Понятно, — перебила его Галина, — а этот... из полиции, старший...

— Полковник, — подсказал охранник.

— Да. Куда он делся?

— Так вместе с Георгием Сергеевичем и ушел.

— А вы чего молчали? — Галина приняла серьезный вид.

— Да успокойтесь вы, — выдохнул Никодим и уселся рядом с диспетчерами на свободный стул. — Во-он уже все утихло. — Он ткнул рукой в мониторы и вытер пот со лба.

И верно. Уцелевшие полицейские принялись наводить порядок, хотя это было крайне непросто. Часть людей, обезумевших от обилия пролитой крови, устремилась на улицу. В считанные секунды вестибюль опустел. Остались только трупы, с десятков полицейских и те, кто был не в силах пошевелиться.

Да еще из ресторана вышли пятеро качающихся и окровавленных человек. Но копы не дернулись, видимо, признав в них своих.

— Не велика рать, — тихо произнес Никодим, оценивая обстановку. — А вы знаете, что у вас в первом вестибюле какие-то байкеры засели?

— Что? Откуда? — первой удивилась Галина.

— Так у нас же камеры... — попытался оправдаться один из охранников.

— Туда же Георгий Сергеевич пошел, — поддакнул второй.

— Вот-вот, — покачал головой Никодим, — похоже, уже не вернется.

Его слова прозвучали как приговор.

— Надо позвонить в полицию, пусть они еще пришлют кого-нибудь, — схватила трубку Галина.

— Зачем, Галина Анатольевна, они же и так тут. Вон сколько полицейских. — Диспетчер указал на мониторы, где отображались наружные камеры.

И действительно, со всех сторон к зданиям бизнес-центра спешили полицейские, медики, пожарные и прочие в штатском... За всей этой суетой и движением десятков... сотен людей Никодим разглядел... Впрочем, это было сложно объяснить. Множество машин, спецтехники и людей, вроде все так и должно быть при крупной катастрофе, особенно в аэропорту, но! Почему так много машин?... Никодим почти припал носом к экранам.

— Эээ, мужик, ты чего? — воспротивился один из охранников. — Ты чего там увидел?

— Машины, — Никодим ткнул пальцем в мониторы, — они разбиты. А вот та... и вот еще — горят. А вон — труп!

— Где?

— Так там много было всего, — диспетчер заерзал на кресле-вертушке, — из вокзала же эвакуировали, и прямо на газонах...

— Сам там был — знаю, — резко оборвал его Никодим. — Но труп лежит на

асфальте. — Он перевел взгляд на другой монитор. — А вот еще два. Смотрите!

От созерцания их оторвал писк рации.

— Центральный пост!

— Слушаю, первый!

— Тут трупы... епр... срочно вызывайте.... Да что б... а ты!!! Хр... пр... е... помо... а-а-а-а-а!

— Георгий Сергеевич?! Георгий Сергеевич?! Прием! — диспетчер безуспешно пытался вызвать по рации. Ответом ему был только треск пустой радиоволны.

— Шеф не отвечает, — охранник пожал плечами.

— Я так понял, это был ваш начальник охраны, который ушел проверять камеры во втором вестибюле? — механически спросил Никодим.

— Да.

— А сколько всего вестибюлей?

— Два. По два выхода-входа в каждом.

— Ну что вы стоите? Делайте что-нибудь, — Галина Анатольевна произнесла это строго и даже притопнула каблуком.

Никодим, отвлекшись от мониторов, теперь еще раз перевел взгляд туда. На многочисленных камерах было отчетливо видно, как люди в униформе силовых структур спешили к бизнес-центру. Еще несколько метров — и вся эта толпа окажется в здании...

— Заприте все! — вдруг крикнул Никодим. — Быстрее!

— Ты что, сдурел? Чего орешь?

— Это террористы, — другого подходящего термина на ум не пришло.

— Какие, мать твою, террористы? Ты сам кто такой?

— Ай!

— Ой!

Многоголосье женских вскриков разом выдало нотки испуга. Никодим обернулся, у дверей операторской собрался весь офис... все, кто находился там в этот так неудачно начавшийся выходной.

— Поздно... — выдохнул он, возвращая внимание к мониторам.

Несколько десятков вооруженных полицейских уже ворвались в здание и принялись стрелять в находившихся в вестибюле людей.

Еще несколько десятков методично расстреливали окна бизнес-центра.

— Идиоты, — процедил сквозь зубы один из охранников.

Пара пуль ударила в окно диспетчерской. Свинец оставил след, но стекло выдержало.

— Дорогое у вас остекление... — хмыкнул Никодим и отвернулся от мониторов. — Катя?

Девушка тоже была тут и наблюдала картину избиения на первом этаже здания. В коридоре шумно хлопнула дверь, и появились трое мужчин. Измятые и взъерошенные. Они бегом кинулись к женщинам. Никодим сразу сообразил, что мужики побывали внизу.

— Запирайте все лестницы, — на ходу прокричал первый из них, с уже изрядно поседевшей головой.

— Уже, — отозвался охранник.

— Что уже? — Никодим встрепенулся и отстранился от Кати, — У них оружие, они пробьют стеклянные двери и пойдут по лестницам. — Он сказал это тихо, в задумчивости, никто кроме Кати его не услышал.

— Да что же это творится, — пискнул кто-то из женщин.

Прибывшие мужчины протолкались сквозь женский строй и уставились на мониторы.

— Вы оттуда? — спросила Галина с тревогой в голосе.

— Ага, — рассеянно кивнул молодой, — там начальник охраны убит...

— С ума они, что ли, посходили?

— Как с цепи сорвались.

— Уроды! Никодиму этот разбор полетов был неинтересен. Его мозг лихорадочно

думал — чем можно завалить двери, да так, чтобы никто не смог ворваться вовнутрь. Он мысленно прорабатывал план, припоминая тонкости местной географии. «Так, из этого офиса дверь на площадку с лифтами, а слева от ресепшен дверь на лестницу и тоже, мать его, стеклянная. Ну, тут ладно. Дверь не велика, завалим диваном, как раз напротив ресепшен стоит. Сверху еще чего-нибудь приспособим».

Мысли побежали дальше.

«С лифтовой площадки опять стеклянная дверь и тоже на лестницу — завалить! С площадки еще одни двери выводят в длинный коридор, а там такая же площадка с лифтами и опять дверь на лестницу. Ну да ничего, — утешил себя Никодим, — офисов полно, мебели хватит. Пора за работу!»

— Пошли! — сказал он вслух.

— Куда? — Екатерина одернула перепачканный пиджак, как будто это движение должно было придать ей солидности.

— На баррикады. Вернее, строить их.

Он уже было отошел от дверей диспетчерской, как вдруг замер, развернулся, а затем громко и протяжно свистнул. В замкнутом пространстве этот своеобразный сигнал прозвучал оглушительно. Болтовня почти сразу стихла.

— Господа хорошие! — обратился Никодим к офисным работникам. — Сейчас эти придурки внизу прикончат всех, кто там есть, а потом пойдут гулять по этажам. С оружием!

При слове оружие два оператора-охранника невольно потянулись к кобурам. Впрочем, их жеста никто не заметил.

— Это с чего бы это? — спросил молодой мужчина.

— Это как вариант. Лучше, конечно, чтобы они не пошли. Хорошо бы они друг друга перестреляли. А лучше, чтобы этого всего вообще не было. Но вдруг! — Никодим поднял вверх указательный палец. — Вдруг они захотят прогуляться. Я, как и вы, не понимаю, что тут происходит и что нашло на тех парней, но ясно одно — они спятили и теперь стреляют во все, что движется. Поэтому, — он опустил палец, видимо, поняв, что выглядит это комично, — поэтому надо забаррикадировать лестничные двери, иначе они придут и к нам. И еще лифты надо отключить, чтобы эти паразиты не приехали к нам в гости. Это можно сделать?

— Можно, — тут же отозвался кто-то, — но они и так не смогут воспользоваться лифтами. У них нет карт доступа.

— У трупов могут подобрать. Поэтому двери завалим крепко. Я так понял, этаж у нас большой — мебели хватит. Ну так что?

Мужики переглянулись и одобрительно покачали головой, мол, давай — пошли. Седой чуть приотстал и, склонившись, прошептал Галине Анатольевне в самое ухо:

— А это кто?

— Не знаю, Сергей Сергеевич, — пожала плечами женщина, — пришел снизу, во-он с той девушкой.

— Понятно. Случайный прохожий... — кивнул Сергей Сергеевич и пошел догонять мужчин.

— Девушки, нам тоже надо помочь. — Галина Анатольевна обратилась к женскому коллективу. — И вы тоже, — сказала она двум оставшимся на местах диспетчерам.

Женщины стали медленно расходиться. Один из охранников тоже покинул свое рабочее место, второй же остался наблюдать за мониторами, на которых все еще продолжалась смертельная вакханалия. Внезапно один из безумных заметил куполок камеры. Склонил голову и, не отрывая глаз от потолка, где было установлено скрытое наблюдение, подошел ближе. Диспетчер увидел перекошенное злобой лицо и красные глаза. Человек в форме капитана полиции не спеша поднял пистолет, тщательно прицелился и выстрелил. Одно из окошечек на мониторе погасло — камера перестала подавать сигналы. Однако другая камера, с противоположной стороны вестибюля, наблюдала за действиями капитана. Он сменил обойму и стал пристально разглядывать потолок. Вскоре одно за

другим погасли еще два окошка на мониторах слежения...

— Вот сволочи, — выругался охранник и, встав, выглянул в коридор. — Они бьют камеры, — сказал он, заметив Галину Анатольевну, застывшую у стойки ресепшен. Та не отреагировала, диспетчер понял, что ей не до него и убрался обратно.

Только он присел на стул, как «молчавшие» мониторы, где должны были отображаться камеры во втором вестибюле, вдруг ожили. Включились несколько окошек на мониторе.

— А это что за уроды? — растерянно спросил диспетчер у напарника.

— Хрен его знает, — напарник привстал, приблизился к мониторам. — Скины или еще кто... глянь, они все в коже.

Камеры, словно в издевку, вновь отключились.

— Не понял... — скривив губы, протянул один из охранников.

Глава одиннадцатая ПРИВЫКАЙ

14 сентября 2013 года, около полуночи, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

*Если мальчик любит мыло
И зубной порошок,
То у этого дебила
Будет заворот кишок.*

Есть величайшее счастье в мире — сделать наконец то, чего так долго и мучительно хотел! Кто не испытал этого хоть раз, тот не поймет. К счастью, таких нет, и поэтому мы все прекрасно понимаем друг друга. По крайней мере в этом вопросе.

Спасшиеся из лифта немедленно ринулись вглубь коридора искать заветную дверь, за которой девочки ромашки собирают, а мальчики — коней привязывают. К невыразимому облегчению, лучший друг цивилизованного человека функционировал вполне исправно: принимал и отправлял дальше.

Жизнь сразу показалась не такой уж невыразимо тяжелой и трагичной. А еще — возникли разные желания. Разносчику пиццы и Слонику захотелось поесть, Тортилле — прилечь, «костюму» — узнать последние новости, а Ларисе — разжиться где-нибудь сухими пеленками для Демки. К счастью, ее новый знакомый оказался парнем без комплексов. Он стянул с себя форменную футболку, оставшись в обычной, и с помощью того, что осталось от маникюрного набора, разделал на две половинки.

— Вот тебе на первое время пеленки, — объявил он, — а подгузников можно из туалетной бумаги навертеть. Она тут мягкая. И двойная. Конечно, не совсем то, что нужно, но до утра доживешь.

— А мобильник здесь работает? — спросила Лариса.

— Не знаю, не проверял. Хочешь маме позвонить? — догадался парень. — Так ведь ночь глубокая. Она, наверное, спит.

— Ты что! — возмутилась Лариса. — Да она с ума сходит.

Мобильник, хулиганивший в лифте, послушно показал антенну. Лариса напряглась, но номер мамы все-таки вспомнила.

— О господи! Где ты? — закричал динамик. — Как ты, как Дема?

— Мама, мы здесь, на четвертом этаже, я потеряла мобильник, это номер моего друга... — Лариса озадаченно замерла, сообразив, что в этой суе с пушкой и всем остальным они так и не познакомились.

— Костя, — подсказал разносчик пиццы.

— Его Костя зовут... Мы застряли в лифте, — затараторила Лариса, опасаясь, что связь

вот-вот пропадет, — но мы уже выбрались, и сейчас...

— У него глаза не красные? — перебил взволнованный голос.

У девушки вытянулось лицо. Она посмотрела на Костю.

— Нет, а что?

— Слава богу! У вас там тихо?

— Да-а, — озадаченно протянула Лариса, — ночь же.

— Красноглазых нет?

— Кого? — на секунду дочери показалось, что у мамы слегка шифер съехал. — Каких красноглазых?

— Опасайся людей с красными глазами. И жди! Я за тобой спущусь. Никуда не ходи одна, ты поняла?

— А ты где? Может быть, я к тебе поднимусь, тут еще один лифт есть.

— Никуда не ходи, — испугалась мама, — сиди где сидишь, раз уж у вас там пока тихо. Закройтесь на все замки, никого не впускайте. Особенно с красными глазами. Ты поняла меня?

— Да поняла я, поняла, — перебила Лариса, — но у меня же ничего нет: ни памперсов, ни еды, ни денег!

— Не паникуй, — распорядилась мама, — я за вами приду. Держись рядом с Костей, хорошо?

— Когда ты придешь? Сколько нам еще тут сидеть?

— Постараюсь... — И тут в динамике что-то грохнуло, и связь прервалась.

— Але, мама?! Мама?! — Лариса потрясла мобильник, но он отвечать отказывался, лишь ровно светилось табло, показывая полную исправность агрегата и готовность к работе.

— Попробуй еще раз, — посоветовал Костя.

— Пробую!

— Знаешь... Ты только не волнуйся, ладно? Мне показалось, что там стреляли. Она у тебя вообще где?

— Должна была быть на седьмом этаже, в фирме «Юни-Тур».

— Значит не байкеры. Блин! Хотел бы я знать, что тут происходит? Что она говорила про красные глаза?

Лариса пожала плечами и покосилась в сторону небольшого кожаного диванчика, где крепко спала тетушка Тортилла, обнимая Демку, чтобы не упал.

— Что-то я голодный не по-детски, — заметил Костя. — Ты как?

— Наверное, так же, — с сомнением протянула Лариса, — а что тут можно сделать? Кафе внизу, где эти придурки с пушкой. Да и закрыто оно сейчас... и денег все равно нет.

— Ты смотрела фильм «Цунами»? Помнишь, там на тачке удирают от гигантской волны прямо по клумбам, сшибая заборы, через ларьки?

— Ну да, классно снято. А при чем здесь это?

— При том, что когда ты убегаешь от цунами, то ездить по правилам дорожного движения, останавливаться на красный сигнал и тормозить на поворотах не будешь. Здесь офисы. А офисы — это люди, которые работают с открытия метро и до полной победы капитализма во всем мире. И домой на обед не ходят. Сечешь? Здесь обязательно должны быть холодильники, а в холодильниках какой-нибудь фастфуд.

— Предлагаешь помародерствовать?

Вместо ответа Костя подошел к ближайшей двери и подергал за ручку. Дверь, естественно, оказалась запертой. Он достал из кармана пластиковую карту и попытался вогнать между язычком замка и косяком, одновременно налегая на дверь плечом.

— А если она на сигнализации? — спросила Лариса.

— Видишь же, что нет, — буркнул Костя. — Провод-то не идет. погоди, не говори под руку, я пытаюсь сделать это первый раз в жизни.

— Да? — удивилась Лариса. В этот момент замок щелкнул, и дверь гостеприимно приоткрылась. — Что-то не похоже, — с сомнением протянула она.

— Верь в меня, ежик! — Костя подмигнул и зашарил ладонью по стене в поисках выключателя.

— А не проще было постучать? — насмешливый, слегка сонный голос раздался из глубины темной комнаты.

— Кто это? — вздрогнул Костя. — Что ты там делаешь?

— Чего, чего... Живу я здесь.

Вспыхнул свет, и перед двумя начинающими взломщиками предстала фигура девицы лет девятнадцати — двадцати в строгой белой блузе и серой юбке, сбитой на бок. Девица была подстрижена ультракоротко и все равно выглядела слегка лохматой.

— С каких это пор? — хмуро спросил Костя, не собиравшийся отступать. Ведь он, черт возьми, только что пригласил девушку на ужин.

— С сегодняшнего дня, — объяснила девица, — копы всех оповестили по громкой связи, что внизу террористы, так что законопослушные граждане должны ныкаться по углам и проявлять терпение и понимание. Кстати, меня Лизой зовут. — И она вполне дружелюбно протянула парню руку «лодочкой».

— Костя, — сказал он. — А это Лариса. И много тут еще народу проявляет терпение и понимание?

— Все, кто еще днем не успел уйти. Да и что тут того народу — суббота, раз два и обчелся.

— Понятно.

— А что? — в свою очередь спросила Лиза. — Кого-то ищешь?

— Не кого-то, а что-то. Есть мы хотим. А у нее ребенок новорожденный. — Костя кивнул головой.

— Дела. — Лиза присвистнула. — Кормишь сама или он у тебя искусственник?

— Не-ет, — протянула Лариса и отчего-то покраснела.

— Уже легче. А насчет еды... У вас деньги есть?

— Деньги? — Костя потрясенно уставился на новую знакомую. — Зачем? У вас что, магазин?

— У нас в холодильнике мышь повесилась. А хоронить не на что, — сострила Лиза.

Физиономии Кости и Ларисы вытянулись сантиметра на полтора. Налюбовавшись этим зрелищем, Лиза снизошла до объяснения:

— Есть тут один... Ну очень младший менеджер. Что-то типа управляющего совком и венником. Зато представительства сети «Девяточка». У них там образцов продуктов хватит пересидеть Третью мировую войну. Так когда вся эта хрень случилась, этот гад решил, что настал его звездный час. У него сейчас пакет хлебцев полштуки.

— Я не понял, он там что, один сидит?

— Один, — подтвердила Лиза.

— Так пойдем его в Харькове пропишем — и все дела!

— Иди. — Лиза добросердечно указала на вторую дверь от конца коридора.

Смотрела она, правда, при этом так, что Костя подозрительно уточнил:

— А в чем, собственно, проблема?

— Да, собственно, ни в чем. Просто у этого слонопотама в клеточку травматический пистолет. И он из него уже пару раз шмальнул.

— Знаешь, я, кажется, не очень голодная, — сказала Лариса.

Костя, наоборот, нехорошо сощурился.

— Где он, говоришь, засел?

Глава двенадцатая В ОСАДЕ

Ночь с 14 на 15 сентября 2013 года, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Признаться честно, не все сразу и до конца осознали степень опасности и оттого сначала не видели необходимости в возведении баррикад. Впрочем, никто никого не уговаривал...

Но понемногу все находившиеся в офисе втянулись в работу, и самым лучшим стимулом были раздающиеся внизу выстрелы. Народ оживился, как по волшебству. В ход пошла вся имеющаяся в наличии мебель. «Хорошо бы сварочник, — мечтательно подумал Никодим, опрокидывая офисный шкаф».

— Стойте, — взбудоражила работающих Галина, деловито процокав каблуками, — мы же только себя завалим, а нас тут целый этаж. — Она указала рукой на длинный коридор. — Там люди есть.

— Надо их сюда, — подал идею кто-то.

Никодим проследил за жестом Галины и уразумел, что именно через тот коридор они и пришли.

— А можно на план этажа глянуть? Только быстро.

— Можно, — отозвался мужчина в ободранном пиджаке.

Слева дверь гостеприимно отворилась. Никодим вошел. Длинный стол, стулья... а вот и план.

— Мы здесь, — ткнул пальцем все тот же мужчина. — Вы ориентируетесь в строительных планах?

— Немного, — слукавил Никодим, продолжая изучать планировку этажа. — В любом случае нам лучше иметь побольше жизненного пространства, а не сидеть, как мыши в углу.

Офисные закивали, хотя вряд ли они до конца понимали суть его слов.

— У вас тут проход в соседнее здание прямо из вашего офиса?

— Да. Там железная дверь, и сейчас она закрыта. Мы, собственно, оттуда и пришли. — Мужчина поправил рваный пиджак. Видать, досталось ему.

— Ага, — кивнул Никодим. — А здесь площадка лифтов и тоже выход на лестницу. Значит... если мы отключаем лифты и перекрываем и ту, дальнюю площадку с выходом на лестницу, мы можем контролировать весь этаж.

— Совершенно верно, — это подала голос Галина.

— Давайте так и поступим. — Никодим оторвался от созерцания плана. — Сколько у этой крылатой компании может быть людей в офисе?

— Полагаю, человек десять-двадцать максимум. Сегодня же суббота. — Галина прищурила левый глаз.

— Я так понял, вы тут босс или что-то типа того. — Никодим пристально посмотрел на женщину. — Договоритесь с летунами?

— Только надо деликатно, — поддакнул мужчина.

— Хорошо, Сергей Сергеевич. — Галина развернулась на каблуках и решительно направилась к двери.

— Я с вами, — тут же вызвался один из мужчин.

И Галина с сопровождающим быстро удалились в офис авиакомпании.

— Спасибо, Сергей Сергеевич. — Никодим протянул руку. — Спасибо за план. Я — Никодим.

— Очень приятно. Это моя обязанность...

— Инженер?

— Да. Главный.

— Что же, господин главный инженер, надо бегом завершать наши баррикады. — Ей-богу он не знал, почему, но именно сейчас ему захотелось улыбнуться этому человеку.

Галина, как выяснилось из разговора с Сергеем, была главным менеджером всего этого добра с жизнеутверждающим названием бизнес-центр. Словом, она справилась с заданием почти на отлично. Сотрудники располагающейся на этаже авиакомпании «Взлет» были приведены в боевую готовность. Хотя народ врубился не сразу. Нет, они по своим

каналам уже знали, что и аэропорт, и город в целом закрыты. И даже успели свои борты направить в соседние города, но вот о чудесах в самом бизнес-центре ни слухом ни духом, и что странно, никто из сотрудников этой компании на обед в ресторан сегодня не спускался. Вот повезло! Сидят, работают и в ус не дуют. Несколько диспетчеров остались на связи, остальные, после того как Галина кратко ввела их в курс, принялись за работу.

Вскоре общими усилиями все двери, ведущие на лестницы, были надежно блокированы. Мало того, кто-то нашелся особо ретивый и предложил еще прямо на лестницах устроить первую линию обороны. В итоге завалили и по одному пролету вниз.

Охранники, неотлучно находившиеся при мониторах, постоянно оповещали всех о происходящем внизу. И надо признаться, весьма оригинально.

— Все нормально! — кричали они. — Там еще бойня!

Жутко звучало, но это значило, что безумцы еще заняты и пока не помышляют подняться выше по этажам. Время еще было...

Когда Никодим, как инициатор всего этого баррикадного движения, вместе с Галиной и Сергеем проверил результаты работы, всем был отдан немедленный приказ... Вернее искреннее пожелание вооружаться! Чем — мужики сообразили первыми и буквально унеслись в подсобку. Женщины, чуть помедлив, нерешительно разбрелись по комнатам. Сам же Никодим почти с самого начала положил глаз на дубинки охранников. Туда-то он и направился, и не один. Галина пошла следом, видимо, желая навестить диспетчерскую и быть в курсе событий.

Новости были не из приятных. Много камер вышло из строя. Обезумевшие тупо перебили их. Уцелевшие же показывали фильмы ужасов. Изуродованные трупы, искореженная мебель и кровь... повсюду море крови. Безумные с оружием в руках бродили по первому этажу, выискивали у лежащих на полу признаки жизни и нещадно добивали живых. Галина не выдержала, закрыла лицо руками и вышла из комнаты. Никодим слышал, как в коридоре на нее накинудись с вопросами.

— Ну что там?

— Как?

Он не слышал ее ответов. Он закрыл дверь.

— У вас оружие есть?

— Дубинки и... — Охранник похлопал по кобуре на поясе.

— Мужчины, не жмитесь, дайте дубинки, — попросил Никодим.

— На, — равнодушно ответил тот, что постарше. Он отцепил дубинку от пояса и подал Никодиму. — Меня Максим зовут.

— Никодим. Только мне обе нужны.

— А я — Степан, — запоздало представился второй диспетчер. — На кой тебе две?

— Кунг-фу владею, — не моргнув и глазом, соврал Никодим.

— Кунг-фу?

— Ага. Боевой разновидностью — на-тэ-бэ!

— Никогда не слышал.

— Ну, так дашь дубинку?

Степан пожал плечами, но оружие отдал.

— Спасибо. Смотрите.

Охранники вмиг обернулись к мониторам.

— Они уходят...

Бойня на первом этаже закончилась. Везде, где уцелели камеры, они фиксировали непостижимое. Сумасшедшие, истребив все живое, медленно, словно нехотя, но покидали здание.

— А приблизить можно? — спросил Никодим, уж очень его заинтересовали лица этих нелюдей.

— Можно, — ответил Максим и сделал наезд.

— Смотрите, — не утерпел Степан, — у них глаза какие-то... и рожи разноцветные и

пятнистые...

— Еперный театр, вот это да... — не удержался Максим и далее приложил увиденное чудо забавно выстроенной фразой из многочисленных прилагательных. В Никодиме чуть не победил журналист, он едва не кинулся записывать этот так удачно вплетенный в действительность истинно русский речевой оборот.

— Можно сказать, нам повезло, — резюмировал Никодим. Он услышал возню в коридоре и оторвался от мониторов. — Бдите. А я пойду народ успокою.

Он уже стоял на пороге, но вдруг обернулся.

— И у меня просьба. Вы народ не пускайте к себе, а то девушки и все такое...

— Понимаем.

— И за этими гавриками в оба следите. — Никодим ткнул пальцем в монитор. — Если они вдруг вернутся и на второй этаж полезут. Если чего — сразу в рупор орите.

Оба охранника молча кивнули.

Когда Никодим вышел в коридор, вся немногочисленная офисная рать была уже в состоянии боеготовности. Мужчины, вооруженные кто увесистым ключом, кто черенком от лопаты, кто кухонным ножом или огнетушителем, выглядели устрашающе.

— И то дело, — натянуто улыбнулся Никодим, узрев бойцов с огнетушителями, — и в морду можно дать, и пеной окатить.

Женщины на их фоне несколько провисали. Настольная лампа, вилки, удлинитель и пара остро заточенных карандашей — арсенал малоподходящий, но бог его знает, на что способный в умелых женских руках. А вот Екатерина порадовала — и где она только раздобыла уют?!

Никодим демонстративно положил две своих дубинки на стойку ресепшен и объявил:

— Война на первом этаже закончена...

На пол упал карандаш.

— Извините... — Девушка в недлинной юбке грациозно присела и подняла свое оружие.

— Во всяком случае, в том вестибюле, где работают камеры, тихо, — продолжил Никодим, — спятившие уроды выползли наружу. Остается открытым вопрос, что в первом вестибюле? И что там за банда засела?

— И все же надо позвонить в полицию... в министерство... — Галина чуть подалась вперед. — Не может же во всем городе быть бардак.

— Может, — раздался едва слышный женский голос. — Идите сюда.

Все обернулись на звук.

— Кто? Где?

— Я в кабинете директора, — отозвался все тот же голос.

— Лена? Ты что там делаешь? — возмутилась Галина, видимо, узнав говорившую. Она немедленно двинулась в кабинет. Народ потянулся следом. — Ты как туда попа...

Она не договорила, замерла. В кабинете оказалось темно, и сквозь большое панорамное окно полуразрушенное здание аэропорта было видно как на ладони. Ровно как и огромную автостоянку перед ним.

— Боже мой... — За спиной Никодима кто-то тихо всхлипнул.

Да он и сам не был рад тому, что увидел. Люди стояли, молча созерцая хаос. Освещение на улице работало исправно — картина апокалипсиса завораживала. Сотни брошенных машин, многие покореженные или уже сгоревшие... нет, еще не все сгорели. Две или три догорали в центре паркинга. Несколько легковушек призывно зывали к своим владельцам мигающими поворотниками и орущими сигнализациями. Среди машин и прямо на капотах лежали трупы. Чуть в стороне, там, где еще утром сгруппировалась техника МЧС для тушения пожара, кипела суeta. Но эта активность уже не имела никакого отношения к пожару. Десятки людей носились среди спецтехники, настигали друг друга и старались убить. Двое, трое на одного... один против троих. Били, рвали, втаптывали друг друга в асфальт. Толщина офисных окон не позволяла услышать ужасные крики, которые сейчас

оглашали округу. Да это было и к лучшему. Бедные женщины и так уже переменились в лице. Неожиданно у самого здания раздался вой сирены, и мимо пронеслась полицейская машина, озаряя окна бизнес-центра красно-синими проблесковыми маячками. Сбоку, прямо со стоянки выскочили трое с бейсбольными битами и как очумелые кинулись наперерез полицейским. Народ плотно припирал щеками к стеклу...

Из машины дали две короткие очереди, один с битой упал. Авто заложило крутой вираж и скрылось за углом здания, уйдя на Стартовую улицу. Двое уцелевших, размахивая битами, устремились за ним. Они так резво летели над землей, как будто питали уверенность, что обязательно догонят машину. Сирена продолжала выть, заглушая серию одиночных выстрелов...

— Что же это такое? — спросила в пустоту девушка в недлинной юбке.

— Конец света, — грустно вздохнул кто-то из мужчин.

— Вирус, — подвел жестокий итог Сергей Сергеевич.

Никодим оторвался от разворачивающегося за окном блокбастера и почти обыденно произнес:

— Предлагаю общий перекур.

— Тут нельзя курить, — тут же предупредил главный инженер, — у нас сигнализация.

— И что ж теперь? — Никодим развел руками. — Отключите вы ее. Или мне в окно покурить?

— Окна глухие. Снабжение только через вентиляцию.

— На лестнице можно?

— Ай, — махнул Сергей Сергеевич рукой, — валяйте.

Никодим, миновав баррикаду, вышел на лестницу, прислушался. И снизу, и сверху было тихо.

— Видать, и впрямь ушли.

Следом явился главный инженер.

— Я вообще-то не курю, но сейчас... если позволите.

Никодим щедро поделился с Сергеичем сигарой.

— Курите, только они крепкие.

Главный инженер закашлялся почти сразу, но сигару не бросил. Отдышался, затянулся.

— Хороша.

Они оба обернулись на звук шагов. Это была Катя.

— Там пока тихо, — скорее больше для собственного спокойствия произнесла она.

— Лишь бы это длилось.

Девушка подошла ближе.

— Мне кажется, это страшный сон. Этого не может быть. Как они могли закрыть такой город? Куда нам всем деваться?

— А вы что, новости не смотрите? — Сергей Сергеич все же потушил сигару.

— Нам, честно говоря, не до этого было... — Никодим выпустил большое кольцо дыма. — Так, лишь мельком удалось... краем уха, так сказать.

— Так еще утром объявили о закрытии города на карантин.

— Вот и полицейский о том же говорил, — перебила собеседника Екатерина. — Так Питер закрыли? Надолго?

— Так кто ж его знает. Говорят, нашли какую-то заразу в воздухе. Дышать нельзя, пить нельзя... эх, ничего нельзя. — Мужчина натянуто улыбнулся. — Сами видели, что творится...

— Дышать? — переспросила Катя. — А как же мы?

— Давайте присядем.

Они вернулись в офис, дошли до дивана и сели втроем. Никодим сначала хотел было закинуть ноги на журнальный столик, но резко передумал.

— Так что там насчет карантина?

— Вирус неизвестен, это по всем каналам передают. — Сергей Сергеич устало

откинулся на спинку дивана. — Ну, пока мы в здании, опасаться нечего. У нас хорошая вентиляционная система — зараза снаружи не проникнет. Это я вам могу гарантировать.

— Ага, если окна не побьют, — цокнул языком Никодим, — хотя я тут уже успел заметить, что у вас окна будь здоров. Катя, передай воду. Спасибо.

— Пистолетную пулю сдержат, насчет чего посерьезнее — не знаю, не проверял.

— Будем надеяться, что ничего серьезнее и не будет.

— Вашими бы устами...

Катя передала Никодиму бутылку с водой, тот отпил и вновь обратился к инженеру:

— Ну хорошо, ладно мы в дороге были, ничего не знали. Но вы-то тут как? Да еще и в субботу.

— Собирались встречать руководство из Хельсинки. Они должны были сегодня в обед прилететь.

— Уже не прилетят, — съехидничал Никодим.

— То-то и оно. Карантин только сегодня утром объявили. Город закрыли, а что толку. Мы-то уже здесь. Эх... — Сергеич грустно вздохнул. — Кабы они вчера предупредили.

— Нашим политикам верить нельзя! — веско вставила Катя. — У них всегда все в последний момент.

* * *

Никодим заглянул в комнату охраны. Один из диспетчеров спал на столе, второй бдел.

— Ну как дела на фронтах?

— Сумасшедших на первом этаже не наблюдается. Никто не возвращался.

— Да ну, — Никодим округлил глаза. Чуда хотелось, но не верилось.

— На всех уцелевших камерах нет движения. Вот только у нас опять с первого вестибюля нет сигнала.

— Это там, где байкеры засели?

— Угу.

— Может, их тоже уже... того...

В комнату заглянула заспанная Галина. За ее спиной маячила странная пара... с гитарой.

— У нас гости, — лениво выдавила из себя Галина, — с девятого этажа...

Парень с девушкой, на вид лет по двадцать-двадцать два, чуть заметно кивнули.

— Здравсьте.

— И вам не хворать, — ответил Никодим. — Вы кто?

— Марч, а это Алекс. — Парень прошел вперед. — Мы диджеи на радио.

— Диджеи? Ага, а откуда?

Парень поднял вверх указательный палец.

— Сверху.

— Есть хотите? Кофе? — повернувшись к ним вполборота, спросила Галина и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Пойдемте.

— А у вас есть громкая связь на все здание?

Галина замерла.

— Есть. Вам зачем?

— На этажах еще есть люди, — на сей раз ответила Алекс. Никодим отметил, что у нее был на удивление милый голосок, который не очень гармонировал с ее рок-н-рольным стилем одеваться.

— У нас есть идея, — вступился Марч, — радио!

— Что? — переспросил Никодим.

— Радио. Надо ведь информировать людей.

— Вы чокнутые. — Галина поджала губы и покрутила пальцем у виска.

— Хм... — Никодим почесал подбородок. — В этом что-то есть. Да и людей можно

всех к нам собрать. Вместе веселей. — Он улыбнулся.

— Если там еще остались люди, — скептически заметил охранник, сделав ударение на последнее слово.

* * *

Тревожных вестей из диспетчерской больше не поступало. Все спятившие покинули здание. Во всяком случае, камеры фиксировали полное отсутствие движения в опасном секторе. Народ немного поуспокоился и потянулся в район кухни. Женщины устроили импровизированный ужин, что, бесспорно, пошло им на пользу. За кухонной суетой как-то не хотелось думать о плохом.

В офисе нашлось немного — чай, кофе, шоколад, пирожки и четыре леденца на палочке. Особенно порадовали «летуны». У них в офисе обнаружился холодильник с салатами и двумя пиццами. Все было строго поровну разделено на всех, кроме леденцов...

После ужина мужчины обсудили график дежурства на баррикадах и у мониторов. Охранников надлежало сменить немедленно, парни были почти сутки на дежурстве. Когда совещание было окончено, сотрудники авиакомпании «Взлет» подались к себе в офисы, за ними был закреплен дальний сектор обороны, как раз с их стороны.

Оставшиеся же не спешили расходиться. Чувствовалось нервное напряжение от всего увиденного и услышанного. Кто-то попытался включить телевизор, но он передавал только крупную рябь. Плюнули — выключили.

— Может, еще чаю? — предложила Галина. — Или кофе?

Народ слегка оживился, услышав такое предложение, спать никто не хотел. Поговорить бы... высказаться, поддержать друг друга. У каждого из них, наверное, нашлись бы нужные слова. И пусть они еще не все до конца понимали в этом хаосе, но они были живы и главное — не больны.

А за окнами продолжала бушевать вырвавшаяся на свободу неудержимая человеческая агрессия и злоба. И люди на улицах мегаполиса каждую минуту сотнями гибли от рук своих вчерашних друзей и знакомых. Но защитники импровизированной цитадели не могли знать об этом. Они могли только догадываться.

— Так как будем жить? — прервал затянувшееся молчание главный инженер.

* * *

У лестничной баррикады неожиданно вынырнул мужик в белом халате. Дежуривший в это время диспетчер из авиакомпании тормознул медика, не давая ему перебраться через заграждения. Мужик выль и постоянно оглядывался назад. Его испачканный кровью и рванный халат не внушал сторожу доверия. Словесная перепалка стала такой громкой, что вскоре к инциденту подключились еще несколько человек. Предполагаемый доктор размахивал руками и молил пустить его, уверяя, что абсолютно нормален. Народ внимательно пригляделся к его глазам, цвету кожи, и наконец бедолагу пустили. А следом за ним появилась женщина, и тоже в белом, но гораздо более чистом медицинском халате. Дама вела себя на удивление спокойно. Ее поведение, глаза и кожа сразу внушили доверие.

— Ну вот. То ни одного врача, то сразу двое, — заметил один из встречающих и открыл перед ними дверь.

В это время Никодим, Катя и еще несколько человек продолжали наслаждаться кофе, когда внезапно ожил телевизор.

— Что за чудеса?

— Ой, я, кажется, случайно. — Девушка в недлинной (Никодим никак не мог запомнить ее имя) юбке убрала руку с пульта.

Картинка была довольно четкой. В студии горячо спорили о вирусе, распространившемся в Питере.

— Ха, опасность распространения, — нахмурился охранник Максим, — москвичи задрожали, как бы до них не дошло. А каково нам?

— Да тише ты, — рявкнул на него кто-то, — дай послушать.

И тут в импровизированную чайную ввели двоих новоприбывших. Никодим аж подпрыгнул и тут же метнулся к мужику в халате.

— Нужна помощь!

— Чего? — мужик заводил ошалелыми глазами.

— Так. Мы вам сейчас чаю с печеньем, а вы нам поможете.

— Кто?

— Вы доктор или где?

— Где?

— Эй, мужик, читай по губам. Ты — доктор?!

— Кто — я? — Мужчина в белом перепачканном халате отрешенно хлопал глазами.

— Нет, блин, папа римский!

— Я не знаю...

— Вы чего пристали к человеку? Не видите, он не в себе. Я — доктор.

— Отлично! — Никодим моментально переключился на женщину. — У нас к вам срочное дело. Сделайте погромче.

По телику вещали сразу пять седовласых профессоров за круглым столом.

— Можете перевести?! — спросил Никодим, тыча пальцем в голубой экран. — А то эти господа несут что-то на своем языке, нормальному журналисту не понять!

— Так это они на латыни... определения, симптоматика... вирус имеет сложную структуру и способен к стремительной мутации...

— Отличная новость, — щелкнув пальцами, озадачился Никодим. — Что еще?

— Еще... — Продолжить она не смогла.

Электричество внезапно отключилось, телеприемник погас.

— Опаньки.

— Мне страшно, — донесся из комнаты женский писк.

На несколько секунд все замерли. В офисе стало тихо, как на приличных похоронах. И чудо произошло, свет моргнул и вновь включился.

— Генератор заработал, — обыденно произнес главный инженер.

— Какой еще генератор?

— Дизельный. Резервное энергоснабжение. Запас топлива на двенадцать часов автономной работы для всего бизнес-центра, — как по писаному отчеканил Сергей Сергеевич.

— Круто. — Никодим вскинул брови. — Только, наверное, нам не надо все здания освещать. Солярку бы беречь.

— Во-во, еще пригодится, — поддакнул кто-то из мужчин.

— Хорошо. — Инженер пожал плечами и вышел.

Через минуту электроснабжение лишних зданий прекратилось. Свет горел только в центральном.

— Чайник вскипел, — донесся радостный женский голос из кухни.

Прибывшим докторам налили крепкого чаю. Немного оттаяв, они поведали свои грустные истории о том, как им пришлось прятаться в кладовой ресторана. Оказалось, они хоронились там вчетвером. Позже, услышав голос по радио, они разбились на пары и пошли по очереди. Никодим качнул головой, подтвердив насчет радио:

— Да, появились у нас тут двое одаренных и сообразительных.

Как выяснилось дальше, доктор с одной женщиной пошли первыми, но им не повезло.

— Представляете, он сидел в кабине лифта... — продолжил свой рассказ доктор, — мы мимо проходили... он Машеньку схватил и... я его скальпелем по шее. А Машенька уже не живая... он, представляете, ей горло руками разодрал.

Он залпом допил чай из стакана и уставился на тарелку с печеньем.

— Да вы ешьте, ешьте.

— Не могу...

У докторши все прошло гладко, если не считать, что ее напарница по несчастью в последний момент устроила истерику и никуда не пошла.

— ...и мне пришлось идти одной. А Надя там так и осталась. Истерика у нее... ничего я с ней поделать не смогла.

— Вот дура, — вырвалось у Кати.

Мужчины переглянулись и, кажется, поняли друг друга без слов.

— Глупо, конечно, но надо бы за ней сходить, — вслух озвучил Никодим.

Когда допили чай, новоприбывших Артема Алексеевича и Юлию Петровну быстро пристроили к делу. Прямоком по профессии. Необходимо было срочно осмотреть всех людей на предмет...

— Ну, вы понимаете? — спросил Никодим.

— Не совсем, — вконец успокоившись, ответил Артем Алексеевич, — нам не известна общая симптоматика развития вируса... только постфактум. Мы можем только догадываться, исходя из теории в целом.

Юлия Петровна согласно кивнула.

— Вот и займитесь изучением. Кто кроме вас разберется в этом лучше? — Никодим встал. — Да и потом, у нас есть несколько легкораненых, так сказать... перевязать, намазать, прижечь... вон у вас и сумка медицинская сохранилась.

— Там мало что осталось.

— Лечите чем осталось.

— У нас внизу есть аптека, — вмешалась Галина.

— Да-да, мы видели, — поддакнула Юлия Петровна.

Никодим на секунду задумался.

— Это надо учесть...

* * *

Едва начало светать, когда Никодим попросил Галину устроить общий сбор, дабы всем пояснить суть.

Самым удобным местом для общего собрания показалась лифтовая площадка — светло и просторно. Народ пребывал в легком возбуждении. Первым слово взял Никодим.

— Друзья! Извините, если кого разбудили, но есть важное дело. Я кратко. Город закрыт на карантин — это не секрет. Это полбеда. Главная беда в том, что вирус, похоже, крепко бьет некоторых по башке. Тут не надо кончать академий, чтобы понять — идиоты с оружием в руках валят всех направо и налево. Вопрос, почему они не валят друг друга, мы оставим на потом. Сейчас о нас! Не хочу выступать в роли гадалки, но, похоже, мы тут застряли...

— А полиция? — робко спросила симпатичная блондинка.

— Полиция, вон, сама бежит и стреляет законопослушных и ни в чем не повинных граждан. Так что с этой стороны помощи не будет.

— Да уж понятно, — закричал полноватый мужчина, — коли они город закрыли. Как в кино, мать их...

— Одним словом, как поется в известной песне, все в наших руках, — продолжил Никодим. — Мы забаррикадировались на славу, но, видимо, поспешили...

— Это же была твоя идея! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Признаю, не учел. Внизу есть одна девушка, и ее надо выручать. Кроме того, у нас нет продуктов!

Народ притих. Задача непростая, так как непонятно, сколько нам тут сидеть. И вообще придет кто-нибудь нас спасать или нет. К тому же девушку бросать в беде не по-мужски, да и продукты нам нужны в любом случае. А я так понимаю, что они как раз и могут быть только на первом этаже, в кафе и ресторане.

— Да, — кивнула Галина.
Люди опять загалдели. Кто-то крикнул:
— Тихо!
Народ умолк, Галине дали слово.
— Продукты точно есть в ресторане. У них большие холодильные камеры... там есть все, что нам надо.
— Ага, вопрос, кто пойдет?
— Мужчины, — повысив голос, ответил Никодим незнакомцу.
По всей видимости, незнакомец напрасно носил штаны, ибо тут же спрятался за чужими спинами. Спины были в основном женскими...
— Мужчины в меньшинстве... — Никодим принялся по головам их пересчитывать.
— Как всегда. — У какой-то девушки самообладания было хоть отбавляй. — Если мужиков не хватит, я пойду.
— Тринадцать, — огласил Никодим результаты подсчета, того незнакомца он не считал. — Тринадцать мужчин. Идти предлагаю разом. Во-первых, больше принесем за раз, а во-вторых, подстрахуем друг друга.
— Мужчины согласны? — спросила Галина.
Ответом ей было грозное бурчание.
— Вооружаемся и идем, — высказался Сергей Сергееч.
— Пойдем, как полностью рассветет, — подвел итог Никодим.
— Отлично! — взбодрился молодой парень, — можно даже успеть вздремнуть...

* * *

Это была их первая ночь. Никодим и Катя устроились на большом столе в совещательной комнате. Народ разместился кто где смог. Были заняты все диваны, столы, стулья...

Не то что бы он волновался, нет, он просто не все понимал до конца. Главный вопрос — откуда взялся этот чертов вирус — завис в безмолвной пустоте. Не спалось. Да и, судя по нервному дыханию, Катя тоже не могла уснуть.

— А ты это серьезно насчет похода вниз за продуктами? — озабоченно спросила Катя.
— Да.
— А не лучше ли попробовать прорваться домой?
— В город? — Никодим перевернулся на спину. — Плохая идея. В городе черт знает что творится, да и потом... я звонил уже товарищу — глухо.
— У него машина?
— Ага, только он не отвечает. Правда, есть у меня еще один вариант — Кошка.
— Кто такая кошка? — с любопытством в голосе спросила девушка.
— Забавный зверек... подземный... Ладно, ты спи, а я пойду мобильником у кого-нибудь разживусь — позвоню. Может, что и срастется.
— Во дворе у центра есть машины, — заметила Катя, когда Никодим уже встал, — и на паркинге тоже.
— Ага, — на ходу кивнул Никодим, — еще бы ключи от них.
— А без них нельзя?
— Ты знаешь, у меня нет опыта угона машин. Но я спрошу у народа, может, кто и умеет. — Он улыбнулся, но во тьме Катя не увидела его улыбки.
Некоторое время они молчали, глядя в потолок.
— Они прорвутся? — вдруг тихо спросила она.
— Не знаю, — честно ответил Никодим.
— А ты веришь в то, что говорил инженер? Про вентиляцию?
— Нет. Да и бред все это. На первом этаже половина окон разбита, и двери... ты же сама видела.

— Ага, — робко ответила Катя, и Никодим понял, что ничего она не видела, не до того ей было.

«И впрямь, — подумал он, припоминая и разрывы гранат, и стрельбу в ресторане, — воздух несвеж...»

Катерина словно уловила его мысли:

— Ты думаешь, мы тоже могли заразиться? Могли? Мы умрем? Или станем как эти... сумасшедшие.

Он помолчал несколько секунд, старательно подбирая слова. Затем осторожно подвинулся и приобнял ее за плечо.

— Думаю — нет. Я вообще везучий, да и ты тоже...

Катя не сбросила его руку, не отодвинулась.

— Все будет хорошо, — почти на самое ухо прошептал ей Никодим.

* * *

Уже порядком рассвело, когда Никодим тихонечко, чтобы не разбудить Катю, встал и вышел в коридор.

— А-а-а-а... — Внезапно дикий крик огласил офис.

Никодим едва успел уклониться, как всего в десяти сантиметрах от его головы пролетел стул. Предмет мебели был запущен с такой силой, что легко пробил стеклянную перегородку в совещательной комнате, где они ночевали с Катей.

Катя спросонья резко перевернулась на бок и упала со стола...

— А-а-а-а... — крик повторился.

В приглушенном на ночь свете Никодим увидел фигуру девушки. Хрупкая блондинка играючи подняла объемный журнальный столик. Спящий рядом на диване мужчина проснулся от крика и тут же получил столиком по голове. Стекло разлетелось на куски, а череп бедолаги хрустнул, как переспелый арбуз.

— А-а-ха!

Никодим метнулся вперед, следом за ним охранник. А безумная девица ринулась в кабинет, находящийся слева от стойки ресепшен. Никодим сжал кулак, отвел руку, но получил первым, каблуком в бедро.

Кто-то включил полный свет, на миг ослепив всех.

— Ах ты стерва... — процедил Никодим сквозь зубы. Его кулак выстрелил, как из пушки. Голова блондинки дернулась, блестящие длинные волосы закрыли лицо. В определенной ситуации это было бы весьма эротично, но не теперь. Подоспевший охранник от души приложил девицу дубинкой.

— Валя?! Что вы делаете! — из кухни раздался нервный женский крик, но мужчин это не остановило.

Никодим ногами, а охранник дубинкой добивали красноглазую. Та извивалась на полу, словно гигантская змея, норовя укусить, поцарапать длиннющим маникюром своих обидчиков. И при этом она противно шипела.

— Йя... аха... шама...

Еще несколько увесистых ударов по голове и...

— Валя?! — Девушка в наспех застегнутой блузке рухнула на колени подле утомившейся блондинки.

Люди проснулись, и офис наполнился вопросами: кто? что? почему?

— Отойди! — скомандовал охранник, извлекая ствол из кобуры.

Никодим поднял ревущую Лену, так вроде ее звали, и силой оттащил в сторону. Женщины, увидав пистолет, заойкали и отвернулись. Кто-то из них уткнулся лицом в подставленное мужское плечо. Кто-то тут же разрыдался в голос, когда прозвучал одинокий выстрел.

— Ва-а-аля! — Никодим передал трясущуюся Елену на руки Галине и Сергею

Сергеевичу. На удивление Галина держалась стойко. Ни слез, ни всхлипов. Остальные же дамы предавались горю. Особенно те, кто долгое время работали вместе с убитой.

— Это тяжело — терять знакомых, — услышал Никодим за спиной.

— Да, не просто... — он повернул голову. Рядом стоял доктор.

— Значит, все же началось... — грустно вздохнул эскулап, — а я грешным делом думал обойдется.

— Да-да, — кивнул в ответ Никодим и стал пристально вглядываться в лица присутствующих.

— Не трудитесь, — поспешил заверить доктор, — выявлять будем позже. А то сейчас у всех наших женщин будут красные глаза. Странно... — он прищурился и сделал пару шагов вперед.

Доктор подошел к жертве, нагнулся.

— Странно... а у этой цветových изменений пигментации не наблюдается. Странно...

Часть вторая ЦИТАДЕЛЬ

*Если небо над тобой падает, гремя,
Ты держись за нас с тобой, значит — за меня.
Если под тобой земля делает кульбит,
Ты вцепись зубами в воздух, он еще висит.
Держись за все, что в тебя и мимо,
За пулю в сердце, за нож, за мину.
За конский волос, за что попало,
Держись! Такая судьба досталась.
Никогда не отступая, победить нельзя.
Никому не уступая, полюбить нельзя.
Никогда не умирая, не оценишь жизнь.
Если ты дошел до края — падай, но держись!
Держись за все, что в тебя и мимо,
За пулю в сердце, за нож, за мину.
За конский волос, за что попало —
Держись! Такая судьба досталась.¹²*

Глава первая НАХОДКА

Ночь с 14 на 15 сентября 2013 года, где-то под Санкт-Петербургом.

Не прячьте ваши денежки
По банкам и углам.
Не прячьте ваши денежки,
Иначе быть беде!

Света тут не было вообще, но фонарь Кошка прикрутила, а уши перенастроила в режим форсажа. Самым правильным было вернуться назад и отсидеться в бункере до ночи, но, во-первых, терпения уже не хватало, а во-вторых, когда начинается такое шоу, только сибирский шаман Эгир Пантелеевич может сказать наверняка, где безопаснее. Лестница

¹² Стихи Татьяны Смирновой.

уходила вверх и казалась бесконечной. Еще бы! Лезли-то они там, где верный столбик был, а тут, если только чуть-чуть ближе к небу. Ну и что — просто вверх? Не хотелось бы... Кошка с изумлением покрутила головой и еще раз придирчиво освидетельствовала свою, похоже, крепко двинутую психику. Почти полсутки под землей, девять часов в закрытом помещении, иссякающий запас воды, одна!!! шоколадка. Но наверх не тянуло. Туда обычно просилась Лера Левандовская, а тут ее, похоже, не было. Ушла погулять. А Кошку устраивало абсолютно все, в том числе и легкий пост. Крупные представители семейства кошачьих вообще едят раз в три дня и прекрасно себя чувствуют. На всякий случай Кошка вернулась, допила чистую воду и, подавив внутреннее сопротивление, наполнила освободившуюся емкость буроватой жидкостью из здешнего водопровода. Собрала назад привыкшие по углам бебехи¹³ и, выскользнув через узкую щель, поставила бетонную плиту на место. Вот так, не было тут никого, привиделось вам, господа хорошие. Меньше пить надо. А так же курить, колоться и нюхать.

Задним умом, который включается, когда он, по идее, уже совсем не нужен, Кошка остро пожалела, что не проверила последнюю отводку. Впрочем, если верить схеме, через два пролета они должны пересечься... Ага, как же. Индейская народная изба тебе вместо домика в деревне! Неожиданно Кошка вспомнила, что в реанимации больницы «домиком в деревне» веселый медперсонал называет летальный исход. «Ну, вот и пришел бабушке полный домик в деревне...» Это воспоминание, всплывшее так кстати, здорово ее развеселило. Наверное, позитивное мировосприятие обостряет ум. Кошка не только сообразила, что штольню, которая есть на схеме, но отсутствует на местности, тоже спрятали, она еще и доперла, как ее искать в полутьме. На ощупь! Элементарно, бетон, которым залили проход, должен, по идее, отличаться от того, из которого сделан коридор. Да и швы должны ощущаться, ведь не ювелиры же тут работали, обычные строители. Приподнятое настроение Кошки переросло в экстаз, почти неконтролируемый разумом, когда она поняла, что именно ощупывает своими «белыми, рабоче-крестьянскими руками».

Это был не солидный, мощный, непробиваемый совковый бетон, способный выдержать прямое попадание авиабомбы. Штольню заляпали пенобетоном! Пенобетоном, кто бы оценил это открытие по достоинству. Это ж просто восторг души и именины сердца! От влаги и вибрации эта штука за несколько лет превратилась в субстанцию, которую можно ногтями расковырять. Месяцев за шесть. Но только на фиг ковырять ногтями? Насвистывая что-то бравурное типа очень быстрого траурного марша, Кошка извлекла из бэга штуку, которую давеча бросала с сердцем, истекающим кровавыми слезами. И с твердым намерением вернуться и забрать. Такую вещь просто так не купишь, ей она досталась по случаю на барахолке в финском городе Лаппеенранта. Изделие какого-то кустаря-умельца: дисковая пила, запитанная на переносной аккумулятор. Зверски тяжелый, между прочим. Килограмма полтора. Ковырять ею довоенный армированный бетон — только отличный инструмент портить и разочаровываться в научно-техническом прогрессе. А эту манную кашу — с дорогой душой и песней на устах. Пятнадцать минут работы... ну полчаса — край. И шума не так уж много.

Пока пила с отменным аппетитом вгрызалась в стену, Кошка думала о том, что хлипкая эта стенка явно новячая, что на самом-то деле признак плохой. Значит, лазили сюда до нее. Еще как лазили. И совсем недавно. Но, с другой стороны, если бы влезли и выгребли весь хабар под корень, то и штольню бы просто бросили раскупоренной. А если постарались хоть вот так халтурно заляпать, значит, что-то они оставили. А ей много и не нужно, она девушка не жадная. Она вообще под землю не за хабаром ходит.

— Вот таким путем, — пробормотала Кошка, выключая пилу и с удовольствием обозревая дыру приличных размеров. — Ай да я, ай да не сукина дочка!

«И слепли враги от сверхдозы ее запредельной улетности!».

¹³ Бебехи — вещи (сленг).

Скрываться больше не имело смысла. Как и девайсы сбрасывать. Шухер она навела такой, что закосить под заблудившегося туриста не вышло б уже никак. Сгорел сарай — гори и хата. Кошка включила фонарик на полную мощность. Широкий белый луч выхватил из темноты небольшую комнату размером примерно четыре на шесть, уставленную стеллажами знакомой формы. По большей части — пустыми. Но на одном из них, в углу, стоял огромный коричневый чемодан. Кошка издала тихий, но страстный стон.

...Он и сам по себе был супернаходкой. Огромный, патриарх всех чемоданов — в него, наверное, можно было уместить Хабаровский край... если мелко покрошить. Кошка едва не погибла, пытаясь стащить его на пол. А потом плюнула — на стеллаже вполне хватало места им двоим: ей и чемодану. Правда, и пылищи было — будь здоров. Она несколько раз мелко, по-кошачьи, чихнула и обтерла мастодонта рукавом. Натуральная кожа. Черная.

Углы обиты сталью. И замочки — круглые кондовые замочки. Их, похоже, открывали ключиком.

Взломать их можно было на раз, но портить такую редкость рука не поднималась. Возможно, это был последний такой чемодан в истории человечества, за истекшие сорок лет как-то обедневшей чемоданами. Да и вскрыть их можно было, наверное, невидимкой. Кошка стянула с себя свитер и как следует протерла от пыли фронтальную часть находки. И поняла, что невидимка не понадобится. Ключик в лучших традициях был привязан к ручке.

Внезапно ей в голову пришла мысль, несколько охладившая энтузиазм: а что если чемодан заминирован? А вдруг? При всем, что тут наворочено, — вполне возможно. И как быть? Тащить с собой? Совершенно нереально, Кошка даже с полки его снять не смогла, и это на адреналине! А когда нахлынет усталость? Притащить какого-нибудь сапера-минера сюда? После того как она оставила столько следов, что можно «Записки охотника-2» писать! Вариант: уйти, не прикасаясь к потенциально-опасной находке, даже не рассматривался, и, прочитав вполголоса короткую молитву, Кошка приступила к вскрытию.

Замки за столько лет порядком заржавели, механизм не поддавался даже с помощью ключа, и один замочек Кошка все-таки сломала. Зато второй удалось уговорить. Бомба так и не взорвалась. Видно, ее туда забыли положить. С замершим сердцем девушка подняла тяжелую крышку.

Кошка и сама не знала, что ожидала увидеть. Золото партии? Оружие? Шинель товарища Дзержинского с автографом? В чемодане были книги. Много книг. Не старинных, а просто старых, толстых, в тяжелых переплетах, с пожелтевшими от времени листами. Кошка осторожно взяла верхнюю. «Краткий курс истории ВКП(б)», стандартного формата, в обложке из мягкого картона. Второй книгой оказались речи Сталина: карманный сборничек в коже, с вытисненным портретом и всякими фуфелями на обложке. «Тихий Дон» Шолохова. «История МОПРа»... Опаньки! Если хозяин этого «чумадана» партийный функционер, то явно слегка диссидентствующий. Тут вполне могла обнаружиться и фотография Ленина с Мартовым. А что? Запросто! Кошка забралась на стеллаж с ногами и умерла для мира. Она уже ни на чуть-чуть не жалела, что нашла не слитки золота, старинные иконы или ящик фанат. Ей приоткрылся кусочек истории, кусочек человеческой судьбы, судя по книгам — незаурядной. Это было куда лучше пошлого золота и еще более пошлых гранат. Несколько книг были на английском и немецком языках, Кошкиных весьма поверхностных знаний с трудом хватило, чтобы понять — это были труды по химии, биологии и медицине. А хозяин библиотеки их явно читал. Об этом свидетельствовали многочисленные заметки на полях, причем, когда на русском, а когда и латиницей. Похоже, читая по-немецки, он и думать начинал на языке Гете и Шиллера. Были в чемодане и письма, много писем. Кошка дала себе слово, что обязательно унесет их, хоть надсядет, но опубликует, если разрешат родственники. Можно на форуме, а можно и в бумаге, если найдутся желающие вложиться. Жаль, у самой с деньгами негусто. Причем, настолько негусто, что можно сказать, пусто. На самом низу обнаружилась пара картонных папок с веревочками, набитых плотным машинописным текстом вперемешку с карандашными рисунками: формулы мешались с женским профилем, довольно изящным. Прически были разными, а профиль — одним и тем

же. Под одним наброском Кошка обнаружила три буквы: Л. Н. Н. Лидия, Людмила, Лариса? О двух других буквах можно было гадать бесконечно. Впрочем, может быть, ответ найдется в письмах? Напоследок девушка извлекла на свет то, что вначале приняла за пачки резаной бумаги. И только потом сообразила — деньги. Пачки советских денег. Трешки, пятерки, десятки. Сотни. Вот только двадцатипятирублевков не было. Бумажки с водяными знаками Кошку заинтересовали мало, они уже не имели хождения и не были редкостью. В свое время их напечатали достаточно, чтобы обеспечить всех коллекционеров — бонистов по уши. Самая бесполезная часть находки. Если деньги, конечно, не поддельные. Тогда могла бы получиться забавная история. Хотя с обликом загадочного ученого-химика, верного партийца и безнадежно или, наоборот, взаимно влюбленного в женщину с инициалами Л. Н. Н. фальшивые купюры никак не коннектили. Скорее по привычке, чем подчиняясь интуиции, Кошка отделила от пачки одну соточку, посмотрела «на просвет» — и зависла. Этого не могло быть. Этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда! Вместо хорошо знакомого профиля Ленина, вождя мирового пролетариата и прочего, водяной знак изображал совсем другую физиономию. И она тоже была знакома Кошке. Правда, не так хорошо. Его фотографий в профиль она не видела. Обычно этого типа фотографировали в три четверти. Но слегка одутловатое лицо, лысину и очки она узнала. Товарищ Лаврентий Павлович Берия собственной персоной. Улет! Кошка лихорадочно отслуживала еще три купюры и тоже просветила. Берия! На всех.

Историю страны Кошка любила и неплохо знала, хотя и была технарем. На вопрос, почему она не поступила на исторический факультет, Лера пожимала плечами и вполне логично отвечала: зачем учиться тому, что и так хорошо знаешь? И она могла положить руку на огонь — не было в СССР денег с Берией. Не было и не могло быть. Ведь заговор с целью поставить Берию во главе партии и страны провалился. И гораздо позже, чем закрыли этот чемодан.

Так что же это получается? Ученый-партиец, диссидент... Заговор... Новые деньги... Пробники! Господи, ну конечно, это пробники новых денег. Наверняка, если поковыряться, здесь найдется и проект новой Конституции, и новая программа партии. И еще какие-нибудь «апрельские тезисы». Кошку трясло при мысли, какое сокровище ей случайно досталось. Этот чемодан нужно отсюда уносить. Весь! Эх, зачем она его так старательно обтирала, могли бы, наверное, сохраниться микроследы. Или за давностью лет все исчезло? Неважно. Одни только пробники уже стоили колоссальную сумму, коллекционеры за них пасти рвать друг другу будут.

— Вес этого чемодана в золоте, — в полубреду прошептала Кошка, — да какое золото? В платине. В иридии! Дом себе построю на берегу Финского залива. А из него частную ветку метро прокопаю, прямо в центр, чтобы по шкуродерам не ползать. А на сдачу куплю себе самолет... Просто так, чтоб был!

Девушка снова схватила отброшенную было папку и раскрыла на первой странице. И ахнула. Сердце, вздрогнув, подвисло на вдохе. Сверху прописными буквами было напечатано: «Журнал экспериментов по проекту „BBB“. Лаборатории профессора Никодимовского».

Глава вторая ХОЧУ К МАМЕ...

Ночь с 14 на 15 сентября 2013 года, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Над столом висел отпечатанный на принтере лист формата «А4» с крупным заголовком: «Универсальная инструкция для пользователей ПК почти на все случаи жизни». Далее шел текст помельче: «Если вы нажали не туда, немедленно нажмите туда же!» Еще ниже — «Не применяйте нигде, кроме компьютера».

— М-м! — оценил Костя, — интересно, кто автор этого шедевра?

— Я, — скромно сказала Лиза.

— Респект! — Костя изобразил пальцами жест «О'кей».

В довольно просторном помещении из мебели было три компьютера, цветной принтер, навороченный факс, несколько легких столиков к ним, стульев из гнутых алюминиевых трубок в стиле хай-тек и японская гравюра на стене, изображающая один из двадцати семи классических видов горы Фудзи. А больше не было ничего. Так что груды пакетиков и коробочек приватирры свалили прямо в углу. К ним немедленно потянулись люди, помятые и не очень. Нежная кожа девушек была украшена отметинами от колец — следами ночевки на полу без подушки.

— Ну чего ты там ковыряешь! — услышали молодые люди. — Разуй глаза, ведь по-русски же написано «опен»!

— Опен никак, — прыснула Лиза.

— Как думаешь, долго нам тут висеть? — После «инструкции» авторитет Лизы для Кости взлетел на высоту той самой горы Фудзи, и он, видимо, решил что девушка — что-то вроде энциклопедии юных сурков, и к ней можно обращаться с любым вопросом, тотчас последует рекомендация: четкая, краткая, понятная и, главное, абсолютно выполнимая. Лиза пожала плечами.

— Знаешь сам, что в городе творится. Новости смотришь? Все службы экстренного реагирования стоят на ушах по вирусу, им не до придурков с пушкой.

— И что нам делать?

— Спасение утопающих дело рук самих утопающих. — Лиза приятно улыбнулась и потянула обертку шоколадки безупречными белыми зубками. — Хотя я бы на вашем месте не особенно торопилась с этим самым спасением.

— То есть как? — поперхнулся Костя.

— Ну, здесь, конечно, не Таити. Но тоже, в общем, неплохо. Тепло, сухо. Электричество, водопровод, канализация, оптоволоконная связь пока что функционируют нормально. Опять же, компания соответствует твоему интеллектуальному уровню...

— Ну, это ты мне слегка польстила, — засмутился Костя.

— Да не о тебе речь, — отмахнулась Лиза. — Так вот, подумай внимательно, где ты еще такие условия найдешь? Апокалипсис по классу «люкс».

— А еды-то, между прочим, совсем немного! — вставила свои пять копеек Лариса. — Если мы застряли на неделю! Что мы будем делать?

— Ой, там кто-то ходит, — встрепелась Лиза, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за тонкой двери.

— Вот этого, который ходит, поймем, — сказал Костя.

— И что?

— И съедим.

— Пять баллов, — одобрила Лиза, — вряд ли это можно будет считать каннибализмом.

— Почему? — удивилась Лариса.

— А как ты думаешь, эти, с красными глазами, они еще люди?

Ларису передернуло. Перед глазами, как на огромном телеэкране, встала недавняя сцена: пацан с травматическим пистолетом, сощутив глаза с покрасневшими белками, сосредоточенно целится и хладнокровно, как в тире, расстреливает бестолковую кучу девчонок в офисных костюмчиках... на лице его иногда просверкивают зеленые полосы, а выражение лица: «Ушел на базу, вернусь не сразу». И все-таки Лариса воспринимала его как человека. Слетевшего с катушек, агрессивного, крайне опасного, абсолютно невменяемого... но собрата по биологическому виду. Но представить себя, грызущей его берцовую кость...

— Вы ведь это несерьезно? — с надеждой спросила она.

Костя с Лизой удивленно переглянулись. И рассмеялись так искренне, что у Ларисы отлегло от сердца.

— Да шутим мы, шутим, — успокоила ее Лиза и тихо добавила, глядя в сторону: —

пока.

Костя взглянул на нее внимательней и на всякий случай притих. Женщина, которая пишет такие толковые инструкции к компьютеру, безусловно способна съесть мужчину. Причем, не только в переносном смысле.

И тут ожил селектор:

— Внимание, внимание! Всем, кто нас слышит... Надеюсь, нас слышат? Доброе утро, в эфире сегодня и ежедневно, пока это будет возможно, радио «Цитадель». С вами диджей Марч и Алекс... Вообще-то мы сюда просто в кафешку заглянули, но раз уж тут такие дела, то решили немного поработать по специальности, вы ведь не против? Итак, последние новости: В Петербурге веден комендантский час и с двадцати трех ноль-ноль до шести ноль-ноль гражданам запрещено находится на улицах. Но это вы, наверное, знаете и без нас. А теперь о том, что происходит прямо у нас над головой, под ногами и вокруг, самые горячие новости бизнес-центра, превращенного в нашу цитадель, в наш оборонный пункт против кошмара, который надвигается на нас с улицы.

Нам достоверно неизвестно, но предположительно в одном из вестибюлей все еще находится шайка бандитов, маскирующихся под байкеров. Внимание, по слухам у них есть пулемет. За окнами наблюдается некоторый хаос, но будем надеяться, что это временные трудности.

Но есть и радостные новости. Безумцы с красными глазами очистили первый этаж. Ушли, стало быть, по своим делам. — В этом месте диджей грустно вздохнул. — На седьмом этаже ночью произошла небольшая перестрелка. Какой-то мужчина внезапно сошел с ума и открыл стрельбу по безоружным людям. Общими усилиями его удалось обезоружить и связать. Убитых нет, но есть трое раненых, которых в настоящее время пытаются транспортировать вниз для оказания медицинской помощи.

Все, кто нас слышит. Каждые полчаса мы будем передавать в эфир номера наших мобильных телефонов. По ним вы можете сообщать нам обо всем, что творится вокруг вас в любое время дня и ночи. Ваше сообщение будет услышано! А сейчас — время ваших просьб, самое главное время на нашем радио. Если нас слышит Лариса Карпуничева, Лариса, привет!!!

— Привет, — растерянно ответила девушка.

— Твоя мама жива, она находится на седьмом этаже корпуса «Б», но пока не может спуститься вниз. У них там небольшие трудности, но ничего страшного. Ее мобильный сел, так что не переживай, если звонка не будет. Она любит тебя и обязательно найдет. Постарайся не отходить от Кости. Не знаем, кто это, но надеемся, что это отличный парень и... мы желаем нам всем удачи и, как говорят американцы, да поможет нам Бог.

А теперь, поскольку здесь нет фонотеки, песню для вас исполнит диджей Алекс на своей шестиструнной гитаре! Браво, Алекс!

Лиза, Костя и Лариса зависли перед селектором, чуть уши туда не всунули. Это было неожиданно, прикольно и трогательно просто до слез. Под негромкий гитарный перебор девичий голос, тонкий, но сильный, запел-заговорил печально и доверительно:

От тоски не сойти бы с ума.
На стене вижу профиль окна.
Мне приснилась сегодня она —
Темная ночь да луна.
Знаешь ты, если я не приду,
Знает он, если я не умру.
На столе огарок свечи.
Если можешь — молчи.
Фотографий семейных оскал.
Я бы рюмку сейчас заглотил.
Я давно тебя не встречал,

Я давно тебя не любил.
Помолчим...
И опять не дают мне уснуть,
Ходят кошки всю ночь напролет.
Эти твари, почуяв весну,
Набивают потолще живот.
Я смотрю, как проходит она,
Растворяясь в сиреневой мгле.
Эта жизнь безусловно больна.
Пятый месяц в монастыре.
Ты спроси, как дела у меня,
Ты спроси, что такое отбой.
Покажи мне дорогу домой.
Вырван лист у календаря.
Помолчим.
А за городом лента шоссе
Убегает в далекую даль.
Мне не жаль, что я прожил уже,
Правит сердцем подруга печаль.
У подруги глаза — васильки.
На коленях старенький кот.
Вот и прожит еще один год,
А Всевышний считает деньки.
Я не знаю, зачем тебе дан
Этот дар, что дарован не всем.
Я, как пес, изнываю от ран.
Ты, как свет, улыбаешься всем.
Помолчим...¹⁴

Лиза достала из ящика стола полупустую пачку сигарет, вытащила одну. Подумала и положила назад.

— Надо бросать, — сказала она.

— Прямо сейчас? У тебя что, мало других проблем? — изумился Костя.

— Все равно придется. Сигареты закончатся еще раньше, чем еда. Так лучше я сделаю это добровольно, — флегматично проговорила девушка.

— А оружие? — сказала вдруг Лариса.

— Какое оружие?

— Ну, какое-нибудь. — Товарищи по несчастью смотрели на нее двумя парами странно-одинаковых, внимательных глаз. — Нам нужно хоть как-то вооружиться. На всякий случай.

— У меня есть шокер, — сказала Лиза.

— Везет! А у меня нет даже зажигалки.

— На, — великодушно сказала Лиза, протягивая парню одноразовую зажигалку, — и что, это здорово тебе помогло? Чувствуешь себя в полной безопасности?

Костя покрутил стеклянный параллелепипед, наполненный газом.

— Вообще-то из них гранаты делают, — сказал он.

— А ты умеешь? — засомневалась Лиза.

— Ну, можно в Интернете посмотреть.

Девушки вздохнули так глубоко, печально и синхронно, что получился стереоэффект.

¹⁴ Стихи Руслана Блохина.

— А что вы предлагаете? — ошетинился Костя.

Лиза качнула головой, встала, зачем-то отряхнула руки.

— Я хочу пойти постирать, — объявила она, — меня кто-нибудь проводит?

Вызвались сразу трое мужчин. Лиза пользовалась успехом.

— Я тоже, пожалуй, схожу. Пеленки отполоскаю, — Лариса кивнула на Дему, — присмотрите?

Уже у порога Лиза обернулась:

— А насчет оружия — предлагаю воспользоваться опытом предков, которые в былинные времена сухого закона здесь же, на берегах Невы, успешно глушили пьяных врагов табуретками.

— Тогда табуретки были помощнее. — Слон с сомнением взвесил на руке легкий стульчик. В сравнении с его мощной кистью стульчик действительно выглядел несолидно. Лариса даже засомневалась, не сломается ли ненароком.

— Ну, конкретно вам, оно, пожалуй, и ни к чему, — кивнула Лиза, — а тем, кто на шесть размеров помельче — сгодится. Ножки пооткручивать — и вполне себе оружие ближнего боя. За неимением лучшего.

— Если только так...

В туалете Лариса сразу направилась к раковине, а Лиза нырнула в кабинку. И через мгновение оттуда послышался победный клич клана Маклаудов:

— Гляди, какая вещь!

Лариса с недоумением уставилась на лежащую в углу огромную оранжевую клизму.

— У кого-то проблемы со стулом, — сказала она, все еще не понимая, что привело Лизу в такой щенячий восторг.

— А этот кто-то как минимум гиппопотам. Она же на полведра, не меньше!

— Ну ты сказала... На стакан. Ну, может, на полтора. Но все равно впечатляет.

Девчонки смотрели на медицинского монстра, и у обеих в глазах что-то такое просматривалось... Что-то прикидывающее.

— А жидкое мыло тут есть? — спросила Лариса.

— Правильно мыслишь, подруга, — кивнула Лиза, — пять баллов! Ты в брейн-ринге никогда не играла?

— Да нет, — засмущалась та, польщенная неожиданной похвалой. И тут же получила от бесцеремонной девицы:

— А пацан твой, он как — плод любви или результат математической ошибки?

Лариса едва не задохнулась от возмущения.

— Ну, знаешь!..

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

В серых глазах девушки не было ни тени издевки. Обычное доброжелательное любопытство, свойственное открытым людям, которые сами не имеют никаких тайн, потому что не представляют, для чего они нужны. Лариса немедленно оттаяла.

— Мы с его отцом любим друг друга, — сказала она, — и обязательно поженимся.

— Понятно, — кивнула Лиза, — Ну, здорово тогда.

Ее неправильное, но симпатичное лицо при этом выразило недоверие. Вернее «Недоверие». С большой буквы «Н». Но ничего говорить она не стала, ополоснула руки и вышла.

Лариса проводила ее глазами и тихо всхлипнула. Паша пропал. И она уже совсем не была уверена, что причина — другая девушка или футбол. Да пусть бы хоть две девушки, пусть хоть сам футболистом станет... только бы жив был, только бы не сошел с ума, как эти, красноглазые. Только бы нашел их...

В офисе они застали горячую дискуссию.

— Да ерунда все это, — горячился Костя, — это же спецназ, крутые парни. Они бы могли Реда и его команду разделить, как селедку под шубу, на раз — на два, три уже делать нечего. Пулемет этот, конечно, вещь страшная, но только в поле. А тут-то он что сделает?

Тем более с тремя-то лентами? Ну, шарахнут по стеклянным вертушкам, вынесут их, так краповые береты залягут, щитами закроются. Можно подумать, эти байкеры — такие артиллеристы, что вот прямо с первого выстрела и попадут куда надо!

— И что ты думаешь? — спросил паренек чуть постарше Кости.

— Что-то там есть еще, кроме пушки, — убежденно произнес разносчик пиццы, — что-то, о чем мы не знаем.

— Все, — сказала Лариса, решительно подошла к столу, где в гнезде из пиджаков, раскинув руки, спал Демка в позе «поросенок с хреном» и довольно бесцеремонно сгребла его в охапку. Тот недовольно крикнул, но не проснулся. — Все, — повторила она.

— Да что все? — не выдержал Костя. — Вы можете выражаться несколько конкретнее, мадмуазель?

— Я иду искать маму, — объявила Лариса.

— Рехнулась? — Лиза встала, перегородив выход. — Ты же слышала по громкой связи, там была перестрелка и есть опасность заражения.

— Всего три этажа, — упрямо сказала Лариса, — лифт работает. Я не понимаю, чего я до сих пор тут сижу. Пропусти меня, хорошо?

— Сама дура, ребенка зачем тащишь? — подал голос Слон.

— Затем, что это мой сын, и я его не брошу, — обстоятельно объяснила Лариса. — И я не дура. Не надо обзывать, пожалуйста.

— Ну, извини, — сказал Слон.

— Пропусти меня, — Лариса подошла к двери, — пожалуйста, пропусти. Ты же понимаешь, что если я решила, то я все равно уйду. Ночью уйду. Всю жизнь ты тут караулить не будешь, отойдешь поесть, в туалет или спать захочешь...

— Да в гробу я видела тебя караулить, — рассердилась Лиза, — была нужда. Если хочешь — иди. Только Демку здесь оставь. Если там, и правда, все нормально, вернешься. Или позвонишь — мы его принесем.

Лариса упрямо помотала головой. Она стояла напротив двери с кульком в руках, и было понятно, что отойдет она только в ту сторону, куда нацелилась, а именно — в коридор.

— У девки гиря до полу дошла, — авторитетно пояснила тетушка Тортилла, которая наконец-то выпалась и теперь сидела на круглом табурете босая и неторопливо пила растворимый кофе из большой красной кружки с надписью «Спартак — чемпион!».

— Да ладно, действительно, всего три этажа, — вдруг сказал Костя, — только не на лифте. По лестнице. Если чего услышим — мотыльнем назад.

— Еще один псих, — решила Лиза, — всего за несколько франков русский самоубийца пройдет на руках по всему парапету Эйфелевой башни!

— Шокера дашь? — прямо спросил Костя.

— Щаз-з-з, — протянула Лиза, — чтобы ты пропал вместе с шокером. И оставил бедную девушку совсем беззащитной. Сама с вами схожу. С шокером.

— И ты туда же? — изумилась Тортилла. — А такая с виду разумная девушка.

— Всего три этажа! — рявкнула Лиза.

Коридор был пуст, что могло бы насторожить компанию, но почему-то не насторожило. Поминутно оглядываясь и прислушиваясь, они вышли на площадку для лифтов. Там тоже было тихо. Из шахт не доносилось ни звука. Костя все-таки хлопнул по кнопке, и лифт исправно пришел в движение. Но это было единственное движение. Этаж словно вымер.

Глава третья ЕЩЕ ОДНА НАХОДКА

15 сентября 2013 года, раннее утро, Санкт-Петербург, вернее глубоко под ним.

— Бросай курить, вставай на лыжи. И вместо рака будет грыжа... Не лестница, а прямо

какой-то тест на здоровый образ жизни, — бурча себе под нос, Кошка поднималась вверх.

Вверх, вверх и вверх... Узкая темная лестница казалась бесконечной. Кое-где ступеньки от времени начали разрушаться, и пару раз Кошка чуть не споткнулась. Сказывалась усталость. Сколько «этажей» она уже отмахала? Двадцать? Вполне возможно. Сбоку чернел провал лифтовой шахты, забраный толстой металлической сеткой. «Лифт был бы кстати», — подумала Кошка. Сколько килограммов она на себе тащит? Снаряга — верная пятерка. Бутылка воды — чуть больше полкило. Бумаги... Бумаги тяжелые. Самое важное — папки. Она их прихватила с собой, а еще до отказа набила бэг пробниками с Лаврентием Палычем в роли Ленина. Существует правило: не кидайся деньгами, если не хочешь, чтобы тебя приняли за психа. Но она не удержалась, просто не смогла оставить письма.

— Килограммов двенадцать, — посчитала Кошка, — неудивительно, что икры ноют.

До слез было жаль чемодана. Кошка понимала, что, развалив стену, она сама, своей рукой, выставила сокровище на всеобщее обозрение, и в следующий раз, когда она сюда вернется, этого мастодонта просто не будет. Упрут. Впятером придут и упрут. Но тут уж ничего не поделаешь, не родилась она першероном.

Лестница напоминала абстрактную модель бытия, того самого, которое определяет сознание. Вниз — во тьму, возможно, к смерти — как нечего делать. Вверх — к солнцу, к жизни — придется попотеть.

«Господи, вот ведь дурь в голову лезет... Это от усталости», — решила Кошка и, чтоб отвлечься от монотонности подъема, стала считать про себя по-французски. Начала с тысячи. На пятьсот тридцати семи замороченное сознание что-то мякнуло, но Кошка по инерции продолжала считать, и только через несколько секунд сообразила, что ее насторожило. И впрямь, она устала больше, чем это допустимо. Звук, который с таким трудом протолкнулся сквозь французские числительные, показался тихим, на грани слышимости, стоном. Девушка замерла, вслушиваясь в тишину. Стон повторился. Он был таким слабым, что Кошка решила: кто бы там ни был, опасности он явно не таил. Уж скорее нуждался в помощи.

— Кто здесь? — позвала она. — Не бойтесь, я — ДРУГ.

Она сделала еще несколько осторожных шагов.

— Ко-о-ошка?! — удивленно прошелестела темнота.

Опаньки! Она чуть не села прямо на лестницу, и только четкое понимание того, что встать снова будет трудно, удержало ее на ногах.

— Кто! — свистящим шепотом выстрелила она и на всякий случай выдернула из бокового кармана рюкзака увесистый металлический брусок, сплюснутый с одного конца.

— Я это, — ответили ей.

— Я? Очень информативно, — сквозь зубы прошипела девушка. — Я спросил у ясеня, а потом у тысеня... Имя у тебя есть, «я»?

— Лю... Люба. Ты поднимись, — посоветовал слабый, но внятный голос, — не бойся. Тут я одна... живая осталась.

Аккуратно, словно ступая по сырым яйцам, Кошка пошла на голос, и через несколько ступеней на площадке луч фонаря выхватил два тела, лежащих одно на другом. Под ними расплывалось пятно: большое, темное и мокрое. Колени как-то разом ослабили, и Кошка села.

— Вот так... не повезло, — в слабом голосе проскользнула что-то похожее на усмешку. Верхнее тело шевельнулось. Кошка разом опомнилась и, сбросив бэг, ставший почему-то дико тяжелым, втянула себя наверх.

— Что с тобой? — испуганно спросила она, пытаясь сообразить, откуда ей знакомы эти жесткие, плохо подстриженные патлы и большие, просто огромные глаза на осунувшемся, грязном лице.

— Меня ударили. Стамеской... Не трогай. Я рану зажала как могла...

— Сердце Мира, — все-таки узнала Кошка и призналась: — А я ведь про вас почти забыла. — Где рана?

— Не надо, — повторила Люба, — очень больно. Так — не чувствуется почти.

— Кто тебя? — с ужасом спросила Кошка.

— Черный. Его вдруг переключило... Глаза красные, рожа сине-зеленая... кхм, ой... Как будто кто-то в него вселился.

— Вирус, — быстро сообразила Кошка, припомнив, что Черный сам ей и рассказал перед спуском про симптомы. — Когда ты его последний раз видела?

— Вчера... Или сегодня... Не знаю. Время тут какое-то странное. Так ты все-таки нашла? — вдруг оживилась Люба. — Если ты забыла про нас, значит, нашла?

— Что нашла? — насторожилась Кошка.

— Чемодан, — просто ответила Люба. — Черный сказал, что если кто и может его найти, то только ты. Джампер не хотел делиться, но мы сами найти не смогли. А ты, выходит, нашла. Здорово...

— Это он? — спросила Кошка, показывая глазами на второе, полностью неподвижное тело с неестественно вывернутой головой. — Джампер? Он жив?

— Нет. Уже давно. Он — сразу... — Люба закашлялась, сморщилась и выругалась сквозь зубы таким словом, какого Кошка даже не слышала.

— Болит? — всполошилась она, — слушай, это не дело. Давай я попытаюсь тугую повязку...

— Отвяжись, — беззлобно буркнула Люба, — надо было раньше. Слишком долго ты сюда добиралась, вот что.

— Ерунду говоришь, — в панике Кошка охлопала себя, соображая, что можно использовать в качестве перевязочного материала, — надо же что-то делать, и быстро. Куда он тебя ткнул?

— В печень, — спокойно сказала Люба, — так что все, Кошка. Уйду я к Ероол-Гую. Не трогай меня! — прошипела она, пресекая попытку Кошки все же оказать первую помощь. — Больно мне, понимаешь? А когда так лежу — вроде ничего.

— Что мне делать? — смирилась Кошка.

Люба сразу успокоилась. Даже черты худого лица, искаженные почти нестерпимой болью, немного расслабились.

— Чемодан, — требовательно просипела она, — ты в самом деле его нашла?

— Нашла, — кивнула Кошка.

— Папки... тоже нашла? Обе?

Кошка снова кивнула, два раза, как китайский болванчик.

— Они с тобой? Это хорошо. Черный говорил, что ты умная.

— Откуда вы знали о чемодане? — перебила Кошка.

— Мой друг, Алексей, — разговор давался Любе тяжело, ее лоб был покрыт крупными каплями пота, — он уже очень старый... Когда это все началось, он позвонил мне и спросил, правда ли, что я под землей хожу. Он сказал, что знает, откуда все это.

— Вирус? — сообразила Кошка.

— И вирус тоже. Он химик. Очень умный. Его во времена холодной войны в Штаты не выпустили...

— А сейчас-то он что тут делает, — хмыкнула Кошка, — если такой умный? Холодная война уже давно кончилась.

— Он говорит, ничего не кончилось. Пока не обезврежена последняя мина.

— Это понятно, — сквозь зубы прошипела Кошка. — Философ-пацифист. А дальше-то что? Он знает, как эту штуку ущемушить?

— Знает, — уверенно ответила девушка, — он нас за этим и послал.

— Он в Питере?

— Питере... Адрес... Запоминай. Звездная, дом шестнадцать... квартира сорок. Повтори.

— Улица Звездная, шестнадцать, сорок, — старательно повторила Кошка и замерла, не зная, что делать дальше.

— Ждешь-то чего? — прошипела Люба.

— Не могу же я тебя так бросить!

Девушка качнула головой. Или, скорее, обозначила движение.

— Ты меня не вытащишь. Сил не хватит.

— Хватит! Если рюкзак брошу.

— Нет! — испугалась Люба и даже привстала. Это движение стоило ей дорого. Она взвыла, закусила губу и упала на тело невезучего Джампера. Кошка заметила, как из-под ее худой, почти прозрачной ладони толчками выходит густая кровь, и ужаснулась, как ее много. Люба, похоже, лишилась сознания. Кошка сняла футболку, критически осмотрела ее, признала почти чистой, сложила в несколько частей и, осторожно отняв безвольно повисшую руку девушки, прижала футболку к ране. Ткань немедленно намокла. Отстегнув одну лямку у бэга, Кошка просунула ее под тощее, почти невесомое тело и как могла стянула. В этот момент девушка снова очнулась и принялась с шипением обкладывать Кошку и по матери, и по бабушке. Та с облегчением рассмеялась.

— Никогда не думала, что буду так радоваться, слушая, как ты меня материшь, — сказала она.

— Не утащишь, — проговорила Люба, — я маленькая, но тяжелая. И рана плохая. Кровью истеку. Ты мне водички оставь и мотыляй наверх. А как выбросишься, пошли кого-нибудь: врачей, полицию... да хоть пожарных. Но главное — папки донеси Алексею. И поторопись. Черный где-то тут бродит и он... не человек уже. Встретит — убьет.

Кошка в нерешительности замерла. То, что говорила Люба, было вполне логичным. Но оставить ее тут, истекающую кровью...

— Иди, — неожиданно мягко улыбнулась Люба.

— Ты... не вздумай помереть тут, хорошо? — сказала Кошка, поднимаясь, и скидывая на плечо бэг.

— Слово скаута, — усмехнулась Люба.

— Удачи!

— Удачи, — эхом отозвалась Сердце Мира.

Глава четвертая ДРУГ

15 сентября 2013 года, ранее утро, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Они вышли на широкую лестницу.

— Ничего не понимаю, — голосом Колобка из известного мультика сказала Лиза. Было видно, что она храбрится изо всех сил, но гулкая пустота большого здания, обычно наполненного голосами, шагами, телефонными звонками, гудением лифтов, ее порядком-таки напрягает. Может быть, всех эвакуировали, пока мы спали? — предположила Лариса, — но почему мама не позвонила на Костин телефон?

— Тут по субботам не так много народу. — Лиза отрешенно пожала плечами. — Да и еще днем полицейские выпустили всех... кто пожелал.

— А ты чего тормознулась? — Костя хитро прищурил один глаз.

— Надо было... а потом террористы эти.

— Ну и чего ты тогда распереживалась? — поинтересовалась Лариса.

— Но ведь кто-то же должен был остаться...

— Нет, — мотнул головой Костя, — если бы упырей Реда выбили с первого этажа, нас бы точно по громкой связи оповестили. Она, знаете, как орет, мы бы точно услышали.

— Надо посмотреть на этом этаже, — предложила Лиза.

— Может быть, поднимемся сразу на седьмой? — пискнула Лариса.

— А если здесь кому-то нужна помощь?

Подавив слабое сопротивление трети своего небольшого отряда (если не считать

грудных младенцев), Лиза и Костя приблизились к дверям, ведущим на пятый этаж. Они были открыты настежь, и изнутри не доносилось ни звука.

— На счет три, — скомандовал Костя.

— Уже три, — буркнула Лиза и первая сунула любопытный нос на пятый этаж.

Он был точной копией того, который они уже обжили, с той лишь разницей, что двери тут были в основном отперты, да посреди длинного коридора валялись несколько перевернутых стульев и столов. Было понятно, что никого тут нет и быть не может. Люди ушли. А перед тем как уйти, аборигены, похоже, с кем-то подрались.

— Все чудесатее и чудесатее...

— Кабинеты обыскивать будем? — спросил Костя. — Ну, на предмет еды или оружия...

— Вот деловая колбаса, — хмыкнула Лиза. — Обыщи, я покараулю.

Пока Костя шнырял по брошенным кабинетам, пытаясь отыскать хоть что-то полезное, а Лиза следила за коридором, стараясь уделить внимание всем четырем сторонам одновременно, Лариса прижалась к стенке, тихонько покачивая Демку. Тишина и пустота давили на нее ощутимо, как давит толща воды при плавании с аквалангом. Она думала. Это было непривычное для нее занятие. Обычно Лариса предоставляла эту сомнительную привилегию другим: маме, Паше, а в последнее время Косте или Лизе. Тем, у кого получается. Но сейчас ей что-то не давало покоя, что-то не клеивалось.

— Лиза, — тихо позвала она, — скажи, а у всех, кто здесь работает, есть карточки?

— Которые замки открывают? — уточнила Лиза. — Да, у всех. Но они работают только на лифт и свой этаж.

— Значит, люди, которые здесь были, могли уйти только вниз? В вестибюль? Туда, где Ред?

— Ну, в общем, да. Если только с ними не было кого-то из охраны. Карточки охранников открывают все замки. А что?

— Ничего, — Лариса покачала головой. Мысль, которая пришла ей в голову, настолько не понравилась девушке, что она решила ею ни с кем не делиться. — Пойдем. Понятно, что никого тут нет.

И тут, словно в ответ на ее слова, раздался какой-то странный звук. Не шаги, не голос, не хлопанье дверью. Звук шел неизвестно откуда, как будто сбоку, но вроде и снизу...

— Ты слышала? — прошептала враз побледневшая Лариса. Лиза только кивнула.

— Что это было?

Девушка мотнула головой и негромко нервно позвала:

— Костя! Заканчивай мародерствовать! Тут что-то...

Звук повторился с такой силой, что девчонки подскочили. В этот раз он стал яснее: как будто кто-то рвал бумагу. Отрывал от большого плотного листа полоску за полоской.

— Мамочки, — пробормотала Лариса, соображая, в какую сторону лучше сделать ноги. Лиза перехватила поудобнее шокер.

— Костя!

— Чего? — Костя появился из-за бежевой двери с надписью «Агентство недвижимости „Квадратный метр“».

— Тут кто-то бумагу рвет! — выпалила Лариса.

— Как? — удивился Костя. — Где?

«Хр-р-кс-с-с»...

— Ага, вот так, — кивнула Лариса, показав подбородком в сторону источника звука. — Костя, как думаешь, что это?

Парень качнул головой.

— Звук вроде оттуда, — он показал на стандартную светлую дверь напротив с лаконичной табличкой «Директор». Дверь была приоткрыта.

Девчонки стояли, не в силах сделать ни шагу — ни к дверям, из-за которых доносились странные звуки, ни к выходу. Все понимали, что оставить за спиной источник неведомой

опасности значит просто помереть, если не от пули в спину, то уж от любопытства наверняка. А неведомый истребитель бумаги как на грех замолчал.

— Может, ну его на фиг? — предложила Лариса. — Мы вообще-то мою маму ищем...

— А я завелась, — объявила Лиза. — Если эта зараза еще раз сделает так...

И зараза немедленно сделала, причем в пять раз громче, чем раньше.

— Он нас слышит? — спросила Лиза неизвестно кого. — Эй, кто там? Отвечай немедленно, а то я нервная, еще выстрелю через дверь!

— Из чего? — шепотом изумилась Лариса.

— Это психологическая атака, — объяснила Лиза, — надо же как-то выманить его на контакт.

Неведомому «кому-то» явно было наплевать с высокой колокольни и на Лизу, и на выстрел через дверь, а заодно и на психологию.

— Я пошел, — не выдержав, объявил Костя и сделал шаг.

— Подожди, — Лиза схватила его за плечо, — возьми. На всякий случай.

Костя, обрадованный и удивленный, протянул руку, подумав, что Лиза таки решила ради него расстаться с драгоценным шокером. Как бы не так! Девушка протягивала ему большую оранжевую клизму.

— Ну и на фига она мне? — оскорбился Костя.

— Привычность мысли надо гнать. Презерватив воздушным шаром может стать, — процитировала Лиза известный анекдот. — Она заряжена. Бери-бери, потом поблаговаришь. Давай. — И неожиданно для себя перекрестила парня.

Костя, как в американских боевиках, встал боком к двери и с размаху пнул ее ногой.

— Вхожу! — объявил он с лицом камикадзе.

— Входи-входи. Эй, а фамилия твоя как? — вдруг спросила Лиза.

— Хайретдинов. А тебе зачем?

— Ну, если что, родственникам сообщим, — «подбодрила» его Лиза и на всякий случай отступила на шаг.

— Спасибо, заботливая ты наша, — ядовито отозвался Костя и с клизмой наперевес шагнул за дверь.

И пропал...

Сначала Лиза с Ларисой ждали спокойно, мало ли что. Но минуты через полторы задержались.

— Костя?! — позвала Лиза. — Ты там живой?

Ни гу-гу...

— Ну, вот еще новое дело! Там что, филиал бермудского треугольника? — рассердилась Лиза. — Стой здесь, подруга, я сейчас.

— Я с тобой! — ахнула Лариса, сообразив, что сейчас и Лиза с шокером скроется за этой дверью, а потом что? Разумеется, пропадет.

— Та-ак, — послышалось из-за двери. — Это что, месть за клизму? Ты почему голос не подавал, мститель недоделанный? Мы чуть со страху не померли!

Лариса заспешила вслед за подругой.

— Что случилось? — спросила она, заходя в просторную комнату, обставленную дорого и со вкусом. — Костя и вправду что-то нашел?

— Не что-то, а кого-то, — поправил Костя. Он стоял перед обычной проволочной клеткой и старательно ковырял маленький замочек слишком большим ключом, явно от квартиры. — Здесь мышка. А клетка привинчена!

В углу клетки сжался пушистый клубок. Он поблескивал черными глазами, настороженно наблюдая за движениями парня. Рядом высилась горка порванной бумаги.

— На оружие это не похоже. Значит — еда, — глубокомысленно изрекла Лиза. — Неужели ты умеешь это готовить?

— Не издевайся, — попросил Костя. — Бедная мышка умрет тут с голоду.

— Вообще-то это крыса, — сказала Лиза. — Шиншиллы — это ведь крысы, я ничего не

путаю?

— А я думала белки.

— Можешь думать дальше, если тебе так спокойнее, — посоветовала Лиза.

— А при чем тут мое спокойствие? — удивилась Лариса.

— При том, что Костя явно собрался усыновить бедную зверушку и взять ее с собой, так что если ты не любишь крыс, у тебя проблемы.

— Хорошо, — дисциплинированно кивнула Лариса, — пусть это будет белка. Она пушистенькая.

— Одно удовольствие иметь с тобой дело, — одобрила Лиза. — Ну что, вз-з-хоббит придурочный, ты наконец справился с этой дурацкой защелкой? Мы не собираемся ставить здесь палатку. Забирай пушнину, и мотаем отсюда на фиг! Что-то мне здешняя обстановочка начинает действовать на нервы.

— Только начинает? — переспросила Лариса. — Тогда твоим нервам можно только позавидовать.

Костя сунул руку в клетку. И немедленно заорал на весь этаж, потому что наскучавшая в одиночестве белка со вкусом тяпнула его за палец.

— Получил, Гринпис на полставки? — фыркнула Лиза. — Пошли, и так уже кучу времени потеряли.

— ...Десять негрятят решили пообедать. Один вдруг поперхнулся, и их осталось девять. Девять негрятят, поев, клевали носом. Один не смог проснуться, и их осталось восемь... — подбадривая себя веселой песенкой, Лиза опасно приблизилась к дверям на седьмом этаже. Мертвая тишина. Даже безумное радио молчало. Костя и Лариса держались чуть позади, один с дальнобойным оранжевым оружием и узлом, где сидела присмирившая шиншилла, другая с Демкой в охапку и ужасом в глазах. Она уже поняла, что их безумный поход и ее отчаянная надежда немедленно, сейчас найти маму, оказались тем, чем и были, — глупостью. И сейчас Лариса усиленно «морально готовилась», только непонятно к чему. К горе трупов, перестрелке, к встрече с толпой рехнувшихся монстров?

Оставшиеся два этажа они миновали тихо, без приключений. Седьмой этаж встретил гостеприимно распахнутой стеклянной дверью. Видно, по навороченному электронному замку стукнули чем-то тяжелым или как-то по-другому вывели его из строя. Мало ли способов: ломать — не строить. Доводчик двери был погнут. «Скаутов» это серьезно насторожило.

«...Восемь негрятят в девон ушли потом, один не возвратился, остались всемером...»

Лиза протиснулась вперед, прислушалась. На площадке было тихо, дверь, ведущая в коридор с офисами, была вообще разбита.

— Может, все-таки я пойду? — встрял Костя. — Не женское это дело — разведка.

— Ага. А Мата Хари, Рут Вернер и радистка Кэт были трансвеститами. Ты лучше скажи, долго ты еще голым торсом будешь видеокамеры пугать?

— Куда же я мышку дену? — Костя развел руками. — Она кусается.

— Суду все ясно, — кивнула Лиза, — придурки бывают разные. А ты... Ладно, запомните меня молодой и красивой. — Девушка «сделала ручкой» и толкнула дверь ближайшего офиса. Раздался жуткий грохот и сдавленное ругательство. Лариса ойкнула и крепко прижала сына к груди.

— Кто здесь?! — взвизгнула Лиза и отскочила на добрых три метра. Костя, наоборот, метнулся вперед, закрывая девушку собой.

Необходимости в этом не было. Мужчина, который совершенно спокойно вышел им навстречу, был не вооружен, совершенно очевидно не красноглаз и на первый, да и на второй взгляд тоже совсем не опасен. Он просто излучал дружелюбие и спокойствие.

— Здравствуйте, — сказал он и протянул руку Косте. — Я — Петр.

— Твою фамилию, Петр, какого черта ты нас так напугал! — заорала Лиза, размахивая шокером.

— Я не хотел. — Петр посторонился, давая им дорогу, и приглашающе кивнул: —

Заходите. Вы сверху? Или снизу?

«Разведчики» вошли, косясь на этого мутного Петра, как лошади на пожар. А внутри было весело. По крайней мере, совсем недавно. Округлившимися глазами прищельцы рассматривали стены, прошитые пулями, неаккуратно замытые бурые пятна на полу, перевернутые стулья, выломанные куски перегородок... посреди коридора валялся разбитый монитор.

— Простите, я не ждал гостей, поэтому не успел прибраться, — произнес Петр. — Хотите чаю?

— Чего? — обалдела Лиза. — А может у тебя и кофе есть? Кто-нибудь хочет кофе?

— Вы спятили? — жалобно спросила Лариса. — Какой кофе? Я хочу знать, где моя мама. — Она посмотрела на Петра огромными, умоляющими глазами и повторила: — Моя мама... Она еще вчера вечером была здесь. Елена Карпуничева. Вы случайно...

— Все ушли на верхние этажи. — Петр участливо посмотрел на девушку. — Здесь была перестрелка. Двое охранников сошли с ума и открыли огонь по служащим. Были раненые. Люди прятались. Потом у этих психов кончились патроны, и они принялись все крушить. Сами видите, перегородки здесь — на один удар.

От чаепития они отказались. Лариса заметно нервничала, но Лизу и Костю распирало любопытство.

— А что, толпа народу не смогла обезвредить каких-то двух несчастных охранников со съехавшим шифером? — не поверил Костя. — Неужели не нашлось ни одного мужика?

— Один нашелся, — скромно сказал Петр.

— И что?

— Пришлось поступить с ними не совсем корректно.

— Не поняла. Ты их что, грохнул? — спросила Лиза.

— Я предпочитаю термин «обезвредил», — спокойно сказал Петр. — Но вы вправе употребить то слово, которое вам нравится.

— А... где покойнички?

— За стенкой. Вон там.

Не в силах поверить в происходящее, Лиза шагнула было в указанном направлении. Но вслед выстрелило спокойное:

— Я бы не советовал вам на это смотреть. Зрелище там не для слабонервных...

Слова Петра Лиза приняла к сведению, но не к исполнению. Она все-таки сунула голову за одну из перегородок, секунд на десять зависла, превратившись в статую, потом оперативно отвернулась и выплюнула только что проглоченный чай на пол. А когда обернулась, лицо ее, обращенное к Петру, было каким угодно, только не дружелюбно-доверчивым.

— А ты уверен, что сам нормальный? — рыкнула она.

— Ну, глаза у меня в порядке, — ответил Петр.

— Да в гробу я видела твои глаза, может, у тебя кровь белая. — Лиза попятилась, изо всех сил мотая головой в сторону выхода.

— Ты имеешь в виду, рвем отсюда? — уточнил Костя.

Лариса вскочила.

— Этот Петр — законченный псих! — заорала Лиза, — Маньяк и урод! Его к людям пускать нельзя без намордника! Не веришь — посмотри туда. Только Лариску не пускай.

— Вот и они так же решили. — Петр встал. — Поэтому все ушли наверх, а меня закрыли здесь. Посчитали, что я тоже заражен и скоро стану на людей кидаться. Вернее, уже стал.

— Как хочешь, но я не могу их за это осуждать, — сказала Лиза. Она все еще была сероватого цвета, и время от времени вздрагивала.

Костя все же решил проверить, что произвело на Лизу такое сильное впечатление. Он подошел к одной из отгороженных клетушек, заглянул туда... и в точности повторил действия Лизы, вплоть до результата.

— К-как ты их? — заикаясь, спросил он, — в-вернее, чем?

— Руками. Другого оружия у меня нет.

— П-понятно, — кивнул Костя. — Н-на хрена тебе д-другое.

Внезапно раздался звук, который, при всей своей обыденности, прозвучал как гром среди ясного неба. Загудел телефон. Самый обычный стационарный телефонный аппарат.

— Мать твою, — выругался Костя, разом излечившийся от заикания.

— Тут иногда и факсы приходят, — тихо сказал Петр.

Телефон звонил и звонил. Посреди развала, рядом с двумя трупами и дружелюбным убийцей этот звук казался нереальным, словно взятым из мелкобюджетного «ужастика». Лиза не выдержала и схватила трубку.

— Алло!

— Алло, это Катя? — женский голос на другом конце провода был взволнованным.

— Нет, это Лиза, — ответила девушка.

— Неважно. Лизочка, вы наверняка сможете мне помочь. Понимаете, у меня закончился этот крем от морщин, ну, который вы мне порекомендовали... Вернее, не вы, а Катя, но это не важно. Важно, что он закончился, а на баночке написано, что курс нельзя прерывать ни в коем случае, иначе эффекта не будет, понимаете?

— Нет, — честно ответила Лиза, — куда вы звоните?

— В фирму «Моньез». А что, я не туда попала? Это бизнес-центр «Пулково Скай»?

— Да-а.

— Ну вот, я же вижу ваш телефон на экране. Я не ошиблась. Так, Лизочка, вы сможете мне помочь? Я могла бы сейчас подъехать. У вас остался еще этот крем?

— Женщина, вы с телевизором давно виделись? — осторожно спросила Лиза.

— Да, я знаю, что у вас там какие-то беспорядки, — слышалось из трубки, — но если я с вами говорю, значит, офис работает. А если офис работает, то вы наверняка сможете мне помочь. Только не говорите мне, что крем закончился...

— Кто это? — спросила Лариса.

— Какая-то дура.

— И что ей нужно?

— Ты не поверишь — крем от морщин. — Лиза прикрыла ладонью трубку. — Вот не лень же в девять утра названивать.

Лариса покачала головой.

— Жизнь продолжается, — сказала она.

— Так я подъеду? — нетерпеливо спросила женщина.

— Конечно, — кивнула Лиза, — подъезжайте. Только лучше на танке. И захватите с собой гранатомет «Муха» и бронежилет. Надеюсь, он у вас есть. — Лиза аккуратно положила трубку, немного подумала и выдернула телефон из розетки. Все это она проделала медленно и осторожно, ни на секунду не отрывая взгляда от Петра. Потом так же медленно отступила к выходу. Поворачиваться спиной к убийце она не желала.

— Мы уходим, — объявила она, — немедленно.

— Думаю, это правильно, — кивнул Петр, — здесь становится очень опасно. Практически невозможно организовать нормальную оборону. Я пробовал, но тут даже дверь заклинить не чем, кругом электроника. И мебель вся слишком легкая. Надо спускаться вниз и пытаться прорваться в административный центр.

— Спасибо за совет, — нервно сказала Лиза, — и за все... не приближайся!

— Извини, не получится, — Петр развел руками.

— То есть? — сощурилась Лиза.

— Я решил пойти с вами.

— И думать не смей, — отчеканила она. — С нами ты не пойдешь, ясно?!

— А как ты думаешь мне помешать? — спросил Петр, и в его мягком и спокойном голосе ребята впервые ощутили стальное армирование.

Лиза думала ровно одну секунду. Потом расслабилась и опустила сведенные

напряжением плечи.

— Никак, — признала она.

— Тебя когда-нибудь на IQ проверяли? — неожиданно спросил Петр.

— Ну да. Сто семьдесят два, — неохотно сказала Лиза.

— Тогда тебе совершенно нет смысла меня бояться. У меня всего сто одиннадцать.

— Ну и как это мне поможет, если ты решишь выдавить мне глаза? — снова сорвалась Лиза.

— Ты наверняка придумаешь, как этого не допустить, — произнес Петр все так же ровно и первым шагнул к дверям.

— Костя, подожди. Я позвоню нашим, чтобы выходили на лестницу встречать, — сказала Лиза и метнулась к телефону.

Обратно спускались в подавленном молчании. Только Лиза упрямо бормотала под нос в ритм шагам:

Семь негрят дрова кололи вместе,
Заколол один себя — и осталось шесть их.
Шесть негрят пошли на пасеку гулять,
Одного ужалил шмель, и их осталось пять.

Пять негрят судейство учинили,
Засудили одного, и стало их четыре.
Четыре негритенка пошли купаться в море,
Один попался на подвох, и их осталось трое...

Петр посматривал на нее со странной улыбкой. Не выдержав, Лиза махнула рукой, чтобы Костя и Лариса шли вперед, и осторожно, словно к дикому зверю, приблизилась к Петру.

— Ты ведь не хочешь, чтобы сейчас повторилось то же самое? Чтобы все ушли, а тебя оставили?

— Не хотелось бы, — кивнул Петр.

— Мы никому не скажем об охранниках. Но если хотя бы с одним из нас что-то случится...

— Вот видишь, не прошло и трех минут, как ты все придумала. А боялась.

— Черт! — выругалась Лиза. — Если я чего-то и боюсь, то только твоего сволочного спокойствия и дружелюбия. Я его не понимаю!

— А непонятное всегда пугает, — согласился Петр. — Спрашивай. Я отвечу.

— Правду? — с подозрением спросила Лиза.

— Ну, ты ведь очень умная девочка. Разберешься.

— Почему ты еще здесь? — выпалила Лиза. — Ты ведь можешь пройти сквозь Реда и его придурков, как нож сквозь масло!

— Ну... — Петр улыбнулся, — вариант ответа первый: я не могу открыть электронный замок, а стекла там слишком прочные, их даже пули не возьмут. Вариант второй: я с ними заодно. Вариант третий: я — тайный агент ФСБ и выполняю тут спецзадание, вариант четвертый: я навешал тебе лапши на уши, потому что ты мне понравилась, этих охранников убил не я, и вообще, я белый и пушистый, вариант пятый...

— Заткнись, — устало попросила Лиза и тихонько запела-загудела:

Три негритенка в зверинце оказались,
Одного загрыз медведь, и вдвоем остались.
Двое негрят легли на солнцепеке,
Один перегорел, остался одинокий.

Последний негритенок посмотрел устало,
Он пошел повесился, и никого не стало.

Глава пятая ВОССОЕДИНЕНИЕ

15 сентября 2013 года, утро, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Если кто сегодня помер,
Без него играем в покер...

— ...В эфире радио «Цитадель». С вами диджеи Марч и Алекс. Мы ведем репортаж из административного центра. Второй этаж в переходе между зданиями «А» и «Б». Идут вторые сутки с тех пор, как бизнес-центр находится в осаде. На настоящий момент новости такие: первый этаж корпуса «Б» чист, сумасшедших не наблюдается.

С верхних этажей бизнес-центра мы получаем только отрывочные сведения. Спасибо нашим добровольным корреспондентам. Благодаря вашим звонкам мы смогли узнать, что несколько драк завязались на десятом и одиннадцатом этажах. Так что туда лучше не соваться.

Вниманию всех, кто еще не поддался болезни: первый признак заражения — покраснение белков глаз, затем изменение цвета кожи. После этого примерно через шесть часов наступает либо смерть, либо перерождение. Человек перестает быть собой. Сейчас как никогда актуальна старая песня группы «Банзай»: «При встрече смотрите в глаза друг другу»!

Мы находимся в административном центре и будем пробовать выжить и дальше. У нас крайне ограничен запас продуктов, но, что бы ни случилось, мы по-прежнему работаем для вас и будем это делать, пока возможно. Если у кого есть возможность — приходите. Мы рады вас видеть. У нас есть доктор.

А сейчас время ваших приветов — самое важное время на нашем радио. Надеемся, нас слышит Алина Гуляева, с которой не может связаться ее подруга Ира: Алина, если ты жива, дай знать! Олег Кочмарев передает своему брату, что он жив и пока здоров и будет рад услышать то же самое. Игорь Буев передает всем, кого интересует эта информация: он легко ранен и планирует в ближайшее время спустится вниз, чтобы разыскать своих коллег и друзей.

По просьбе Андрея Багрицкого в эфире его любимая песня: «Бог устал нас любить». Но, поскольку группы «Сплин» здесь нет, их с удовольствием заменит диджей Алекс и ее верный «Хонер»...

На площадке второго этажа потихоньку собирался народ. Там были коллеги Лизы, старушка Тортилла, молодой человек, которого Костя прозвал Слоном, невнятный «костюм», который держался сзади... и другие. Видимо, с двух нижних этажей подтянулись, увидев небольшую толпу. В общем, собралось человек двадцать пять, прикинул Костя. Длинная стеклянная галерея соединяла их корпус с соседним. Сквозь двери были видны возведенные спешно баррикады, и какие-то люди то и дело выглядывали из-за сваленной мебели, видимо, пытаясь сообразить, чего им ждать от этого несанкционированного митинга.

Двери были закрыты, и высадить их плечом люди при всем отчаянии даже не пытались. Просто как-то так они выглядели — внушительно, серьезно, солидно, — что было понятно: шансов нет.

— Твоя карточка тут не годится? — сказал Костя, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Моя — нет, — ответила Лиза с упором на слово «моя» и выразительно посмотрела на Петра.

— А у меня вообще никакой карточки нет, — в ответ на ее недоверчивый взгляд Петр улыбнулся. — Сломал я ее. Тогда. Хотя про это «тогда» мы договорились помалкивать...

— Стивен Сигал, твою американскую маму, — прошипела Лиза и повернулась к стеклянным дверям. На том конце коридора как раз кто-то появился. И, похоже, сразу трое. Один — мужчина, довольно высокий, второй — вроде тоже мужик, поплотнее. А третья как будто дамочка. Из-за баррикады было плохо видно. Народ активно замахал руками, пытаясь привлечь внимание. Как будто эти трое и так не смотрели во все глаза! Молодая женщина провела рукой по горлу, изобразила пистолет у виска, начертила пальцем в воздухе «SOS»...

— Не понимают, — сообразил «костюм» и заорал во все горло, рискуя сорвать голос:

— Эй, нам нужна помощь! Помощь! Мы здоровы!!!

— Сдурел мужик со страху, — охнула Тортилла. — Вы что, уважаемый, хотите, чтобы нас внизу услышали?

— Я хочу, чтобы нас услышали в этом долбанном командном пункте, — нервно бросил «костюм» и, повернувшись к стеклу, изо всех сил забарабанил по нему кулаками.

Лиза покачала головой:

— Нервы, Валерий Михалыч, нервы... — с интонацией штабс-капитана Овечкина сказала она.

— А ты можешь предложить что-то лучше? — с интересом спросил Петр.

— Ну... можно попробовать. Вот только стоит ли тебя туда вести? Может быть, лучше умереть здесь, спасая мирное население?

— Какое мирное население, окстись, — засмеялся Петр, — там одних копов человек двадцать, все вооружены и прекрасно тренированы.

— И тоже могут пластиковой карточкой человека на ленты порезать?

— Не знаю, — пожал плечами Петр, — но не исключаю такой возможности. Ну так что, у тебя и впрямь есть стоящая идея?

— Других не держим. — Лиза достала мобильник, протолкалась к стеклу и помахала рукой, привлекая к себе внимание. Мужики и девушка по ту сторону замерли. Лиза быстро набрала номер.

— Марч, радио «Цитадель», — отозвалась трубка, — я вас слушаю.

— Прямой эфир, если можно, — сказала Лиза.

Трубка хмыкнула:

— Сообщение стоящее?

— Вы войдете в историю, — уверенно пообещала девушка.

— О'кей, вы в эфире. Только слышно будет плохо, здесь, к сожалению, не профессиональная радиостудия. — Динамик на стене рядом ожил, и Лиза услышала свой собственный голос, отстающий на полсекунды.

— Ничего, меня вполне устраивает. Это Лиза Панич из корпуса «Б», — громко сказала она. Народ на площадке как по команде замолчал. — Мы на втором этаже, напротив административного блока. Нам нужна помощь. Мы все здоровы, среди нас нет ни красноглазых, ни... — Она секунду поколебалась, но твердым голосом договорила: — Ни вооруженных. Мы хотим, чтобы наспустили.

— Так они и открыли, — скривился «костюм», — мало тут таких шляется, и все здоровы.

— Откроют, — сказала тетюшка Тортилла, — девочка специально попросила прямой эфир. Ее слышали все. Если не откроют, тогда и впрямь лучше, чтобы конец света настал прямо сейчас. Для этих ребят лучше.

— А вы уверены, что конец света еще не наступил? — мягко спросил Петр, слегка склоняясь к тетюшке Тортилле. — Позвольте вам помочь...

На том конце коридора произошло какое-то шевеление. Мужчины исчезли, затем появились снова. К ним присоединился еще один в форме. Динамик снова ожил.

— Сколько вас?

— Двадцать пять человек, — ответила Лиза и в волнении облизнула губы. — Среди нас двое пожилых людей и новорожденный ребенок.

— А ребенок-то откуда? — изумился динамик. Лиза оперативно подтолкнула Ларису вперед и сунула ей трубку.

— Что говорить? — испугалась она.

— Что хочешь, только пожалобнее! — приказала Лиза.

— Пустите нас, пожалуйста, — мяукнула Лариса. Ничего более убедительного ей в голову не пришло.

С той стороны коридора молчали довольно долго. Минуту, а может, и все полторы. За это время все, кто собрался в коридоре, успели двадцать раз умереть и воскреснуть.

— Хорошо. Мы вас впустим, — наконец разродился динамик.

— Волшебное слово, — фыркнула Лиза и облегченно закрыла слейдер. — Молодец, девочка. Это было именно то, что доктор прописал.

— Но при входе вас осмотрят врачи, и обыщут на предмет оружия, — добавил голос из динамика. — Проходите, только не все сразу. Попытка влезть всей толпой будет расценена нами как нападение и приняты соответствующие меры.

— Стрелять будут, — «перевел» Слон.

Лампочка мигнула, и красный огонек сменился зеленым. Люди обрадовано кинулись к стеклянным дверям. И тут судьба в очередной раз показала свой сучий характер. Беда пришла снизу, откуда ее, в общем, и ждали. Сначала там что-то несколько раз грохнуло, потом послышались одиночные выстрелы, шум близкой драки, и через несколько секунд на лестницу выкатился клубок из сцепившихся тел. Тортилла взвизгнула, как сопливая шестилетка, и отскочила подальше. У Ларисы реакция оказалась похуже. Пока она с изумлением «ловила низколетящие вафли», ее кто-то перехватил за шею и прижал с явным намерением придушить. От испуга она едва не выпустила ребенка. К счастью, заорал Демка. Услышав это, Костя метнулся к Ларисе и направил тугую струю воды, смешанной с жидким мылом прямо в лицо нападавшему, да так метко, будто он вырос в Сибири и всю жизнь бил белку в глаз. Причем, исключительно из клизмы. От неожиданности или от того, что мыло попало в глаза, напавший разжал хватку, Лариса воспользовалась моментом и бросилась к дверям, которые уже закрывали снова. В этой свалке никто не разбирал: красные глаза, белые. Краем глаза Костя успел заметить, как новый знакомый поймал в захват кого-то, видимо, из чужих... а может, и из своих, и коротким, очень профессиональным движением свернул шею. Хруст позвонков для парня прозвучал оглушительно. Но, похоже, больше никто ничего не услышал, все были слишком заняты. Тут Костю крепко ткнули в спину, и он макушкой вперед влетел в длинный коридор. Сзади подпер еще кто-то, неслышно чмокнул замок, отрезая прорвавшихся счастливых от свалки, по инерции Костя пролетел еще несколько метров и растянулся на полу.

В двери колотилась человеческая масса. Черненькая девчонка, чем-то похожая на Лизу, прижалась к стеклу и с отчаянием в глазах что-то кричала, видно, умоляла впустить. Но первый этаж выплюнул новую порцию сумасшедших, и сопротивление захлебнулось. Было очень похоже, что оставшихся просто добивали.

Костя отвернулся. Его замутило.

В коридор прорвались человек двенадцать. Среди них оказались Лиза, Лариса с Демкой, тетушка Тортилла, молодой человек внушительных габаритов и новый знакомый, мастер сворачивать шеи — Петр. Остальных Костя не знал... Хотя нет, одного знал, и отлично. Это был рыжий байкер в съехавшей бандане и свободной куртке, сидящей на худом теле, как на вешалке.

— Ред? — поразился Костя. — А ты-то как здесь оказался... Постой. — Костя встал на четвереньки, потом на ноги. Похоже, все было цело и даже почти не болело. — Так вот что там так грохало! Они все-таки выстрелили.

— Из пушки? — ахнула Лариса.

— Ну да, — тяжело дыша, подтвердил Ред. — Вертушки разнесли в хлам. Теперь сюда с улицы рванет всякое...

— Так они сейчас ее сюда притащат и эти двери тоже разнесут! — сообразила Лиза.

— Не разнесут. — Ред ухмыльнулся. — У них стрелять нечем. Только то, что заправлено было, а они это уже освоили. А остальное я все время вот тут носил. — Байкер похлопал себя по груди.

— А ну бегом отсюда! — скомандовал им какой-то крепкий мужчина.

— Пойдем. Пока пускают. — Двери напротив ждали, и люди потянулись туда. Петр помогал идти тетушке Тортилле. А Костя с согласия Ларисы принял на себя заботу о хнычущем Демке.

— Нехорошо получилось, — произнесла Лариса, ни на кого не глядя, — там были и другие люди, здоровые.

— Хочешь за ними вернуться? — спросил Петр.

— Я вернулась бы! Только они же больше двери не откроют.

— Не откроют, — согласился Петр, — и правильно сделают. Зачем впускать заразу.

— А как же ты? — съязвила Лиза.

— Господь знает своих, — не обиделся Петр. — А ты, я гляжу, уже отошла от шока. Больше меня не боишься. Минут на пять хватило?

— Вообще-то на три, — уточнила Лиза.

— Давайте-давайте. Быстрее! — их постоянно подгоняли хозяева этажа.

По одному спасшиеся прошли в другие двери. На входе, как и было обещано, их встречали двое: худенькая профессионально-спокойная женщина, которая быстро осмотрела глаза, почему-то кожу на лице и за ушами, «трехсекундным» термометром измерила температуру, посчитала пульс. Двоих с вывихами и ушибами отсадила на стулья в сторону, а остальных передала мужчине в форме охранника, который так же быстро и профессионально обыскал на предмет оружия. Пулеметные ленты перекочевали в арсенал защитников административного центра, а разоруженный Ред последовал за остальными. За его спиной какие-то люди спешно начали восстанавливать баррикаду из мебели.

Ларисе с ребенком сразу же предложили пройти в отдельную комнату. Петр ни у врача, ни у охранника никаких подозрений не вызвал.

Глава шестая ПРОДРАЗВЕРСТКА

15 сентября 2013 года, день, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Никодим одним из первых оказался в месте выхода новой группы. Сердце как чуяло — и на тебе! Пропустить удалось не всех. Часть людей, отрезанных от спасительных дверей, теперь погибала на его глазах, а он ничего не мог сделать.

— Тащите столы! — прокричал он.

Мужчины поняли и унеслись по коридору. Моментально из всех офисов авиакомпаний выдернули столы, стулья и несколько шкафов...

Никодим смотрел сквозь стеклянную дверь и молил всех богов, чтобы красноглазые не сразу обратили на него внимание. Избиение продолжалось. Двоим мужчинам даже удалось буквально затоптать одного. Но энергия была разная. Агрессия с лихвой перекрывала численное превосходство. Нападавших осталось всего четверо, но они так остервенело работали кусками труб и арматуры, что шансов у людей не было. Еще миг — и Никодим уже хотел дать команду открыть двери и спасти хотя бы последних трех — мужчину и двух женщин, но тут на лестнице послышались крики ярости и на лифтовую площадку вломились еще четверо. Причем все женщины. Никодим от удивления широко раскрыл глаза. Это надо было видеть — синие лица с безумно горящими глазами, растрепанные волосы,

перепачканные в крови, порванная одежда, из-под которой наружу вывалились груди...

За спиной Никодима мужики тоже узрели появление этих фурий и от увиденного уронили стол себе на ноги.

— Ах ты, е-мое... чтоб тебя...

— Быстрее! — повысив голос до предела, распорядился Никодим и покрепче сжал дубинки в руках.

Он отошел от двери, и его место тут же стала заполнять мебель. Баррикада росла на глазах, а красноглазые женщины помогли добить последних сопротивлявшихся людей и, дико вереща, кинулись на стеклянную дверь.

— Еще давай!

— Несу...

— Валите этот стеллаж!

Люди отступали по коридору, оставляя после себя нагромождение мебели. Надежнее всего завалили, конечно, дверь. А по ней уже колотили чем-то тяжелым. Не прошло и минуты, как стекло не выдержало и со звоном разлетелось.

— Зовите охранников, — обернувшись назад, бросил Никодим, вовремя вспомнив про их огнестрел.

Красноглазые, одолев дверь, принялись продираться сквозь баррикаду. Вот показался один, второй... потом сразу две подруги с синими мордами.

А защитники продолжали... они принялись забрасывать их стульями. Уроды забрались на столы и размашистыми движениями пытались отбивать летящую в них мебель. Жаль, что стулья были слишком легкие, и тем не составляло особого труда их парировать. Хотя нет. Нашли пару увесистых экземпляров. Их раскачали вдвоем и метнули, как осадный снаряд. Кресло удачно сбило одного с ног. Красноглазый упал и провалился вниз, между столами. Второе кресло сшибло безумную валькирию, которая грязными босыми ногами порхала над баррикадой. Несмотря на все противодействие, враг упорно шел вперед. Падал, вставал, рычал, брызгал слюной, но продирался к людям. Никодим мотнул головой, и мужчины, вооруженные подручными средствами, в три линии перегородили коридор. До безумных с перекошенными лицами оставалось всего ничего, когда кто-то из первого ряда не выдержал и дернул рычаг огнетушителя. Мощная струя вырвалась и сбила с ног красноглазого. В мгновение ока легкая дымка окутала пространство. В следующую секунду появились двое охранников, которые бесцеремонно растолкали шеренги, протиснулись на передовую и с ходу открыли стрельбу. В узком коридоре выстрелы звучали как пушечные. Отработав в два ствола, Максим и Степан спешно перезарядили оружие. Люди во избежание сюрпризов сделали несколько шагов назад. Хотя с такого малого расстояния все пули должны были найти свою цель. Секундная пауза — и из пенного облака вылетело два тела.

— Ауяй!

Никодим ударил с двух рук, и обе резиновые дубинки от души припали одной фурии по голове. Она так и уткнулась лицом вниз у его ботинок. Вторая успела схватить Максима за руку и впиться зубами ему в плечо. Охранник врезал ей рукояткой по темечку. Раз, другой, третий... она разжала пасть, и Максим засунул ей туда ствол и нажал на спусковой крючок. Пуля ушла навывлет...

Второй охранник, Степан, отстранил Никодима и произвел распластавшейся особи контрольный в голову.

— Блин, всегда думал, как это... — вырвалось у Степана.

В это время дымка развеялась, но добивать было некого. Шесть трупов неподвижно лежали на баррикаде в самых немыслимых позах.

Защитники замерли, прислушались. Со стороны лифтовой площадки больше не доносилось ни звука.

— Кажись все, — устало выдохнул кто-то за спиной Никодима.

— Будем надеяться, — ответил он и развернулся. Со стороны офиса управляющей компании уже спешили оба врача.

Женщина принялась осматривать укушенное плечо Максима, а доктор скептически обозрел поле боя.

— В любом случае этого следовало ожидать...

— Чего?

— Того, что зараза проникнет и к нам.

* * *

Первым делом Никодим со Степаном направились в диспетчерскую. Напрасно. Мониторы показывали черный квадрат. Все камеры молчали.

— Это плохо. — Никодим упал в кресло. — Теперь мы ослепли.

Его первоначальный план идти с утра выручать застрывшую в ресторане девицу, а заодно и разжиться продуктами, трещал по швам.

— Жрать-то все равно что-то надо, — резонно заметил Степан, опускаясь рядом на стул.

— Надо, — согласился Никодим, — а значит, пойдем.

Он решительно встал и вышел из диспетчерской с твердым желанием идти вниз.

Общее собрание боеспособных мужчин постановило отправить на выручку девушке, а заодно и за продуктами десять человек. Остальные мужчины должны были остаться на страже цитадели.

Никодим окинул взглядом свое воинство и решительно отдал обе свои дубинки на усиление наступательного порыва бойцов.

— Я сейчас, — сказал он, схватив в коридоре рогатую вешалку. — Пара минут... — И тут же устремился в подсобку.

Никодим быстро нашел в инструментах ножовку по металлу и, отпилив у вешалки ненужные части, смастерил себе импровизированное копье.

Когда он вышел с ним к народу, то на изумленные взгляды мужчин ответил:

— В Африке меня научили пользоваться копьем.

— И кто?

— Арабуты!

— Ну-у-у, — деловито протянул охранник Максим, — если они, тогда вперед!

Максим, несмотря на ранение в руку... ну как ранение — укус. Сумасшедшая баба здорово приложилась. Марина Николаевна, врач, промыла и перебинтовала как следует. Максим спросить у нее не решился... Но гвоздь насчет того, что он мог запросто заразиться через укус, плотно засел в мозг. Когда уже засобирались вниз, он отогнал паскудную мысль и первым вызвался на вылазку.

Аккуратно, чтобы не развалить собственную баррикаду, мужчины выбрались на лестницу и осторожно спустились до первого этажа.

Максим, как единственный вооруженный огнестрелом, смело шагнул вперед.

— А запах... — Левой рукой он зажал нос и огляделся. — Идите. Чисто.

Следом спустился Никодим, выставив вперед копье. За ним и все остальные. Замерли на лифтовой площадке, еще раз прислушались и огляделись. Тихо. Мертвые тела, разбитые двери и окна, стреляные гильзы и посередине всего этого хаоса возвышался станковый пулемет.

— Ужас... — не в меру громко высказался мужчина в костюме.

Никодим цыкнул на него, но было уже поздно. Господин, прислонившись к косяку, стал шумно хватать ртом воздух, при этом что-то бормоча себе под нос. Народ напрягся, переводя весь имеющийся арсенал в боевое положение.

— Да угомонись ты, — насел на него крепыш в свитере. — Услышат же...

На их безумное счастье вестибюль и коридор хранили полное молчание.

— Макс, видишь бандуру? — Никодим указал на пулемет.

Охранник кивнул.

— Этот... как его? Ред, паскудник, притащил от него две ленты, что ли...

— Ну?

— Берем на обратной дороге. В коридоре поставим, гуд? — подмигнул Никодим.

— Нормальный агрегат, — восхитился за его спиной молодой парнишка лет двадцати.

— Берем, — согласился Максим, дернув плечом.

— Пошли, — коротко скомандовал Никодим и двинулся дальше.

Достаточно широкий коридор слева и справа украшали небольшие магазинчики. Без света витрины казались пустыми и безжизненными.

— Аптека, — указал рукой Никодим, и трое мужчин двинулись за лекарствами. — Памперсы не забудьте... — добавил он им вдогонку, сам едва вспомнив просьбу Ларисы.

Пока троица выгребала запасы из аптеки, любопытный товарищ из авиакомпании сунул свой нос в газетный киоск и через минуту вернулся оттуда с охапкой журналов и газет.

— Ну на кой тебе? — прошипел Максим.

— Пригодится... — Любитель прессы ответил с таким видом, как будто он действительно знал, куда можно применить такую гору макулатуры.

— Мужики, — крепыш привлек внимание отряда. — Спортивный. — Он указал рукой на магазин. — Пошли, там есть биты... да и приодеться можно...

Секундная пауза, Никодим кивнул, и двое желающих рванули в спорттовары.

— Нет, чтобы оружейный поставить, — озабоченно изрек Максим, мысленно сожалея о последней оставшейся обойме. Вынужденное мародерство в магазинчиках длилось не более десяти минут. Затем группа, усиленная бейсбольными битами и острыми лыжными палками, двинулась к ресторану. Миновав второй растерзанный вестибюль с массой изуродованных трупов (удивительно, но на этот раз «костюму» не стало дурно, а может, просто уже было нечем...), они вошли в зал. Тишина и вновь трупы. Под ногами противно звякали и перекачивались гильзы. Сейчас при дневном свете было заметно, насколько пострадало заведение. Стены в дырках от пуль и осколков, выбитые витрины, перевернутая мебель... и все тот же стойкий запах начинающегося гниения. А еще мухи! Вездесущие твари!

— Макс, — негромко позвал Никодим, — знаешь, где у них тут что?

Охранник молча кивнул.

— Веди. Сначала найдем подругу...

Зашли за линию раздачи.

— Посмотрите вон там и там... — указал Максим на небольшие двери. — А вот за этими — камеры, там продукты.

Дверь приоткрылась, чуть слышно скрипнув...

— Ек-макарек... — Любитель прессы едва увернулся от вылетевшей сковородки. — А ну кончай баловать!

— Надя? — Никодим быстро заглянул в комнату и тоже еле успел отпрянуть от очередной кухонной утвари. — Надь, спокойно! Мы пришли за тобой.

Еще одна кастрюля, сверкнув начищенным боком, пронеслась мимо, ударилась об стену и звонко запела на полу. Никодим придавил ее ногой.

— Тише, Надя. Нас услышат. Мы за тобой...

— МЧС? — не уверенно спросил девичий голос.

— Фу, — Никодим шумно выдохнул, — да, можешь считать нас МЧС. Ну, успокоилась? Спокойно! Я вхожу.

— Ай! — И следующая кастрюля полетела точнехонько в появившегося в проеме Никодима. Он едва успел подставить руки и отбить «железяку».

— Да угомонись ты... — Никодим метнулся вперед и сгреб девушку в охапку. — Тише-тише... все хорошо.

Надя пару секунд пыталась отбиваться, но потом, вероятно, осознала, что ее не собираются убивать, насиловать и есть, и прекратила махать руками. Она всхлипнула пару раз и прижалась к груди Никодима.

— Я ждала... я вас так ждала...

— Ну чего встали, парни? Давайте выгребайте закрома родины. — Никодим отдал команду, продолжая поглаживать Надю по волосам.

— Хорошо устроился... — услышал он ворчание за дверью.

Продразверстка прошла без всяких приключений. Доверху набили всю имеющуюся тару, рассовали по карманам, забили за пазуху. Набрали всего, чего могли и на что упал глаз. А голодные глаза затмили многим разум, и оттого их будущих рацион грозил изобильным многообразием.

— Будем жить... — весело улыбнулся крепыш с битой, и тут их внимание привлек едва уловимый звук.

Отряд замер.

— Выстрел, — напрягая слух, предположил Максим.

— Тихо.

Мужчины замерли, прислушиваясь.

— Нет, ну точно выстрел!

И в это время ожил селектор.

— На нас напали! Внимание... Никодим! На нас напали...

Никодим узнал голос Кати. Он выпустил руку Нади, перехватил копье обеими руками.

— Погнали, мужики!

И нагруженный отряд кинулся следом, сопя и тяжело бухая по полу.

Глава седьмая ЗДРАВСТВУЙ, МАМА

15 сентября 2013 года, ранний вечер, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

— Лиза, у тебя мобилка еще живая? — спросил Костя.

— Да, вполне. Позвонить надо? А твой тоже сел? — рассеянно поинтересовалась девушка, — ради бога. У меня тариф «ЕЛЕ 2», берет не везде, зато дешево. А зарядник я всегда с собой ношу.

— А... мне в Москву позвонить надо.

Лиза пожала плечами:

— Только недолго, ладно? А то тут целая очередь желающих. У тебя кто в Москве? Девушка?

— Дедушка, — хмыкнул Костя.

— Я серьезно.

— И я серьезно. На самом деле — дедушка.

Костя пробежался по кнопкам, и после двадцатисекундного ожидания радостно заорал на весть коридор:

— Деда Дима, привет. Это Костя. Да, из Питера... Да что творится — тебе доложат, а я с чужого мобильника, так что ты на этот номерок денежек брось, хорошо?.. А сколько не жалко! Это хорошей девушки мобилка, она — не жадная, так что и ты не жадничай, о'кей? — Костя подмигнул Лизе и, уладив финансовый вопрос, принялся подробно описывать свое положение в осажденной крепости.

Пока он говорил, Лиза смотрела куда-то в пространство и почти не слышала трескотни парня. Но кое-что ее все же зацепило. И когда Костя закончил и протянул ей телефон, она как бы между прочим поинтересовалась:

— А дедушка у тебя кто? Что ему обстановку в Питере докладывают?

— Ну, — Костя, казалось, смутился, — большой человек, да. Но он мировой дед. Я его люблю.

— Так ты внук министра Дмитрия Хайретдинова? — прямо спросила Лиза, глядя на парня в упор сощуренными глазами. — А какого ляда ты пиццу разносишь, а не на личном

вертолете по Мальдивам катаешься?

— Да мне, в общем, и скутера хватает, — пожал плечами Костя, — на фига мне вертолет. Он керосина кушает немерено.

— Дела, — Лиза покрутила головой. — А чего ты с мужиками не пошел? Не взяли?

— Никодим, тот, который сейчас всем рулит, сказал, что нос не дорос. — Костя плюхнулся прямо на пол рядом с креслом, где сидела девушка.

— Плюнь, — посоветовала Лиза, — здесь тоже бывает горячо. Хорошо, что ты остался, может быть, пригодишься. А этот... — Лиза настороженно оглянулась. — Петр-потрошитель с ними пошел?

— Да нет, его тут оставили дежурным по апрелю. Типа на всякий случай.

— Не нравится он мне, — буркнула Лиза.

— Ну, жестокий он, конечно... Но, возможно, сейчас так и надо. Никодим тоже не сахарная булочка.

— Никодим — мужик жесткий, но с мозгами регулярно созванивается. А у ЭТОГО крыша явно в пути... знать бы еще, откуда и куда.

— Путь у нас один — из темного прошлого в светлое будущее, — скривился Костя.

— Там и встретимся, — кивнула Лиза.

Молодые люди посмотрели друг на друга как заговорщики, которые абсолютно уверены, что заговор провалился и «все под колпаком у Мюллера».

— Слушай... — Костя замялся, но Лиза поощрила его взглядом. — Как ты думаешь, с этим Пашей, ну, Демкиным отцом, все в порядке? Мне кажется, Лариса что-то недоговаривает.

— Или сама не знает, — предположила Лиза. — Ее парень исчез как раз в то время, когда все это началось. Таких совпадений не бывает.

— А она? Догадывается?

— Бог знает. Лариска, между нами, далеко не гигант мысли.

— И хорошо. Жена и не должна быть слишком умной, — подумал Костя. К несчастью, подумал вслух.

— Жена? Э, как тебя цапануло. У тебя серьезные намерения? — недоверчиво хмыкнула Лиза.

— А что? Если этот Паша погиб... А Демке отец нужен. Если мы с Ларисой поженимся прямо сейчас, парень ничего и знать не будет. Он, между прочим, даже немного похож на меня.

— Точно, — кивнула Лиза, — тебя помыть, побрить, пустышку в рот вставить — и вылитый Демка.

— Издеваешься?

— Есть немного, — кивнула Лиза, — но это не от злобности натуры, а от зависти. Люди даже рядом со смертью только о жизни думают. Вы с Лариской, Катя эта... Марч и Алекс. А мне, блин, по жизни на чужом балу в валенках танцевать.

— Ты чего? — Костя даже слегка испугался, — плакать собралась?

— Да нет. Но погрустить-то я могу?

— Святое дело, — одобрил Костя.

Неслышно ступая по мягкому ковру, подошла Лариса. Она была одна. Ребята так привыкли видеть ее со свертком на руках, что удивились.

— А где Демка?

— Катя его нянчит. Сказала, что мне отдохнуть надо.

Они долго смотрели на возведенные баррикады, как оказалось, не слишком надежные, и думали каждый о своем. Лариса думала о том, что в последнее время жизнь щедра на разные пакости, значит, по логике, вскоре должна наступить светлая полоса. Скоро она должна увидеть маму, потом они выберутся отсюда. Их встретит отец, и они разыщут Пашу.

Костя — о том, что Лариса натуральная блондинка, и такой красивой девушки он не встречал никогда в жизни. А что с ребенком — так это даже хорошо. Будет занята сыном —

на приключения не потянет, как всех красивых. Да и он не урод, и даже совсем напротив. Не может он ей не понравиться. Костя лелеял надежду, и даже, как ему казалось, пару раз поймал ее заинтересованный взгляд. Хотя нет... или да? Ах, этот Паша, отец Демки. Может, он жив? Костя четко решил, что, если нет, он будет настойчив, как никогда до этого. Он едва заметно тряхнул головой, сбрасывая мечтательность. А то уже Лариска начала мерещится... в душе. Безобразие да и только. Вот именно, что только. Только бы выжить...

А Лиза размышляла о том, что ее семейная жизнь, похоже, накрылась тем, чем обычно накрываются такие вещи. Потому что про ситуацию в Питере передавали по всем каналам, она все время на связи, у нее, одной из немногих, ничего не случилось с мобильником, он даже заряжен постоянно... Но парень, с которым они сходили в ЗАГС всего-то полтора месяца назад и который сейчас по делам в Праге, за эти страшные двое суток ни разу не позвонил ей. Даже для приличия. Роуминг, блин, дорогой... Девушка мысленно махнула рукой — к бесам его! «И где только были мои глаза? Какой же...» — додумать она не успела.

Наверху громыхнуло. Сначала тихо, потом еще раз, и гораздо громче. Девчонки насторожились, а Костя мгновенно вскочил на ноги.

— Что это?

— Ничего хорошего, — ответил Петр. Он появился из диспетчерской, и лицо его было очень серьезно. — Наверху, похоже, драка. Сейчас тут будут.

Все, способные держать «оружие», без суеты, но очень быстро подтягивались на баррикаду. Подошла и Катя, поручив малыша заботам тетушки Тортиллы. Женщин и мужчин оказалось примерно поровну, но «защитники» все равно чувствовали себя неуверенно. Самых боеспособных и самых сильных мужиков Никодим увел в ресторан выручать мадемуазель, заодно и за продуктами, остались лучшие из худших. А красноглазых все уже видели в деле и понимали, что, если всерьез, а по другому с ними не получится, вся их оборона выдержит нападение дай бог троих-четверых.

— Сколько их? — Лиза задала вопрос, который был у всех на устах.

— Много. Охранники говорят, камеры засекли больше десятка...

— Совсем плохо... — скисла Лариса.

Ответить Петр не успел. Вверху снова загрохотало, на этот раз основательно, видимо, все-таки вышибли заложённые двери, и не успел народ как следует испугаться, как сверху хлынула волна. Какой, к дьяволу, десяток?

— Их тут полсотни!!! — взвизгнула Лариса и принялась с пулеметной скоростью кидать в толпу все, что оказалось под рукой, в основном канцтовары. Толку от этого было — примерно, как если от бомбы панамкой заслониться. Катя, видно, с перепугу, не нашла ничего лучшего, как последовать ее примеру и запустить в красноглазых утюгом. Он «пошел верхом». Полная баба в разорванной блузе, которая неслась впереди всех, совершила прыжок, достойный Майкла Джордана, цапнула утюг на лету и, перехватив его поудобнее, ломанулась на баррикаду. В лоб.

Загрохотали выстрелы, и по коридору защелкали пули. Это включились мужчины в форме. Похоже, несколько нападавших скovyрнулось вниз, но были они убиты, ранены или просто залегли, никто уже не понял. Волна хлынула на баррикады и в несколько минут размела их, с одинаковой легкостью отбрасывая и стулья, и людей. Лариса успела заметить лишь то, как неуловимо быстро двигался Петр, врезаясь в мешанину из людей и красноглазых, как ледокол «Таймыр» в арктические льды: перехватил, отправил за спину, приложил по шее или в районе поясницы, отбросил очередную сломанную куклу, принял следующую. Не разбирая: свой, чужой. Враг или союзник... Сознание не успело возмутиться, ее дернули за руку и куда-то поволокли. Рядом бежали другие, кто с «оружием» наперевес, кто без. Кого-то швырнули об стену с такой силой, что человек сполз под ноги, а на стене образовалась порядочная вмятина. Лариса инстинктивно пригнулась, когда мимо нее пролетел и с грохотом впечатался в стену плоский монитор.

Оборона была прорвана, и люди разбегались, кто куда мог. Катерина бросилась в

диспетчерскую, а Галина едва успела нырнуть под стол.

— За мной, — крикнула Лиза. Оказалось, это она все время тащила Ларису за руку.

— Демка! — пытаюсь освободиться, девушка рванулась в ту сторону, где была «ее» комната. — Пусти, там же Демка!

— Дура, коридор перекрыт! — заорала Лиза. — Шевелись, сейчас они будут здесь.

Заскочив в небольшую комнатку и втащив за собой упиравшуюся подругу, Лиза принялась заваливать вход всем, что попадалось под руки: придвинула стол, приволокла второй.

— Да помогай же! Шокаться потом будешь, сейчас времени нет!

Лариса опомнилась. Вдвоем они быстро подтащили к дверям стеллаж вместе с бумагами, навалили сверху стульев, каких-то ящиков, с трудом подтянули-подкатали огромную кадку с пальмой. Взмokли, как мыши под веником, но не замечали этого. В коридорах творилось нечто невообразимое. Там стреляли, правда, все реже и реже, что-то падало и билось, а что-то просто падало, кричали люди...

В дверь заколотили.

Покрывшись от страха гусиной кожей, девчонки привалились к ней, прижимая ненадежную конструкцию собой.

— Это свои! — заорали из-за двери. — Свои, откройте!

— Кто — свои? — нервно спросила Лиза. Ее зубы выбивали крупную дробь, а рукав белой блузки треснул по шву.

— Тебе паспорт показать? — рявкнули из-за двери. — Костя это!

Надсаясь, девчонки кинулись разбирать только что возведенную баррикаду. К счастью, полностью этого делать не пришлось. Худой, как трость, внук министра просочился в щель, куда в нормальное время не пролезла бы и кошка — и тотчас привалился к ней изнутри, наблюдая пустыми и совершенно безумными глазами, как девушки, кряхтя и выражаясь не по-женски, снова двигают пальму.

— О-ой, — тихо провыл он, — как там страшно. Эти... Галину из-под стола вытащили и по коридору погнали, как зайца.

— А что грохнуло, граната? — тяжело дыша, спросила Лиза.

— Да нет, откуда здесь гранаты... Охранники шоковый взрывпакет рванули. Дыму много, а толку ноль.

— Там хоть кто-нибудь еще дерется? Или уже нет?

— Не знаю.

— Господи, помоги нам, — тихо прошептала Лариса, — помоги моему сыну, Господи. Спаси нас всех...

Они сидели долго. Наконец крики и грохот в коридоре стихли, а потом и вовсе прекратились. Но выйти они не решались. Сознание рисовало всякие ужасы: растерзанные тела, оторванные конечности, залитый кровью пол, а вместо людей — монстры с красными глазами и цветными рожами.

Когда раздался тихий стук в дверь, Лиза вздрогнула и не сразу сообразила, что за звук она слышит.

— Стучат, — сообразил Костя. — Кто-то из наших?

— Да уж, ЭТИ бы не так стучали, — кивнула Лиза.

— Здесь кто-нибудь есть? — спросили из-за двери, и Лариса с огромным облегчением узнала голос Кати.

— Что там? — крикнула она.

— Все в порядке. Мы отбились. Никодим с мужчинами вернулись... Выходите.

И тут нервы у девушек не выдержали, и они истерически захохотали, размазывая по щекам грязные слезы и глядя друг на друга шалыми глазами.

Костя подскочил к двери и с кряхтением отодвинул кадку с пальмой.

— Доктор нужен, — крикнул он в коридор, — срочно! У этих двоих шифер съехал. Им что-нибудь вколоть надо успокаивающее.

Коридор выглядел так, словно здесь проходили съемки мелкогобюджетного ужастика. Лиза зажмурилась.

Но вокруг уже царила жизнеутверждающая деловая суета. Оставшиеся в живых бегали с одноразовыми тряпками и, под руководством обоих врачей в резиновых перчатках по локоть, замывали пятна крови пахнущей хлоркой жидкостью. Рядом с диспетчерской раздавался иногда срывающийся на визг, но деловой и напористый голос Гали. И Лиза подумала: «Есть же люди, которых даже конец света не заставит выйти на улицу в плохо поглаженной блузке».

* * *

— Ты кто? — допытывался Никодим у незнакомого мужчины, пристально глядя ему в глаза. На всякий случай.

— Здравствуйте... — робко и с акцентом ответил белокурый парень с огромным фингалом под глазом.

— Это наш, — поспешно вмешалась Галина, — Тойво Хуспасало — финский инженер.

— Да-да, — закивал головой финн.

— Инженер, — хмыкнул Никодим, — ну тогда добро пожаловать. Ты как вообще?

Финн немного оживился, глаза просияли. Никодим проследил за его взглядом.

— Тойво, как дела? Цел? — К разговору подключилась девушка, которую ранее Никодим видел за стойкой администрации.

Тойво вновь закивал.

— Плохо, — ответил он по-русски и тут же перешел на свой родной язык: — Tama on kauheaa Maire! Mita taalla tapahtuu? Kimppuumme hyokattiin eilen... Matti on murhattu, ja luulin, etta Rudolfkin on kuollut. Nain hanet tanaan, ja hankin on tullut hulluksi. Han haluisi tappaa minut Maire!¹⁵

— Ишь как его приложили, — подивился Никодим, — раскудахтался, не остановишь.

— Venajalla ei ole mitaan jarjestysta. Onpa kamalaa. En ymmarra mitaan...¹⁶

— Ему лучше отдохнуть, — предложила Майре. Она протянула Тойве руку. — Пойдем.

— Чаю ему... а лучше кофе, — вдогонку им кинула Галина.

— Ага. Полведра кофе и мешок печенья, а то тощ больно, — съязвил Никодим и вдруг застыл, как истукан.

Двое парней из авиакомпании выносили труп охранника Максима. Тот до последнего отстреливался от паразитов с красными глазами, пока были патроны, а потом саданул им по головам тяжелой рукояткой. Но его достали. Никодим сам видел и сам пригвоздил спятившую толстую бабу своим импровизированным копьём. Удачно пригвоздил — насквозь. Пальцы Максиму так и не смогли расцепить, и рука его болталась, зажимая ствол.

— Жаль. Хороший был мужик, — буркнул на прощание Никодим себе под нос, но Катя услышала.

Она подошла сзади.

— Десять.

— Что? — не понял Никодим.

— У нас десять трупов.

— Нет, так дальше не пойдет. Их надо либо закапывать, либо сжигать. Во всех зданиях наверняка полно трупов... я уж не говорю про первый этаж. Там убитых не перечсть.

¹⁵ Это ужасно, Майре! Что тут происходит?! На нас напали еще вчера... Матти убит, Рудольф, я думал, тоже. Но сегодня я видел его, он тоже сошел с ума! Майре, он хотел меня убить! (фин.)

¹⁶ В России совсем нет порядка. Это ужасно! Я ничего не понимаю... (фин.).

— Да.

Никодим с Катей обернулись. Перед ними стояла Юлия Петровна.

— Скоро они начнут разлагаться, и к вирусу добавится новая проблема... — заметила она. — Сейчас еще и тепло, а тут мухи и другие разносчики...

— Не надо. Умоляю, не продолжайте! — Екатерина прикрыла глаза. — И так тошно. Кругом смерть... только одна смерть.

— Валерьянки?

— Нет, спасибо. — Катя взмахнула рукой. — Я лучше пойду... полы мыть.

— Что с девочками? — спросил Никодим, кивая на Ларису и Лизу.

— Нормально, — ответила Юлия Петровна, — легкий шок. Сейчас придут в себя. Я им успокоительное дала.

— Хорошо.

* * *

Суэта продолжалась. Защитники цитадели наводили порядок. Но главное — трупы. Никодим не на шутку озадачился данным вопросом. Ну не в окно же их выбрасывать... особенно если они не открываются. Первый этаж вообще прибрать не реально. А этажей этих тут четырнадцать. Вот незадача. Мысли сплетались, пересекались, но одна вопила все громче — пора уходить!

— Никодим, куда трупы девать? — крикнул мужчина в летной форме, вытаскивая за ногу из кабинета чье-то тело. И этим криком вывел Никодима из раздумий.

— Мама, — вдруг всхлипнула Лариса. И неожиданно страшно закричала: — Мама! Мамочка!..

На ней повисли трое, но Лариса все равно как-то умудрилась вывернуться и кинулась к телу, которое уже выносили. Это была женщина с коротко подстриженными каштановыми волосами, в грязном и потрепанном, но когда-то элегантном «деловом» костюме. Она нашла свою дочь. Как и обещала.

Лариса билась в истерике. Врач, Юлия Петровна, немедленно подскочила к ней и попыталась, как могла, успокоить девушку, но это ей не удалось.

— Принесите мальчика, — распорядилась врач, — кто-нибудь, сходите за ее сыном. Иначе она сейчас о стенку биться начнет, мне с этим не справиться. Может быть, ребенка увидит — опомнится.

Лиза огляделась. И встретила взглядом с огромными, в пол-лица, темно-синими глазами невысокой худенькой девушки. В них была такая боль, что Лиза не выдержала и отвела взгляд. Почти незнакомая девушка моргнула. Потом подошла к Лизе и тронула ее за плечо.

— Ты подруга Ларисы? — спросила она.

— Да... наверное, уже можно и так сказать.

— Алекс. С радио «Цитадель». Ее мама позвонила нам еще утром, рано. Сказала, что заразилась. Уже глаза покраснели... Просила передать Ларисе и Деме, что она их очень любит. И еще — чтобы Лариса не искала Пашу. Его нет в живых. Сможешь ей это сказать?

— Но не сейчас же! — испугалась Лиза.

— Конечно нет. «Хватит каждому дню злобы его». Скажи завтра. И еще, Елена Карпуничева просила передать, что ее муж сейчас в Москве. Но он собирается приехать, как только город откроют. Пусть Лариса ждет.

— А... — Лиза помедлила. У девушки-диджея было такое лицо, словно мир под ней дал трещину, и Лиза решила: — У тебя что-то случилось?

— Ничего, — покачала головой диджей, — ничего. Все в порядке. Она отвернулась и быстро пошла по коридору мимо суетящихся людей. И все, кто замечал это выражение, уступали ей дорогу.

Алекс дошла до угла, который они с Марчем уже успели обжить. Посмотрела вокруг.

Откинула с глаз волосы. Вдохнула. Выдохнула. Медленно сосчитала до десяти. Потом придвинула к себе микрофон и спокойно заговорила:

— Привет всем, кто меня слышит. С вами радио «Цитадель». Только что мы выдержали нападение красноглазых. Их было больше двадцати человек. Среди нас есть погибшие и раненые. В первые минуты боя погиб диджей Марч. — Алекс судорожно сглотнула, отвернувшись от микрофона, и продолжала тем же ровным, хорошо поставленным голосом: — Нам удалось убить почти всех. Огромное спасибо нашим мужчинам и особенно охранникам Максиму и Степану, они очень выручили своими пистолетами. Максим погиб... — Она замерла на секунду, прикрыв глаза. Вдох-выдох. — Если где-то еще остались здоровые, незараженные люди, подходите к нам, на второй этаж. У нас есть электричество, вода, продукты, врачи и лекарства. Мы вас ждем. А сейчас на нашем радио время музыки.

Девушка положила на колени выдавшую виды шестиструнку, взяла пару аккордов и, слегка наклоняясь к микрофону, запела. Для кого она пела? Слышал ли ее кто-нибудь, кроме тех, кто укрылся здесь же? А может быть, она пела для того, кто уже не мог ее слышать? Впрочем, она верила, что душа бессмертна, а значит, ничего страшного не случилось. Ничего страшного вообще случиться не может. Никогда и ни с кем. Песня, которую пела Алекс, была о смерти. Но начиналась с аккорда ре-мажор. Народ замер, бросив свои дела.

Пусть будет так, эту песню я допою без тебя.
Я у черты, нет больше места рядом со мной.
Сделаю шаг и, может, взлечу выше дождя.
Или, остыв, лягу на камни белой волной.
Это моя война, и пули летят в меня.
Вера — моя стена, сердце — моя броня.
Дерзость — мое крыло, меч мой — и щит, и флаг.
Я разверну его, только не знаю как.
Пусть обожжет мои плечи холод большой высоты.
Я сохраню память о том, как было тепло.
Этот полет и крылья мои — их выдумал ты.
А я разверну их в полземли, чтоб стало светло.
Это моя война, и пули летят в меня.
Вера — моя стена, сердце — моя броня.
Дерзость — мое крыло, меч мой — и щит, и флаг.
Я разверну его, только не знаю как.¹⁷

Лариса иссушила глаза над телом матери, затем резко встала, оттолкнув докторшу.
— Где Демка? Где мой сын?
Взъерошенная тетушка Тортилла немедленно шагнула вперед.
— Здесь он. Здесь.
— Так что делать с трупами? — Мужчина повторил свой вопрос.
— Грузите в лифты — и на самый верх! — ответил Никодим и решительно направился в кабинет директора. Где-то там он видел схему всего здания.
Однако дойти туда ему не дали.
— Нам удалось захватить одного, — с деловым видом доложил Сергей Сергеевич.
— Да ну.
— Он свалился со стола, а этот здоровяк его битой по голове. Я уж думал конец ему, но потом смотрю — оклемался.
— Где?

¹⁷ Стихи Татьяны Смирновой.

— В подсобке.

— Пойдем, глянем врагу в глаза. — Никодим сделал жест рукой, приглашая главного инженера следовать первым.

Оба врача были уже тут и с неподдельным интересом разглядывали пленного. Красноглазый мужчина худощавого телосложения сидел на металлическом стуле, накрепко опутанный тонким стальным тросом по рукам и ногам. Он скалил зубы и рычал, постоянно пробуя путы на прочность. Мокрые волосы плотно облепили его череп. Никодим приблизился и заметил, что волосы у красноглазого вовсе не мокрые, они пропитаны кровью.

— Крепко ты его приласкал, — заметил Никодим здоровяку с битой.

— Да мало еще... — ответил парень, постукивая оружием себе по ладони.

Сергей Сергеевич не успел захлопнуть за собой дверь, как за ней раздалась финская речь. И тут же любопытный Тойва заглянул в комнату.

— О, — вскинул он изумленно брови. — Это кто будет? Косоглазый?

— Красноглазый! — поправил его доктор. — Знаете, весьма любопытный субъект.

— Красноглазый, — повторил финн медленно, почти по буквам. — Да. Они напали на нас. Я одному... как это по-русски? — Он занял боксерскую стойку и забавно потряс кулаками.

— Врезал! — подсказала появившаяся Майра. — Тойво, пойдемте, вас там Галина разыскивает.

— Нет. Я остаться и видеть этого... — неожиданно запротестовал финский инженер.

Меж тем, докторша кружила вокруг пленного и внимательно изучала его кожу.

— Изменения пигментации очень явные, — констатировала она и неожиданно дотронулась до красноглазого. — Кожа очень твердая. Как будто задубела... видите, Артем Алексеевич? Да, — кивнул врач, подойдя ближе. — Лопнувшие капилляры придают коже фиолетовый цвет... странно, Юлия Петровна, но я осмотрел почти всех убитых при нападении. Пигментация у всех разная... а у двоих вполне нормальный цвет кожи. Странно...

— Ничего странного, — вмешался Никодим. — Ведь вирус может действовать индивидуально.

— Ваша правда, — подтвердил доктор, — у каждого индивидуальная реакция на раздражитель.

Глава восьмая ПОТЕРЯ

15 сентября 2013 года, поздний вечер, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Лариса проснулась поздно. Голова была тяжелой. В глаза словно песку насыпали. Так скверно она себя не чувствовала уже очень давно. Лариса проверила сына — тот спокойно спал, причмокивая во сне. Но, судя по тяжести в груди, скоро должен был проснуться и запросить молока. Потягиваясь, она прошлепала в туалет, пустила воду, сунула палец в рот и, как могла, почистила зубы: без щетки и пасты это была, конечно, чистая формальность, но иногда именно формальности помогают миру удержаться...

Лариса подняла глаза на свою невыспавшуюся физиономию в зеркале... и тут же усомнилась в силе формальностей и их способности удержать мир, если тому вдруг вздумается сплясать на ушах.

Белки глаз были красными.

— Нет...

Лариса зажмурилась, помотала головой и снова взглянула в зеркало. Ничего не изменилось. На всякий случай она ущипнула себя и, почувствовав боль, тихо вскрикнула. Не

сон и даже не кошмар — пошлая реальность. Красные глаза... Красные! Схватив себя пальцами за щеки, она опустилась на пол. Но тут завозился и запищал Демка, властно требуя кормежки, и Лариса поспешила к ребенку. Пока сын с аппетитом чмокал, насыщаясь, она сидела неподвижно и бездумно, словно сам процесс кормления защищал ее от всего, в том числе и от необходимости не только что-то делать, но даже плакать и бояться. Но вот ребенок наелся, вытолкнул сосок и через минуту уже снова тихонько сопел. Лариса плавно покачала его. Никакой необходимости держать ребенка на руках не было. Он спал. Вполне можно положить на диван. Но Лариса продолжала покачивать сына, не выпуская его из рук. Постепенно до нее доходил весь ужас того, что произошло. Через шесть часов она либо умрет, либо превратится в чудовище, ничего не понимающее, не чувствующее, одержимое жаждой убийства всего, что шевелится. Она будет бросаться на Костю, на Лизу... И... Демку у нее, конечно, отнимут.

Лариса смотрела в спокойное личико сына, такое красивое, такое похожее на нее, и на маму, и на Пашу, на всех понемногу — и стыла от ужаса. Несколько часов — а потом все. Безысходность и смерть! И ничего нельзя сделать, лекарства нет. Но почему? Почему это должно было случиться именно с ней? Не с Лизой, не с этой Галей, не с тетужкой Тортиллой, которая уже наверняка внуков вырастила.

— Демка, Демка, — прошептала Лариса и заплакала. Беззвучно, как привыкла за эти две недели, с самого рождения сына.

В дверь тихонько постучали. Лариса сжалась. Стук повторился. Он был настойчивым.

— Лариса, — позвали из-за двери, — ты спишь?

«Да, — мысленно ответила девушка, — да, я сплю. Уходи».

— Лариса, еда. — Лиза уходит не собиралась, и Лариса заметалась: положила ребенка и шагнула к двери, потом вернулась и снова подхватила Демку на руки.

— Лариса, я вхожу, — объявила Лиза и распахнула дверь. Не найдя ничего лучшего, Лариса повернулась спиной.

— Ты чего не отвечала? — набросилась Лиза, — я чуть не испугалась. Лариса, ты что, плачешь? Что случилось?

— Уйди, — тихо попросила Лариса.

— Что случилось? — повторила Лиза, и Лариса поняла, что та не отвяжется.

— Вот что случилось, — проговорила она и повернулась, отбросив челку. Лиза взглянула, переменилась в лице и, зажав рот ладонью, в испуге отступила назад.

— Вот именно, — кивнула Лариса, — это и случилось. Так что лучше уйди.

Лиза отступила к двери и даже взялась за косяк, но медлила.

— А как же ребенок? — тихо спросила она.

— Я заразилась потому, что меня схватил один из этих... Демка все время у меня на руках, я его кормлю. Как ты думаешь, сколько шансов за то, что он здоров?

— Не знаю. Я же не педиатр. — Сообразив, что подруга не собирается прямо сейчас сходить с ума, Лиза немного успокоилась. — Тут есть врачи. Женщина... та, которая нас осматривала, помнишь? По-моему, вполне толковая тетка. Я позову ее...

— Не надо! — вскрикнула Лариса.

— Ты что, с ума сошла? Как это — не надо?

— Так — не надо. Сделать ничего нельзя. Дай мне хотя бы эти последние часы побыть с сыном. Покормить его. Покачать. Посмотреть. Спеть ему песенку. Пожалуйста. Мы все равно умрем, оба. Или сойдем с ума. Но я не могу расстаться с Демкой сейчас, просто не могу.

— Ты спятила, — убежденно сказала Лиза. — Во-первых, откуда ты взяла, что заразилась? Мало ли от чего глаза могут покраснеть. Может быть, от недосыпа, или пол здесь чем-то вымыли, а у тебя аллергия...

— Ты сама-то в это веришь? — перебила Лариса.

— I want to belive, — пожала плечами Лиза, — как говорил агент Малдер.

— Я тоже, — прошептала девушка, — но не получается. Это оно, Лиза, я чувствую.

Тогда тем более нужно сказать! — Лиза подошла к ней, и, не касаясь руками, заглянула в глаза. — А вдруг все начнется раньше? Ты представляешь, что ты можешь сделать с малышом?

— Ты что?! Я никогда не обижу его! — Лариса закрыла сына рукой, словно старалась защитить от всего на свете. — Я этого не сделаю, что бы ни случилось.

— Ты не можешь этого знать, — покачала головой Лиза, — неизвестно, как вирус действует на психику.

Лариса закрыла глаза. Довод был железным.

— Хорошо, — кивнула она, — иди. Мне, наверное, лучше не выходить отсюда.

Лиза кивнула и торопливо отступила к выходу.

— Дема?

Лариса упрямо сжала губы и покачала головой. Сообразив, что в этом подруга не уступит, Лиза ободряюще кивнула и нырнула в коридор, плотно прикрыв дверь. Щелкнул наружный замок. Услышав это, Лариса усмехнулась. Подружка... Как только запахло жареным, сразу вот так. Хотя — наплевать. На все наплевать. Лишь бы не отобрали сына. Лишь бы не отобрали...

* * *

Лиза сидела на кожаном диване, подперев ладонью подбородок. К подруге только что зашла Юлия Петровна, нормальная вроде бы тетка, понимающая, что диплом не в метро куплен, и даже в такой ситуации к панике не склонная. И вид у этой тетки был не слишком обнадеживающий. Подошел Петр и встал рядом, не присаживаясь. Но Лиза все равно отодвинулась подальше. Тот лишь усмехнулся краешком губ.

— Ждешь вердикта? — спросил он.

— Ну да. А что остается делать?

— Например, помолиться. Никогда не пробовала?

— Пробовала. Не помогает, — хмуро отозвалась Лиза.

— Может быть, не так молилась?

— А есть разница?

Петр кивнул каким-то своим мыслям и все-таки присел на диван в полуметре от сжавшейся девушки.

— Понимаешь, Лиза, — тихо заговорил он, — молитва — это послание. Оно кодируется особым образом, как раз для того, чтобы дошло по адресу. Причем, именно по тому, который нужен, а не отправилось... в контору двумя этажами ниже. — Петр многозначительно помолчал. — Там, конечно, всегда рады, только лучше не надо, да?

Лиза почти против воли кивнула. Что-то такое в его голосе было. Завораживающее. Убеждающее. Успокаивающее.

— Это как электронная почта, — продолжал Петр, — на одну букву ошибешься — и все, пиши пропало. Насколько хорошо ты знаешь историю? — вдруг спросил он.

— На два балла, — самокритично призналась Лиза.

— Но ты же в курсе, что наши воины молились о даровании победы и перед Ледовым побоищем, и перед Куликовской битвой, и перед Полтавой...

— И перед Цусимой, — фыркнула девушка.

Петр от неожиданности аж крякнул.

— Ну, на счет двух баллов ты мне точно пули отливаешь. Но, кстати, ты права — перед Цусимой тоже молились. Однако не сработало. А почему? Хотя раньше срабатывало. Ты же умная девушка, вот и ответь.

— Типа электронный адрес сменили? — догадалась Лиза.

— Ну, может, случился системный сбой. И сейчас, чтобы молитва достигла Господа, нужна либо сила веры, какая бывает только у святых и праведных. Либо другой код. Точный код. Точный электронный адрес. Понимаешь?

— И ты его знаешь, — скептически проговорила Лиза. — Так подскажи, добрый человек, иеговый свидетель.

— Почему бы нет, — Петр пожал плечами, — услуга бесплатная. Одна ответная просьба, правда, будет.

— Какая? — насторожилась Лиза.

— А как в «Золотом петушке» — волю первую мою ты исполнишь, как свою. Я тебя о чем-то попрошу — и ты выполнишь, — пояснил Петр. — Но это только в том случае, если адрес точным окажется, — добавил он в ответ на невысказанные возражения. — И если молитва работает.

Лиза внимательно посмотрела в лицо Петра, впервые не отводя глаз. И заметила, что у «иегowego свидетеля» глаза голубые-голубые. Как у новорожденных младенцев. Как у Демки.

— А если я тебя «кину»? — спросила она.

— После того как молитва сработает? — округлил глаза Петр. — Ты же не идиотка.

— Ну, хорошо, — кивнула Лиза, — давай свой электронный адрес.

— Повторяй за мной, — велел Петр. — Отец мой единственный, Господь истинный...

В дверях появилась Галя, потом нарисовались Никодим с Катей, потом — один из охраны, известие о предполагаемом заражении прямо здесь, в их цитадели, взбудоражило всех. Петр понизил голос. Лиза закрыла глаза, стараясь повторять все, что этот страшный человек шептал ей на ухо, по возможности точно, не сбиваясь. Она и сама себе удивлялась — с чего это вдруг ее пробило на такую дичь... Безумие на пару с надеждой. Безумная надежда.

— Адрес вписан, — отметил Петр, — теперь — письмо. Он в упор посмотрел на Лизу, и его светло-голубые глаза стали требовательными.

— Пожалуйста, пусть Лариса будет здорова! — прошептала Лиза, закрыв глаза. — Что я делаю? — спросила она ОЧЕНЬ тихо, скорее себя, чем сидящего рядом мужчину, — что я делаю?

— Ты пытаешься поверить, — так же шепотом ответил Петр.

А между тем у дверей разворачивалась дискуссия.

— Если она заболела и не умрет, то придется что-то с ней делать, — напористо говорила девушка в форменном костюме. Что делать... сдать врачам, что тут можно еще сделать? А пока это невозможно, придется запереть. И забрать ребенка.

— А как ты собираешься это осуществить? — ехидно спросил охранник. — У нас тут нет ничего даже отдаленно похожего на КПЗ. Это здание с несколько другими функциями. Ты видел, как действуют красноглазые? Любую дверь, кроме наружной, — на раз выносят. Хочешь, чтобы она тут бегала и кидалась на всех подряд?

— А что ты предлагаешь? — спросил Никодим. — Выкинуть девчонку за дверь? Вместе с новорожденным? Он же тоже был в контакте.

— А ты предлагаешь оставить их здесь и рисковать здоровьем всех остальных? Я бы ее вообще... — Мужчина понизил голос и резко, коротко провел ладонью по горлу. — От греха подальше. Все равно красноглазые — уже не люди. Бешеных собак отстреливают, и никто не считает это негуманным. Это разумный способ борьбы с заразой. Между прочим, знаете, как японцы боролись с чумой в Китае? Посты на всех дорогах, и при малейшем подозрении на заражение — расстрел на месте. И тут же закапывали в известковой яме. С заразой удалось справиться. А если бы японцы жевали сопли, сейчас мы бы не ломали голову на счет китайской экспансии, эта страна бы просто опустела. А вы как думаете, господа, — чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных мер!

— Между прочим, у вас тоже красные глаза, — тихо заметила Катя и на всякий случай отодвинулась от мужчины подальше.

Тот слегка «сбледнул» с лица, взгляд его заметался в поисках зеркала.

— Ах, это... Я не спал, — с облегчением объяснил он.

— Это ВЫ так думаете, — вставила Галя и тоже сделала шаг назад.

— А что, вполне возможно, — заметила Лиза, которую дискуссия напугала и взбесила. — Вы ведь обыскивали Ларису.

— Не я! Женщин обыскивали женщины.

— Ну так надо и им в глаза посмотреть, — наседала Лиза. Она сама не заметила, как вскочила с дивана.

— Если уж на то пошло, то это вы ее привели. И почти сутки были с ней в контакте, — окрысился мужчина.

— Точно, — с энтузиазмом согласилась Лиза, — мы все под подозрением. А давайте нас заранее расстреляем? По подозрению. Как в Китае. Просто на всякий случай. К какой стеночке встать?! — почти прокричала девушка, демонстративно вертя головой в поисках подходящей стеночки. Как ни странно, никто не торопился ей возразить.

— Успокойся, — тихо бросил Никодим, — у тебя истерика.

— Конечно, у меня истерика, — неожиданно ровно ответила Лиза, — было бы странно, если бы ее не было.

Неизвестно, чем бы закончилась дискуссия, но в это время дверь открылась. Все, как по команде, обернулись туда. Доктор вышла, на ходу застегивая объемную сумку с красным крестом.

— Лиза, — позвала она, девушка с готовностью обернулась, — подежурь у дверей Ларисы, хорошо? Пусть несколько часов вообще не встает. Еду, воду — все носить. Полный покой. Я ей дала папаверин, должно помочь.

Лиза непонимающе уставилась на врача.

— Давление у нее подскочило, — объяснила та, — аж сто восемьдесят на сто двадцать! После родов это бывает. А она еще попрыгала-побегала. Поволновалась. Смерть матери... И пожалуйста — гипертонический криз в полный рост. Даже сосуды в глазах полопались. Ты молодец, что сразу меня позвала. Еще немного — и могли не откачать. А что тут за сборище? — удивленно спросила врач.

Люди торопливо расходились, стараясь не глядеть друг на друга, словно их застукали за чем-то нехорошим. И только Лиза стояла столбом и не отводила взгляда от Петра.

— Совпадение, — прошептала она. Но в голосе уверенности не было.

А Петр, кажется, ничуть не удивился.

— Я же тебе говорил — все дело в точном адресе. — Он подмигнул ей, встал и неторопливо вышел. А Лиза долго смотрела ему вслед, не в силах поверить в происходящее.

«Это на сколько же я попала, — озабоченно подумала она, — и в какой валюте? Волю первую мою я исполню как свою... Конгениально, Киса».

* * *

Никодим проводил Юлию Петровну долгим взглядом, а потом, вдруг извинившись перед Катей, ушел догонять докторшу.

— Простите, Юлия Петровна, но мне кажется...

— И правильно кажется, молодой человек. — Врач глянула через плечо Никодима на коридор. — Она заразилась. Я, конечно, точно не берусь утверждать. Мы этого вируса не знаем, но у нее давление скачет, и это не стресс. Это очень подозрительно, у нормального человека таких перепадов быть не может. Кровоизлияние — и верная смерть, — она понизила голос до предела. — Сосуды не железные, они просто не справятся с такой нагрузкой, да и сердце тоже...

— Вы думаете, что она... а ребенок?

— Боюсь, что и он тоже. Очень близкий контакт. Артем Алексеевич... — Она узрела приближающегося коллегу.

— О чем шепчитесь? — сходу спросил тот. — Уж не о Ларисе ли?

Никодим и Петровна молча кивнули.

— Понимаю, — Артем Алексеевич тоже ответил наклоном головы. — Нечего панику

поднимать. Но что-то надо делать?

— Вы мне вот что еще объясните. — Никодим увлек докторов в подсобку. — Если зараза везде, то почему мы вторые сутки живы?

— Далеко не все, — грустно вздохнул Алексеевич. — Во-первых, вспомните ту сумасшедшую девицу, теперь вот Лариса, кажется...

— У меня большая уверенность, — встала Юлия Петровна, — и мальчик тоже.

— Так что... — врач развел руками, — жертвы еще будут. И как правильно вы давеча заметили, все зависит от индивидуальности восприятия.

— Я понял. Но что нам делать с Ларисой?

— Лучше всего ее изолировать.

— И ребенка?

— Другого выхода нет.

— С Демкой, может, все же повременим. — Никодим почесал бровь. — Даже если ваши опасения верны, то он не сможет никому навредить. Он еще малыш.

— Я, конечно, могу ошибаться, — Юлия Петровна наморщила лоб, — и дай-то Бог, чтоб так оно и было... но Ларису надо изолировать в любом случае, а ребенка взять под наблюдение. Молоко вы случайно из ресторана не прихватили?

— Сливки есть, — вспомнил Никодим.

— Пойдемте, покажете.

— Одну минуту, мне необходимо срочно позвонить, — извинился Никодим и трусцой побежал в диспетчерскую.

Он вновь вспомнил о Кошке. У охранника Степана должен быть работать сотовый.

* * *

Фальшивой улыбке доктора и ее заверениям, что «полежит и все будет в порядке» Лариса не поверила. Она вообще никому не верила. Не хотела. Мама... Паша... Паши нет, Лиза сказала об этом.

Мама просила передать... якобы звонила и сообщила. А может быть, Лиза врет? Какой ей резон врать? Просто со злости? Может быть, она злая? Может быть, Лиза на Костю глаз положила, а Косте нравится она, Лариса. Тогда тем более незачем врать, что Паша умер. Тогда нужно говорить, что он жив...

Лариса совсем запуталась. Мысли то бежали с невероятной быстротой, то падали куда-то в пропасть, и там, на дне, застывали неподвижной глыбой. Она крепко обняла голову руками и пыталась осознать все произошедшее с ней. Как во сне. В чертовом и нереальном сне. Вдруг она встрепенулась, испугавшись чего-то. Заводила по сторонам глазами. В груди сжался ком.

Но Демка вел себя необычно тихо, совсем не плакал, только смотрел на маму спокойно и серьезно, как будто что-то знал. И этот взгляд напугал Ларису. Она закрыла глаза и отвернулась от малыша. Прислушалась — тихо. Ни звука, такое ощущение, что уши заложило плотной ватой. До чего же все противно...

Девушка пыталась уловить изменения в себе. Пробуждающуюся ненависть к людям. Злость на врача, Лизу, друзей и даже Костю... нет, Пашу! Злость на маму, что обещала ее спасти, но так и не сдержала слово. Злость на всех! Особенно на тех, кто принес этот чертов вирус! Вирус... вирус!

Лариса заскрежетала зубами — и внезапно ее отпустило. Глубокий вдох, медленный выдох — злости больше не было. Улетучилась или, быть может, затаилась. Злость и ненависть ко всему живому отступила, но пришла ПЕЧАЛЬ.

Перед глазами отчего-то снова возникла картина: пацаны пинают по двору плюшевого медвежонка. И свой собственный отчаянный порыв — спасти! Спасти, во что бы то ни стало...

— Неправильно я тебя назвала, — тихо проговорила она, через силу улыбаясь сыну, —

надо было Мишкой. Спи.

А Демка в сытой истоме и впрямь сомкнул веки и вскоре засопел. Лариса очень медленно извлекла из рукава нож...

По громкой связи снова зазвучала тихая музыка. Пела Алекс. Лариса прислушалась:

Бывает ночь длиннее зимы,
И чей-то плащ уютнее дома.
Бывает так, что чьи-то слова
Звучат в тебе, как раскаты грома.
Бывает так — весь мир заодно,
Но это одно обжигает руки.
И сам себе сочинишь письмо
О том, что боль будет легче скуки.

Лариса склонила голову на бок и уставилась в одну точку, с абсолютно отрешенным видом.

Стань птицей, серым крылом.
Стань птицей с опорой на ветер.
Неба хватит на всех, и Бог
Держит его крепко — крепко...

Девушка вострепелась, решительно закатав рукав и с силой взрезала голубую жилу. Вдоль. Чтобы наверняка.

Музыка стихла, за дверью не было слышно ни звука. Народ, умаявшись за день, спал. Лариса кинула прощальный взгляд на сына и устало закрыла налитые кровью глаза.

Глава девятая НА ПУТИ К РАЗГАДКЕ

15 сентября 2013 года, ночь, Санкт-Петербург, улица Кирочная — и далее по ситуации.

Усталая чуть ли не насмерть, Кошка выползла из люка с буквами «ГК» на крышке. Маркировка, впрочем, могла быть абсолютно любая, при нашей безалаберности буквы ничего не значили. В данном случае она соответствовала назначению... ну, почти. Одна из горизонтальных отводок и в самом деле выходила в городскую канализацию, и Кошка, почти без раздумий, предпочла именно этот путь — грязный, но верный. «Парадный подъезд» вполне мог оказаться в подвале знаменитого здания на Литейном, из окон которого видно Магадан... А так, хоть и пришлось ползти по шкурнику, пугая своей перепачканной рожей местных кошек, но зато с выброской никаких проблем не было. «Коридоры кончаются стенкой, а тоннели выводят на свет».

Оттолкнув не без труда — сил почти не осталось — тяжелую, плотно пригнанную крышку, Кошка огляделась прижмуренными глазами, с удовольствием вдыхая упоительно свежий воздух (кто бы что понял — свежий воздух в центре Питера!). Сумерки только начали сгущаться, но тут, в тихом дворике, народу не было, да и окна практически не светились. «Комендантский час», — вспомнила Кошка и достала сигарету, о которой напроць забыла под землей. И ведь не тянуло!

В который раз подивившись столь оригинальным вывертам психики, девушка попыталась сориентироваться. Двор как двор, таких в старом городе тысячи. Проходные во все стороны, с четырех — и пятиэтажными императорскими ветеранами. Хотя, по правде сказать, тупиков тоже хватало.

Она притаилась в тени фасада и аккуратно выглянула в арку. Пронеслись две или три машины с мигалками... она сделала еще пару шагов и узрела табличку на той стороне — улица Кирочная. Кошка поняла, что она опять оказалась молодчиной и умницей — выбросилась-то в аккурат в районе Литейного. Так что очень правильно она в сторону свернула. И очень вовремя.

Чтобы сориентироваться окончательно, она набралась смелости и вылезла на самую улицу. Быстрый взгляд направо-налево... Витрины магазинов и офисов в первых этажах зданий без зазывной иллюминации выглядели уныло. Спасибо хоть городское освещение работало. Но она все равно узнала место. Левее должна быть улица Маяковского. Прояснив свою диспозицию, Кошка убралась обратно во двор.

Достала мобильник. Он работал вполне исправно, и линейка антенны светилась. Лера выбрала в меню телефоны экстренных служб, хотя некоторое время раздумывала: полиция, скорая или спасатели, а потом решила, что тупо позвонит всем, в таком деле лучше перебдеть, чем недобдеть. Раза с седьмого удалось дозвониться до полиции. Но диспетчер ее жестоко обломал:

— Ваша фамилия и адрес.

— Левандовская Валерия. В данный момент нахожусь на Кирочной, — дисциплинированно ответила Кошка, — здесь девушка с ножевым ранением, большая потеря крови.

— Вы уже позвонили в скорую помощь?

— Нет, я...

— Позвоните, — посоветовал бесстрастный женский голос, — мы поставим скорую в известность, но сейчас обстановка сложная, лучше, если вы тоже позвоните. И оставайтесь, пожалуйста, на месте. Ждите наших сотрудников.

— Сколько ждать? — нетерпеливо спросила Кошка.

— Не могу сказать, — ответила диспетчер, — вызовов очень много.

— Понятно, — буркнула Лера и набрала следующий номер. Скорая оказалась занята. И, послушав короткие гудки минуты полторы, Кошка сообразила, что, несмотря на всю многоканальность, занята она хронически. Третий телефон, набранный в отчаянии, ответил, но господа из МЧС со спокойным профессиональным сочувствием предложили совет по оказанию первой медицинской помощи. Сами приехать на вызов отказались — тоже были заняты...

— Чтоб вас запор одолел, сволочи!

Кошка зашипела и сбросила номер. Похоже, в Питере медленно, но верно воцарялась полная анархия.

Лера лихорадочно листала список, соображая, кто из приятелей-диггеров может жить поблизости. Вот, похоже, то, что надо — Володя Гест, ник — Скандинав. Как водится — «кличка по шерсти». Кошка его не любила, временами просто терпеть не могла — Скандинав был редкостным занудой. Но вот парадокс — доверяла ему вполне. Часто совсем не обязательно любить человека, чтобы понимать, что он за птица. Она набрала его телефон, услышала то, что и ожидала, — мелодию Вагнера — усмехнулась. Как все же некоторые камрады предсказуемы... Мелодия все играла и играла, а ответа все не было и не было. Почему? Боги его знают. Конечно, Скандинав мог просто потерять телефон, но сердце тревожно сжалось.

Володя отозвался, когда она уже совсем отчаялась и собиралась отключиться. Голос его прозвучал в трубке на удивление бодро.

— Привет, Кошка. Прости, я был в душе. Что-то срочное?

— Срочное — это не то слово, — выдохнула Лера, — у меня на руках труп и тяжелораненая.

— Кто? — коротко спросил Скандинав изменившимся тоном.

— Джампер мертв. А у Сердца Мира проникающее ранение в печень.

— Сама цела?

— Вполне.

— Говори адрес.

Кошка с облегчением продиктовала свои координаты и подробно объяснила, как и куда идти под землей.

— Ты уж постарайся. Она там долго не протянет.

— Буду через пятнадцать минут, — бросил Скандинав. Не понадобился даже загадочный чемодан в качестве приза. Красивый девиз «Диггеры своих не бросают» часто оставался просто красивым девизом. Но иногда все же работал.

Что дальше? Как там говорила Люба — найти Алексея? Дедушка живет где-то в районе Пулково. Далековато... По понятным причинам метро полностью исключалось — с таким-то багажом. Сейчас там наверняка усиленные наряды тралят всех подряд. В Питере всегда, как какая-то хрень — в первую голову метро шерстят. Представив себе, как молоденький сержант достает из ее бэга пачки купюр с товарищем Берией и как Кошка на вопрос «Где взяла» отвечает «Там, где надо», спускаться в метро она мгновенно расхотела. Почему-то она ничуть не сомневалась, что в обстановке зарождающегося хаоса как раз чекисты сохраняют холодную голову, горячее сердце и тщательно отмытые передние лапы. Эти уцелеют даже в эпицентре ядерного взрыва, вон какие бункеры нарыли.

Бросив короткий взгляд в витрину, Лера убедилась, что ее шансы тормознуть попутку стремятся не просто к нулю, а к нулю абсолютному: камуфляжные штаны, разодранные на колене, тяжелые армейские берцы, свитер на голое тело, волосы перехвачены банданой, лицо в грязи и рюкзак на одной лямке... То ли воин Аллаха, то ли бомж с соседней помойки. Нет, даже если какой-нибудь отчаянный водила не испугается ее вида, то побрезгует запахом. Так что такси тоже можно исключить. Что еще? Трамвай? Маршрутка? Кошка ничего не имела против общественного транспорта, но он, похоже, ночью не ходил. Комендантский час, мать его... При всем богатстве выбора иной альтернативы не было — только топать эти километры пешкодралом, стараясь не влипнуть в историю. К утру, возможно, доберется.

И тут подал голос мобильник. Высветившийся номер ей ни о чем не говорил. Но Кошка все же решила ответить. — Да?

— Лера? Кошка, ты? — к своему безмерному удивлению она узнала голос старого приятеля.

— Никодим, ты?

— Я-я. Я свою трубу потерял... вот одолжил тут...

— Ну ты Настырный, — с теплотой в голосе ответила Кошка.

— Просто хотел узнать, как ты? — объяснил свой звонок Никодим. — Надеюсь, я не слишком поздно? Или не слишком рано? Ты ведь ночной зверь.

— А ты разве не на французской Ривьере? — хмыкнула Лера, представив себе Никодима, высокого, стильно одетого и с этакой фирменной улыбкой «Прошу любить и жаловать таким, какой есть, лучше все равно не бывает».

Девушка невольно улыбнулась. При первом знакомстве Никодим производил впечатление жизнелюбивого раздолбая, но на самом деле был выдержанным, как французский коньяк, и надежным, как швейцарский банк. Что он и доказал, не забыв о девушке и позвонив в самый нужный момент.

— Увы, сейчас не до Ривьеры. Я в Питере.

— А мне нужно добраться до Пулково, — без обиняков сказала Лера, отложив реверансы до более подходящих времен.

— Аэропорт закрыт, — напомнил Никодим.

— Это рядом. И очень важно.

— Вопрос жизни и смерти? — фыркнул Никодим.

— Ну, где-то в эту сторону, — уклончиво сказала Лера. — Так ты поможешь? Ты вообще где?

— Ты удивишься, но примерно в нужном тебе районе, — сказал Никодим, и по его голосу Лера поняла, что он чем-то очень озабочен, если не сказать встревожен. — Мы в

бизнес-центре на Внуковской, и, как бы это сказать, слегка заняты.

— Опаньки, — Лера аж присвистнула, — умеешь выбрать время и место для вечеринки, уважаю!

— А я вообще везучий, — отозвался Никодим, — так что приехать за тобой не смогу. Сам вот тебе позвонил на всякий случай. Если честно, думал, может, ты бы меня выручила транспортом. Но вижу дело швах. — Он немного помолчал. — Однако у меня есть идея. Ты где вообще ошиваешься?

Лера вздохнула и, в который раз за вечер, подробно обрисовала место своего пребывания.

— О'кей, — сказал приятель. — Залезь в какую-нибудь узкую щель и не отвечивай. Я попробую еще одному знакомцу дозвониться. У него пока глухо, но ты жди.

— Жду.

Совет — забиться в щель поглубже — Лера поняла буквально и, оперативно вскрыв первый попавшийся люк, защемила туда, задвинула крышку и устроилась внутри, как радистка Кэт. Только вместо двух младенцев у нее был внушительный рюкзак, а поверху шарились не гестаповцы, а менты, которых, с переименованием милиции в полицию, наверное, теперь следовало называть понтами. Изредка поглядывая на экран мобильного, чтобы отметить время, Лера занялась письмами.

...Читать чужую корреспонденцию нехорошо. Но ОЧЕНЬ интересно. Стоит начать с того, что неведомая Л. Н. Н. оказалась не какой-то Ларисой, Лидией или Людмилой — а Линой. Линой Николаевной Царевой. Понятно, что с такой фамилией ей в обществе рабочих и крестьян в скором времени светила большая и светлая Колыма, и это в лучшем случае. Так что она, выйдя замуж, поспешила сменить ее на «Никодимовскую». Хотя от Колымы это ее не спасло. Уже в конце тридцатых, на излете репрессий, ее супруг, профессор Илья Михайлович Никодимовский, за шпионаж в пользу Англии получил «десять лет без права переписки», что означало — расстрел. Самой Лине впаяли семнадцать лет лагерей неизвестно за что — ответа на этот вопрос письма не давали. «Жена врага народа», какой еще тут может быть ответ? А дети... Были у них дети или не успели? Да нет, все в порядке, дети были, двое. Мальчик и девочка. Позвольте, а куда же они в таком случае делись? Переписка ответа не давала, видимо, осужденная Лина Никодимовская и ее корреспонденты и сами не знали, что случилось с детьми. Но, следуя логике, их должны были определить в детский дом.

Снова тихонько тяфкнул мобильник. На мониторе определился номер, с которого звонил Никодим.

— На связи.

— Еще ждешь? — спросил Настырный.

— А куда я денусь.

— Хорошо устроилась?

— Надежно. Держу оборону по кругу.

— Молодец! Теперь слушай — примерно через полчаса подъедет мой старый друг на синем «Опеле-Вектра». Номерной знак сто тринадцать.

— Счастливый, — прокомментировала повеселевшая девушка.

— Только имей в виду, он бывший армеец, старшина запаса. Опыт горячих точек и прочее... Так что при нем даже не пытайся демонстрировать свои любительские познания в кудо или еще какой-нибудь джиу-джитсу. Он очень не любит, когда баба героитвует. Сядешь на заднее сиденье и прикинешься запасной канистрой для бензина, поняла? Стас тебя доставит в лучшем виде.

Поняла, чего тут не понять. Мужской шовинизм в полный рост. Впрочем, после такого похода Лера против него совсем не возражала. Лучше шовинист с машиной, чем феминистка не только без колес, но и в данный момент без задних ног.

— Хорошо, я жду.

Связь прервалась, и Лера вновь погрузилась в записи и в собственные мысли. Отчего-

то ей не давала покоя фамилия Никодимовский... Она спрятала письма и достала толстую тетрадь — журнал экспериментов по проекту «ВВВ». Внизу, более мелко было написано: «Лаборатория профессора Никодимовского И. М.». Лера чуть не присвистнула от сделанного вывода, который она произвела, открыв первую страницу. В датировке первых экспериментов четко значилось 21 мая 1941 года. А из этого следовало, что профессор, он же муж Лины Никодимовской, вовсе не сгинул на лесоповалах необъятной Сибири, а вполне здравствовал и даже занимался научными изысканиями.

— Мда... — тихо протянула девушка, припоминая, что письма от жены профессора прерывались как раз маем сорок первого. — Значит, ее уже не было, а он... интересно знал ли он?

Лера лихорадочно листала журнал, жадно поглощая информацию — буквы, цифры, формулы...

— Удачный эксперимент... сорок мышей погибло за сутки. У девяти наблюдались симптомы агрессии. Канибализм... — бормотала она себе под нос, — тоже мне удивили. Мыши жрут друг друга — только в путь... Тринадцатого июля сорок первого... Из ста инфицированных крыс умерло только одиннадцать. Симптомов агрессии не наблюдалось. Шестнадцатого августа из двенадцати «П»... Что такое «П»?

Она на секунду задумалась, но глаза сами нашли ответ в тексте.

— ...только у троих наблюдалось ярко выраженная агрессия, спустя шести часов после принудительного заражения. Доза пятнадцать процентов от расчетной нормы... Покраснение белков... пигментация кожного покрова... Однако у одного «П» под номером одиннадцать не было зафиксировано признаков заражения... Оставлен под наблюдение. — Девушку пронзила легкая дрожь. Мозг, мгновенно переварив информацию, пришел в восторг от почти раскрытой тайны. Лера была уверена, что этот журнал — ключ к творившемуся сейчас в городе.

Она быстро взглянула на монитор телефона — время еще было. Да и батарейки в пещле пока работали, и она снова погрузилась в историю.

— Двенадцатого сентября готовность всей партии «ВВВ», — подвела итог Лера.

Дальше шли чистые страницы. Больше ни слова, ни цифры, ничего!

— Вот так всегда, на самом интересном месте.

Хотя в ее голове уже все сошлось. Красные глаза, агрессивность Черного, который порезал товарищей, вирус — привет из далекого прошлого.

— Никодимовский Илья Михайлович...

Лера отключила фонарь и бережно спрятала журнал. ...Постойте! Ведь Никодим — коренной питерец. И фамилия у него такая специфическая. Больше похожая на ник. Из тех, которые как раз в детских домах и давали. И родился он... Лера была не в курсе паспортного возраста своего приятеля, но явно он родился намного позже пятьдесят третьего года, когда страна уже признала, что Вождь Народов, товарищ Сталин, был слегка, самую малость неправ... И страна даже начала вспоминать добрым словом своих сгоряча загнанных детей.

...Вполне может быть. Помнится, он даже говорил, что дед или даже прадед его был ученым. Правда, Лере почему-то показалось, что геологом... И звали его...

— Илья! — она чуть не врезалась головой в люк.

Дальнейшие рассуждения прервал телефонный звонок, и опять высветился незнакомый номер.

— Да? — настороженно ответила Лера.

— Кошка? Это Станислав, — зазвучал жизнерадостный басок. — Ты где?

— В люке сiju, — ответила девушка абсолютную правду.

— Молодец! — отчего-то шумно восхитился Стас. — Ну, значит, я уже тут. Так что вылезай потихоньку и топай на угол с Маяковского. Я тебя жду: темно-синее ведро со спойлером. Только аккуратно. Лучше пройди дворами.

— Не учи ученого...

Перед тем как покинуть свое убежище, Кошка набрала Скандинава.

— Ты на месте?

— Да. Уже спускаюсь, — тяжело дыша, ответил он. — Дальше связи не будет...

— Удачи. Как выберешься — дай знать.

— Ага... — И абонент отключился.

— Дай-то бог, чтобы Люба дождалась, — прошептала она, вспомнив как не сладко сейчас Сердцу Мира. Кошка верила, что Скандинав достанет ее. Больше просто некому...

Кошка плечами осторожно отодвинула крышку люка.

* * *

Машину Лера узнала сразу. И впрямь ведро со спойлером, точнее не скажешь. Правда, ведро было слегка импортное. А сам Станислав оказался мужчиной среднего возраста, а ростом даже чуть ниже, но при этом коренастым и по-барсучьи основательным. Одинокую бредущую девушку с бэгом он увидел почти сразу и коротко мигнул фарами. Скользнув на заднее сиденье и бросив бэг в ноги, Кошка довольно улыбнулась.

— Слушай, а зачем этой машине спойлер?

— ЭТОЙ — исключительно для понтов, — пояснил Стас, — а вообще, чтобы на скорости жопу к шоссе прижимать.

— Ага, — кивнула Лера. — Мне пристегиваться?

— Как хочешь. Если прицепятся, так им по барабану будет: пристегнутый, не пристегнутый. Хоть в чужой тачке, без доверенности и в нетрезвом состоянии, это уже ничего не меняет. Комендантский час, блин.

— А поедем-то как? С ветерком?

— Огородами и по-пластунски, — серьезно ответил водила и аккуратно тронулся с места, сразу сворачивая в переулок.

— Не заблудишься? Тут тупиков до дыр.

— Даст бог, выскочим, — оптимистично пообещал Стас. Лера хотела было высказаться, но вспомнила совет Никодима и решила заткнуться и смотреть в окно. Благо посмотреть было на что.

Положение о комендантском часе вольнолюбивые питерцы восприняли весьма своеобразно, как приказ «меньше десятка не собираться», чтобы в случае чего раскидать любой наряд, хоть сколько угодно усиленный. В просветы между арками, то и дело мелькавшими перед глазами, Лера увидела, как какая-то молодежная банда громит магазин электроники — дорожные плоские телеки, вытащенные прямо на асфальт под мелкий дождик, выглядели как-то особенно сиротливо. «Огородами» выползли на почти пустой Московский проспект. По бывшей верстовой дороге в Царское Село время от времени на изрядной скорости пролетали машины, в основном с мигалками.

— Эх, нам бы такой светомузыкой разжиться, — с тоской вздохнул Стас.

— На дискотеку собрался? Между прочим, тут и без светомузыки ездят, — оптимистично возразила Лера, — авось проскочим.

— Значит, будем молиться, чтобы пронесло, — признал Стас.

— Смотри, вымолишь, точно пронесет — и рисовый отвар не поможет, — хихикнула Кошка.

И «ведро» со спойлером аккуратно полетело по проспекту, утыканному сталинским ампиrom и прочими изысками.

Станислав не поддавался моде, и стекла не тонировал, так что Лера, прикинув носом к стеклу, имела возможность наблюдать, как огромный супермаркет организованно чистит небольшая толпа под руководством полицейских. Те, помахивая табельным оружием, следили, чтобы не воровали больше, чем по две курицы в одни руки.

У Парка Победы их все-таки тормознули — наряд полиции с машиной, так что давить на газ в надежде уйти не имело смысла. Стас затейливо чертыхнулся и притер «опель» к

бордюру. Торопливо опустил стекло.

— Куда так торопитесь, уважаемый? — Молодой полицейский слегка наклонился к водителю. — Вы про запрет на передвижения в ночное время слышали?

— Да, блин, понимаешь, жена вот... рожает, — почти простонал Станислав. Сообразив, Лера немедленно распласталась на сидении и испустила утробный вздох, способный разжалобить даже квадригу на Московских воротах. Роль живота с успехом изобразил рюкзак, все равно в полумраке деталей было не разобрать.

— Ну и время же ваша жена выбрала, — осуждающе протянул полицейский.

— Так сам ведь знаешь, с...ть да родить — нельзя погодить, — заискивающе улыбнулся Стас, а Лера, жалобно охнув, просипела:

— Кажется, начинается... Может быть, господин полицейский знает, как роды принимать? Их сейчас, говорят, учат. Стася, открой ему дверцу.

Пацан в форме отпрянул от машины, будто увидел живую кобру.

— Вы лучше в больницу давайте, там стерильно. Осторожнее на дороге, — дежурно добавил он, козырнул и махнул жезлом, разрешая ехать.

Примерно через полкилометра парочку актеров погорелого театра разобрал хохот, такой, что Стас чуть не бросил баранку.

К дому старичка, о котором говорила Люба, они подъехали уже далеко за полночь.

— Проводить тебя? — спросил Станислав.

— Справлюсь, — бросила Кошка, привычно скидывая рюкзак на плечо.

— Какие мы самостоятельные! — Он скривился, словно съел лимон. — У тебя мужик-то есть, студентка?

— Пока нет, — с достоинством ответила она.

— И не будет. С таким-то характером. Чего нормальному мужику около тебя, такой самостоятельной, делать? Разве что рюкзак носить. Дай сюда, — решил он, и неожиданно быстрым движением, так, что Кошка не сообразила ни возразить, ни отпрянуть, забрал у нее бэг и кивнул на подъезд. — Пошли, что ли, декабристка.

Глава десятая СЮРПРИЗЫ

16 сентября 2013 года, утро, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Лиза крепко спала и не сразу проснулась, даже когда ее с силой встряхнули за плечо.

— Воды принеси, — услышала она, — в миске. Или платок намочи. — И снова провалилась в дрему, из которой ее вырвали грубо, но действительно, брызнув в лицо холодной водой из ковшичка.

— Вы охренели? — спросила она хриплым со сна голосом, — который час?

— Полчетвертого, — ответил Никодим, рядом стояла Катя. — Боевая тревога, Лиза.

— Что-то случилось, — сообразила Лиза, мгновенно просыпаясь, — Лариса?

Катя кивнула.

— Она... сошла с ума и теперь где-то тут бегаёт? — с нарастающим ужасом спросила Лиза, — а как же я ее проморгала?

— Она не бегаёт, — ответил Никодим, потому что Катя молчала, — она умерла, Лиза. Вскрыла себе вены. Мы опоздали.

— Господи, зачем? — в ужасе прошептала Лиза.

— Она была заражена и знала, что через несколько часов сойдет с ума и превратится в красноглазую. Как мать. И, возможно, причинит вред ребенку. Она качала его до последней минуты. Пока не начались изменения. И только тогда... — Мужчина не договорил, отвернулся.

Лиза с силой терла виски. Никодим и Катя не мешали ей приходить в себя, хотя по ним

было видно, что это еще не все плохие новости.

— Демка?

— Малыш пока в порядке, — сказала Катя, — никаких признаков заражения. Во всяком случае — пока.

— Он где? Мне, наверное, нужно посидеть с ним?

— Катя посидит. У нее неплохо выходит, малыш ее, кажется, уже узнает. А ты мне для другого нужна.

— Для чего? — удивилась Лиза.

— Вот для этого. — Никодим протянул ей листок, вырванный из фирменного блокнота. Лиза поднесла его к глазам, как и многие продвинутые компьютерщики, она была близорука. Наискось лист пересекала надпись крупными печатными буквами: «Бог устал нас любить».

Лиза подняла глаза.

— Это мы обнаружили вместо Петра, — пояснил Никодим, — а сам он ушел. Между прочим, было его дежурство.

— Куда ушел? — не поняла Лиза.

— Не знаю. Это я и хочу выяснить. Петр пришел с вами. Насколько хорошо ты его знаешь?

— Совсем не знаю, — открестилась Лиза, чувствуя, как желудок противно сжало, — познакомились за несколько часов до вас.

— Но что-то ты все-таки о нем знаешь. — Никодим не спрашивал, а утверждал. — Ты все время на него как-то посматривала, настороженно. Словно ждала какой-то каверзы. Пойми — это важно, Лиза.

— Он убийца! — выпалила девушка.

На Никодима ее заявление не произвело никакого впечатления.

— Ну, это по нынешним временам еще ни о чем не говорит. Все мы тут «немножко лошади».

— Не-ет, — помотала головой Лиза, — он не такой убийца. Он как Потрошитель. Не просто убивает, а как бы жертву приносит. Для него убийство — как молитва.

— Он сектант? — просек Никодим. — Кто? «Белый брат», «Страж башни»?

— Не знаю. Но шестая заповедь у них явно не в чести.

— Как ты думаешь, куда он мог деться? — задал Никодим вопрос дня... вернее, вопрос ночи.

— Да откуда ж я могу знать? — Лиза уселась на диванчике, поджав ноги. — «Бог устал нас любить...». Когда мы не знали, что с Ларисой, он мне предложил помолиться. Сказал, что молитва обязательно «дойдет по адресу». Знаешь, — оживилась девушка, — он так это говорил, что понятно было — мужик и в самом деле верит. Убедительно так. Я едва не повелась... Он знал? Про Ларису?

— Трудно сказать, — пожал плечами Никодим, — она, перед тем как... в общем, дверь в коридор открыла. Чтобы сразу вошли, если ребенок заплачет. Мы ее так и нашли. А дверь к тому времени открыта была час, если не больше.

— Как же я Демку не услышала?! Рядом же спала!

— Тебя срубило так, что мы еле добудились. — Никодим пожал плечами. — Это бывает от сильной усталости. Так что ты думаешь? Куда он мог направиться?

— Направиться он мог в одна тысяча восемьсот пятьдесят с полтиной мест, — пожал плечами девушка. — Но сдается мне, что у него на почве утраты господней любви крышу сорвало. И решил раб Божий Петя всех нас тут завалить. Чтобы, значит, жертвой вернуть расположение Всевышнего. Но не бомба же у него здесь припрятана? — В недоумении Никодим потер переносицу. — Как можно нас всех оптом угробить? Это здание только бомбить. Да и то в подвалах можно отсидеться. Тем более если будут вода, продукты и свет... — Он еще договаривал, а тело уже распрямилось, как пружина.

— О чем вы это тут шепчетесь? — спросил подошедший Сергей Сергеевич.

— О Петре, — коротко бросил Никодим.

— М-да, странный молодой человек. Свет-тьма, тьма-свет... бурчит много. Полчаса назад все у меня про генератор выпрашивал...

— Что? — напрягся Никодим.

— Про свет. Генератор, я говорю, и так скоро кормить будет нечем. Солярки мало осталось. Если только слить где-нибудь...

— Свет! Генератор! — Никодим хлопнул себя по лбу и умчался в диспетчерскую.

— Что это с ним? — озадачился Сергей Сергеевич.

— Не обращайтесь внимания, — попыталась улыбнуться Катя.

А Никодим с копьем в руке уже летел обратно вместе с охранником Степаном.

— Где у вас тут генератор?

— Так вот... — Главный инженер увлек их за собой, к окну. — Вон. На первом этаже паркинга...

Никодим коротко буркнул «ясно» и заспешил вниз. Катерина видела, как Степан извлек пистолет, и подумала о плохом.

— Они его убьют? — тревожно спросила Лиза.

— Не знаю, — пожала плечами Катя, а Сергей Сергеевич вопросительно уставился на девушек, мол, не расскажете в чем, собственно, дело?

* * *

В пустом паркинге одинокая фигура была видна как на ладони. Человек пытался вскрыть замок. У него не получалось, замок оказался надежным. Человек злился, нервничал, но занятия своего не бросал.

— Петр! — крикнул Никодим, переведя свое копьё в горизонтальное положение. Человек вздрогнул. На секунду замер — и продолжил ковырять замок.

— Петр, остановись!

Он сделал вид, что не слышит. Или и в самом деле не услышал человеческого голоса. Он слушал другие голоса, которые говорили, что людей на Земле слишком много. Что Господь начал очередную «чистку» и начал ее с Питера. И что горстка этих, сопротивляющихся, в Его замысел не вписывается, а значит, должна быть уничтожена. Как? Ответ прост — выгнать их на улицу. А это можно сделать только одним способом — оставить без света. Петр не задумывался о том, возможно ли вывести из строя генератор так, чтобы его нельзя было починить. Он вообще ни о чем не задумывался. Голос приказал — и он выполняет приказ. Поэтому крики «Остановись, стрелять буду!» значили для него меньше, чем кошачье мяуканье. Если Петр правильно понял замысел Божий, то Он защитит своего слугу. Пуля пролетит мимо.

Первая пуля уронила его на колени, вторая повалила на спину, а третья вошла аккуратно между покрасневших глаз.

Либо Всевышний хотел от своего слуги чего-то другого... Либо он был тут вообще ни при чем.

— Глянь, кожа у него какая синюшная, — тыча в труп стволом, заметил Степан.

— Да, — согласился Никодим, склонив голову на бок и разглядывая тело. — Эти красноглазые совсем с головой не дружат.

Внезапно их внимание привлек шум заведенного двигателя. Мужчины быстро переглянулись.

— Это наверху! Давай по лестнице! — Степан сообразил первым и рванул к двери.

Взлетев на второй этаж, проверили — пусто. Сюрприз ждал их на третьем этаже. Как только они открыли двери, то узрели слева легковушку с работающим двигателем. Степан вскинул оружие...

За рулем сидела пышнотелая брюнетка. Она заметила грозу и нехорошо оскалилась.

— Красноглазая, — выдохнул Никодим, — вали ее.

Степан с близкого расстояния, словно в тире, двумя точными выстрелами пригвоздил

женщину к сидению. Пули пробили лобовой триплекс и точнехонько вошли в грудь. Женщина беззвучно открывала и закрывала рот...

— Кажись аллес, — предположил Никодим, и они вдвоем приблизились к водительской двери.

Степан, все еще держа ствол в боевом положении, дернул за ручку.

— Может, добавить?

Никодим толкнул красноглазую копьем. Голова женщины упала на бок.

— Хватит — готова!

Степан дотянулся до замка зажигания, повернул ключ. Двигатель прекратил свое шуршание.

— Ты смотри, даже пристегнулась, — подивился Степан, разглядывая труп. — А ты говоришь, они с головой не дружат.

— Рефлекс, — пожал плечами Никодим, — физическая память...

И тут счастливая догадка тукнула в висок, и Никодим быстро оглядел стоянку.

— У тебя машина есть?

— Нет, — искренне удивился Степан вопросу.

— Ну, у кого-то из наших точно должна быть.

— Ты чего? В окно-то глянь. Пол гостевой стоянки — вдрызг.

— Искореженная, еще не значит мертвая. — Никодим подмигнул товарищу и тут с высоты третьего этажа узрел вывеску в витрине: «лучшие итальянские автомобили».

— А что это там на первом этаже?

— Так это... автосалон должен был через неделю открыться.

— Тачки уже завозили?

— Вроде да.

— Эврика! — воскликнул Никодим и в запале хлопнул Степана по плечу. — Это наш шанс.

— Валим?

— Давно пора. Засиделись мы. Одна машина у нас уже есть. — Он кивнул на авто, где восседал труп красноглазой. — Труба дышит?

— С переменным успехом.

— Звони нашим. Пусть пара мужиков спустится. Будем смотреть...

Охранник до кого-то дозвонился и передал просьбу. Никодим его не слушал. Он лихорадочно пытался прикинуть, сколько надо транспорта, чтобы в случае чего эвакуировать всех из бизнес-центра. Он пока не знал, куда и зачем, но осмотреться не помешает в любом случае. И еще... одна мысль, вернее желание разгоралось в груди все сильнее — оружейный магазин. И желательно с богатым ассортиментом.

— Сейчас идут, — прервал его раздумья Степан.

— Хорошо. Давай и мы вниз.

Они встретились в вестибюле. К удивлению Никодима, вместе с двумя мужчинами явилась Галина. Видно было, что страшно, но женщина пересилила себя и пришла, потому что...

— У меня ключи есть, — ответила она на немой вопрос Никодима.

Тот лишь кивнул. Партия автоискателей уже через минуту была в просторном зале предполагаемого автосалона.

— Ого! — Степан присвистнул.

— М-да... — покачали головами остальные.

Ни них смотрели с десятков заботливо отполированных спортивных купе. Разных цветов, на любой вкус. А в дальнем углу возвышался уверенный внедорожник, такой же новенький и сверкающий.

Они прошли вперед, к стойке администрации, и тут общую радужную картину всего увиденного испортили два трупа — мужчины и девушки. Растекшаяся кровь под ними уже высохла и превратилась в бурое контурное пятно. Галина отпрянула за спину мужчин, а те,

насторожившись, взяли ее в кольцо, оцетинившись оружием. Молчаливое созерцание длилось несколько минут.

— Да вроде все тихо, — шепотом изрек один из отряда.

— Ага, — буркнул в ответ Никодим и опустил свое железное копьё. — Давайте живо найдем ключи от этих красавиц. Особенно во-он от того джипа. А то нам всем на этих купе не разъехаться.

— И с каких это пор итальянцы стали делать джипы? — спросил Степан, подходя к великану аппенинского машиностроения. — Опа, а тут открыто...

Степан просиял лицом и тут же забрался в кабину.

— Да тут и ключи есть, — громко огласил он свою находку.

— Ну чего орешь? — цыкнул на него Никодим, продолжая изучать содержимое ящиков на столе администрации. — Нашел и молодец.

Степан повернул ключ. Приборная доска оживилась.

— Только бензину мало.

Больше на него никто не обращал внимания. Каждый был занят поиском. Повезло Галине. Она наткнулась на ящик, в котором находилась большая связка ключей. Каждый ключ имел бирку с номером.

— Это то, что надо, — похвалил следопытку Никодим, и они все дружно принялись разбирать связку. — Степан, иди сюда.

Дверь джипа хлопнула...

— Степан, — еще раз позвал Никодим, — хватит там страдать... она будет твоей.

Мужчины ехидно улыбнулись. Кафельный пол рядом с джипом противно пискнул, как будто по нему провели чем-то твердым и мокрым.

— Степан? — Никодим отцепил пару ключей. — Пойду вон те проверю, а вы остальные. Только не заводите.

Никодим направился напрямик к джипу, рядом с которым стояли два стреловидных болида, предположительно от них и были ключи в руке у него.

— Степан, ты запаску проверил?

Никодим приближался под углом к машине и видел, что задняя дверь приоткрыта.

— Степан?

Дверь медленно отъехала, открывшись полностью. Послышался шлепок, и в ту же секунду Никодим увидел падающее из-за двери тело.

— Степа!

Никодим инстинктивно перевел копьё в боевое положение, и вовремя. Из-за двери, как черт из табакерки, выпрыгнул высокий парень в грязной рубаше и болтающемся ниже пояса галстуке. В руках он сжимал стальной тросик. Никодим кинул взгляд на распластавшегося Степана и узрел кровавую полосу на его шее. Степану было уже не помочь.

— Ах ты ублюдок! — Никодим первым перешел в атаку.

Удар! Но копьё пронзило пустоту. Красноглазый ловко ушел в сторону. Никодим сделал еще один выпад и краем глаза заметил, что мужики уже начали обходить зверя. «Значит, — молниеносно подумал Никодим, — надо повернуть его спиной к ним». Он сделал ложный выпад, красноглазый дернулся, а Никодим отпрыгнул в сторону. Задача была выполнена. Противник, поглощенный пируэтами Никодима, совсем позабыл про тыл. Но мужчины поторопились с возгласами.

— Ура! — Как ни смешно это выглядело, но они с криками перешли в атаку. Причем все одновременно.

Красноглазый проявил чудеса реакции. Как только раздался первый звук за спиной, он отпрыгнул в сторону со скоростью снаряда. Никодим рванул было за ним... но с удивлением обнаружил свое копьё в теле врага. Красноглазый сдернул себя с наконечника, расправил трос и, безумно рыча, напал на обидчика. Трос больно хлестнул Никодима по глазам, он ткнул копьём еще раз — и промазал.

Трос захлестнул шею и уже начал было давить, но мужики не сплеховали и принялись

мутузить красноглазого бейсбольными битами. Хватка врага ослабла, и Никодим с огромным удовольствием вогнал ему в грудь железное копьё. Потом еще раз и еще...

Гад умер, захлебнувшись собственной кровью.

— Вот мразь... — Чуть ли не одновременно мужчины сплюнули на пол.

Их внимание привлекло тихое всхлипывание. Не сговариваясь, они метнулись к джипу. Возле трупa Степана стояла Галина, а по щекам ее текли слезы.

Никодим подобрал выпавший ствол. Машинально проверил магазин — два патрона еще были. Затем вытащил из кармана торчащий мобильник.

Мужчины как могли утешали женщину, а Никодим закрыл заднюю дверь машины.

— Он что, в багажнике караулил? Сволочь... — Никодим сжал губы и выдохнул носом. — Пора — пошли. У нас на всех один джип и шесть купешек.

— Не густо...

— На паркинге есть еще одна машина с ключами.

Они покинули так и не открывшийся автосалон и, соблюдая строжайшую осторожность, поднялись к себе на этаж.

Глава одиннадцатая ПАМЯТЬ

Ночь с 15 на 16 сентября 2013 года, Санкт-Петербург, улица Звездная.

— Кто? — вопрос прозвучал сразу, словно хозяин ожидал визита. Хотя, наверное, и ожидал. Только не их.

— Меня зовут Кошка. Я от Любы.

Не задавая лишних вопросов, хозяин открыл двери.

Подъезд был, что называется, «хорошим». Это означало широкую пологую лестницу с деревянными (конечно, пластик, но под дерево) перилами, большие лестничные площадки, выложенные плиткой, тройные рамы, два лифта, один из них — грузовой. И неизбежные, как смерть и налоги, цветы в кадках. Ничего, в общем, был подъезд. Но без шлагбаума и даже без консержки, а значит, по определению — не элитный. Дверь, впрочем, была хорошая, мощная, явно не из китайского железа.

Кошка не знала, как разговаривать с неведомым Алексеем, и слегка нервничала по этому поводу. Люба сказала, что он «очень старый». У Леры не было друзей — стариков, и она понятия не имела, как можно общаться, да еще на равных и по имени, с этими выжившими из ума реликтами. Это у Сердца Мира все получалось легко и просто. Она вообще дружила со всеми и любила всех подряд. В результате один близкий друг ткнул ее в бок стамеской, потому что сошел с ума от вируса, который изобрел другой близкий друг. Такая вот сказочка о царстве всеобщей любви.

Алексей жил на втором этаже и двери открыл раньше, чем они успели прикоснуться к пуговке звонка.

— Проходите, — произнес он, — можно не разуваться. У меня несколько не прибрано.

«Квартирка-то слегка подубитая», — отметила Лера, проходя длинной темной прихожей, оклеенной дорогими, но старыми обоями. Двери в зал были чуть приоткрыты, и любопытная девушка разглядела огромный, до высоченного потолка, стеллаж, плотно уставленный книгами, и ветку с ярко-оранжевыми физалисами. Алексей пригласил их на кухню, большую и уютную, несмотря на некоторую запущенность. Новомодных барных стоек, жалюзи и «умных» агрегатов здесь не было. Старую мебель годов этак шестидесятых несколько оживляли номера телефонов, торопливо записанных фломастером прямо на шпоне. Не избежал этой участи и древний холодильник «Атлант», и даже новейший электрический чайник. Чайник был единственным представителем двадцать первого века. Все остальное, даже телефон, похоже, явилось прямиком из старого блокбастера «Москва слезам не верит». Увидев это чудо, Лера изумленно выдохнула — почти то же самое она

недавно обозревала в зарытом в землю бункере. Даже диск с номером был.

— ЭТО еще работает? — выдавила она, забыв правила приличия.

— И неплохо, — заверил ее Алексей. Он оказался сухим, совершенно седым стариком с пергаментной, морщинистой кожей, совершенно выцветшими глазами, но неожиданно подтянутым, с прямой спиной и упрямым, слегка выставленным вперед подбородком. Держался он спокойно, нейтрально, лишь самую малость настороженно. Что было, в общем, понятно.

— Года три назад мне Люба принесла новый аппарат, как вы говорите, «навороченный», с факсом, памятью на двести пятьдесят номеров, автоответчиком, селекторной связью... Так он через два месяца сломался. Я его снял и опять этот вернул. Он у меня с пятьдесят восьмого года, и прекрасно работает. Чаю? Или кофе?

— А можно поесть? — набралась наглости Кошка.

Алексей указал головой на пару «венских» стульев. Кошка, скинув бэг, торопливо плюхнулась на тот, что поближе, и привалилась спиной к холодильнику. Станислав остался подпирать косяк. Хозяин налил ароматного дымящегося чаю в большой бокал и неловкими руками (артрит?) соорудил бутерброд с сыром.

— Шпашыбо! — выдохнула Кошка, вцепляясь в бутерброд зубами и только не урча.

Взглянув на нее более внимательно, Алексей распахнул настежь дверцу холодильника и выгреб оттуда холодную курицу, остатки винегрета, копченую колбасу, а затем вытащил из буфета большую плетеную тарелку с пряниками.

— Вы ангел! — сообщила Кошка, поедая глазами весь натюрморт вместе и каждое блюдо в отдельности.

Алексей занял стул напротив.

— Что с Любой? — спросил он.

Лера едва не подавилась.

— Если бы ничего не случилось, Люба пришла бы сама. Она очень обязательная девушка, — пояснил Алексей, — если что-то обещала — выполнит. Очень редкое качество у молодежи. — И, видя, что гостя молчит, спросил прямо: — Она жива?

— Была, — сглотнула Кошка, — когда мы расставались. Но состояние у нее было не очень.

Старик внимательно слушал ее рассказ, но по его лицу нельзя было догадаться, что он чувствует, что обо всем этом думает, верит ли девушке, и вообще, на каком они свете. Под конец Кошка сбилась на виноватую скороговорку:

— Вот я звонила всем, но сами знаете что творится, так что я позвала нашего общего друга, и он сказал, что будет...

— Ешь, — напомнил Алексей, кивнув на курицу, — ты же голодная. Да-а, Люба. Не убереглась.

— Она сказала, что вы можете что-то знать, — вставила Кошка, — о том, что за хрень случилась в нашей, мать его, колыбели трех революций? Ой, простите, — спохватилась она и даже немного засмушалась своих в пылу брошенных слов. — Простите.

— Ничего, — старик махнул рукой. — Касательного вашего вопроса... Что-то я наверняка знаю. Вопрос в том, окажется ли этого достаточно.

Оба гостя уставились хозяину в рот.

— Это я послал Любу за чемоданом, — произнес Алексей и надолго замолчал. От курьих ножек меж тем остались одни косточки, винегрет исчез еще раньше, а сейчас со скоростью минометных снарядов улетали пряники. Кошка оголодала, как стадо мамонтов во время перехода через ледовую пустыню.

— Откуда вы знали, что этот чемодан существует? — спросила она наконец, вытирая губы салфеткой.

— Еще бы мне не знать, — Алексей пожал плечами, — если я сам его собирал. Я работал с Ильей в его лаборатории.

Кошка поперхнулась чаем.

— Сколько же вам лет? Простите, если я бестактна.

— Ничего. Этот вопрос задают не только женщинам. Девяносто восемь, — ответил Алексей и, видя, как вытянулись лица гостей, невольно улыбнулся: — Столько не живут, да?

— Ну, мы не проживем и полстолька, — подал голос Станислав, — особенно если ваше творение не удастся загнать обратно в пробирку. О чем вы, вообще, думали, когда изобретали такую дрянь? О победе мировой революции?

— Просто о победе, — так же спокойно ответил хозяин, — над немцем. О мировой революции тогда речь уже давно не шла. Вермахт наступал по всем фронтам. Гудериан утюжил Украину. Фон Бок взял Смоленск, румыны прыгали от счастья при виде Одессы. Красная армия отступала... Немцы и финны подошли вплотную к Ленинграду... Вы не представляете, что тогда творилось. Мы жили одним днем и делали что могли. Для фронта.

— Для фронта, — с непередаваемым сарказмом протянул Стас, — можно было сделать кое-что другое. Взять оружие и пойти на передовую.

Хозяин не обиделся.

— Мы бы так и сделали. И я. И Илья. И остальные девять ученых.

— Что же вам помешало?

— Колючая проволока, конвой с собаками и пятьдесят восьмая статья, — перечислил Алексей.

— Вы работали в одном из тех научных центров в лагере? Как Королев? — догадалась Кошка.

— Именно. Только Сергей Павлович ковал ракетный щит державы, а мы — ее биологический меч. И если вы, молодой человек, собираетесь зачитать мне еще один обвинительный приговор, — Алексей стрельнул глазами в Стаса, и тот невольно подался назад, — то это напрасная трата сил. Я все равно не оценю, потому что никакой вины за собой не чувствую.

— А тысячи умерших и десятки тысяч сошедших с ума — это ничего?

— В ту войну мы потеряли двадцать восемь миллионов, — педантично напомнил Алексей.

— Погоди, Стас, — Лера вскинула руку, призывая самозваного телохранителя к порядку, — а что все-таки стало с профессором Никодимовским?

— Сразу после того как было принято решение о закладке биологической мины, Илья исчез. Тогда в сентябре сорок первого, в день сдачи объекта, нас там не было — не допустили. Думаю, что Илью расстреляли.

— За что? Он же выполнил задание!

— Не «за что» а «ради чего», — поправил хозяин. — Ради сохранения тайны, разумеется. Мы все понимали, что если результат будет, то группу, вероятнее всего, уничтожат.

— Но ведь вы могли саботировать работы!?

— Не могли. Немцы прошли полстраны. Мы действительно могли проиграть войну. Во всяком случае, так многие думали. Даже Ворошилов. Он готовился сдать Ленинград... Да что там, даже столицу готовили к эвакуации. Нет, саботировать мы не имели права.

Алексей сидел на своем стуле прямо, не опираясь на спинку, словно проглотил аршин. Голос его не дрожал. Казалось, он вообще не испытывает никаких чувств. Может быть, все стерлось за давностью лет? Или просто дедушка прекрасно владел собой.

— Тогда, может быть, стоило получше прибрать за собой? После того как война закончилась? — все-таки высказался Стас.

— А некому было прибирать. — Алексей пожал плечами. — Группу раскидали по разным лабораториям. Потом кого убрали, кто сам умер. Немцы в город не вошли... НКВД готовил лабораторию к минированию... я полагаю, что заряды могли быть установлены на неизвлекаемость. Схемы минирования, скорее всего, не составлялись, а сами энкавэдешники, которые закладывали мину... Я потом специально узнавал, уже при Горбачеве, когда открыли некоторые архивы — они все погибли. Снаряд попал в автобус, и всех накрыло. Ни

один не выжил.

— Туда им и дорога, — пробормотала Кошка.

— Ну, они тоже исполняли свой долг. Как они его понимали, — ответил старик. — А после войны то ли забыли про лабораторию, то ли не смогли разминировать... не знаю я.

— А чемодан?

— Как это ни странно, но у Ильи были друзья. И представьте себе, даже среди офицеров НКВД. Не настолько влиятельные, чтобы его спасти, но... Он был большим ученым и понимал, насколько опасно то, что мы изобрели. Насколько непредсказуемо. Он хотел разработать и вакцину. На всякий случай. И вел записи, которые могли бы пригодиться именно для этого. А некоторые документы мы дублировали. Одни для НКВД, другие для себя. После того как Илья исчез, офицер, курирующий работу лаборатории, получил приказ уничтожить журнал опытов и еще кое-какие бумаги. Они и уничтожили один экземпляр, а дубликаты мы...

— Припрятали, — в задумчивости закончила за него Лера.

— Совершенно верно. Так что о чемодане я знал.

— Почему же вы за столько лет не завершили работу профессора и не разработали эту вашу вакцину? — спросил Станислав. — Вы ведь знали о mine?

— Не смог, — просто ответил Алексей, — таланта не хватило. Илья был гением. Я, к сожалению, всего лишь человек со способностями. Без его записей у меня ничего не получилось. Я молился Богу, в которого не верю, чтобы мина не рванула. А когда это все-таки случилось, попросил Любу... Можно мне, наконец, посмотреть, что вы там нашли? — и в первый раз за весь вечер в голосе Алексея проскользнуло едва уловимое нетерпение.

* * *

То, что творили Кошка и Станислав, можно было назвать величайшей бестактностью, ничуть не преувеличивая. Зависнув за спиной хозяина, они водили глазами по старым, пожелтевшим от времени листам толстого журнала в мелкую косую линейку. Увидев женский профиль, Кошка встрепенулась.

— А дети? У профессора ведь были дети. Вы случайно не знаете, что с ними стало?

— Да-а, дети были... Ага, эту реакцию я помню, но почему-то в моей домашней лаборатории она проходила немного иначе. Я так и не понял, в чем дело... — Старик отвлекся, погружившись в изучение записей профессора Никодимовского.

— Дети, — напомнила Лера.

— Ах, да — простите. Конечно... У Ильи был сын Александр. И дочка... не помню ее имени. Она умерла в ссылке вместе с матерью. А мальчик был отправлен в детдом — и выжил. Фамилию он получил такую интересную. За характер, я думаю.

— Настырный, — выдохнули хором Кошка и Станислав. Старый ученый вздрогнул и оторвался от записей.

— А вы откуда знаете?

— Знаем, — усмехнулся Стас, — и не только фамилию. Теперь я понимаю, как мой дружок таким оригинальным имечком разжился.

— Вот! — триумфально воскликнула Кошка, так что мужчины вздрогнули. Девушка ткнула пальцем в запись на полях журнала, рядом с очередным профилем. — Здесь написано — Александр!!! Наверное, это что-то про сына. Но... это по-немецки. А я не знаю этого языка.

Алексей спокойно улыбнулся.

— Я знаю. И неплохо. А ты глазастая. Я вот когда листал этот журнал в прошлый раз, записки не заметил.

— Так что в ней!? — потеряла терпение Кошка.

— «Моему сыну Александру, — перевел хозяин. — Если дело мое обернется против моего народа, плюнь мне в глаза...».

— Как будто предвидел, — благоговейно прошептала Кошка.

— Для того чтобы плюнуть в глаза, надо для начала эти глаза видеть, — фыркнул циничный Стас. — А от профессора, поди, и фоток не осталось. Их ведь сжигали, когда отрекались от осужденных.

— Лина не отрекалась, — отозвался Алексей. — Отказалась. Наотрез. Так что фотографии наверняка остались. Хотя бы одна. Маленькая. В медальоне. Я отлично помню эту вещицу, Илья носился с мыслью как-то передать его сыну в детдом под Вологдой. Ни Лины, ни дочери тогда уже не было в живых... Но в чемодан мы этот медальон не клали. Мы его просто не нашли среди Илюшиных вещей. Так что не знаю, где может быть эта штучка.

— Я знаю, — сказал Стас и, выдержав театральную паузу, когда четыре глаза чуть не прожгли в нем четыре дырки, спокойно сообщил: — У Никодима в бумажнике болтается. Мы с ним как-то надергались до поросычьего визга и все никак не могли решить, уже хватит или все-таки за добавкой сбегать. Решили, что чуть-чуть не помешает. Он сам лопатник открыть не мог, меня попросил. Но при чем здесь старый медальон? Вы всерьез считаете, что плевков в глаза профессора именно сейчас так актуален? Ничего важнее типа нет?

Кошка и старый ученый смотрели друг на друга, напрочь игнорируя Станислава, и о чем-то напряженно размышляли. Покивав каким-то своим мыслям, Кошка вытащила мобильник и нашла номер, с которого в прошлый раз Никодим выходил на связь.

«В настоящее время абонент недоступен», — равнодушно выдал телефон.

— Я не выдержу, — объявила Кошка, — помру от любопытства! Может, проскочим?

— А внук Ильи сейчас в Питере? — удивился Алексей.

— Да не просто в Питере, а меньше чем в двух километрах отсюда! — взвыла девушка. — Проскочим, а? Стас?

Бывший армеец попробовал внести в происходящее нотку благоразумия:

— Комендантский час, не забыла? Может, подождем хотя бы до утра? Осталось-то всего часа четыре.

Кошка возмущенно дернулась, но наткнулась на осуждающий взгляд старика и скисла.

— Ну, хорошо. Но только до утра! Ровно в шесть мы выходим. Если телефон не одумается. Но я же не переживу этих четырех часов!!! Мне нужно срочно чем-то заняться...

— И я даже знаю чем, — усмехнулся Стас, — на твоём месте я бы помылся. Несет от тебя, как из помойки. Извини.

Лера смутилась.

— А можно? — она взглянула на хозяина квартиры, но тот нырнул в принесенные записи так глубоко, что в ближайшее время был так же недоступен, как Никодим. Станислав проследил за ее взглядом, помахал растопыренной пятерней перед носом Алексея, но тот лишь досадливо поморщился и ничего не сказал.

— Можно, — разрешил Стас, — только не усни там, а то еще потонешь.

* * *

В шесть утра, когда уже полностью рассвело, но сонный «пенсионерский» дом в глубине двора еще и не думал просыпаться, из подъезда вышли трое. Странная это была компания: аккуратный старичок в светлом, уже давно не модном плаще, кряжистый мужичонка, с ног до головы упакованный в «братский» Китай, и отмытая до хруста, но донельзя ободранная девица. Выдвинулись они правильно, высылая вперед разведку в лице мужичка, следя за тылами внимательными глазами оборванки и тщательно оберегая «штаб». Пройти они рассчитывали лишь двадцать метров до машины. Но, едва Станислав завернул за угол, как сонную тишину разбил такой забористый мат, что Кошка смутилась. Причина такого красноречия стала ясна, как только они подошли к «карману». Полтора десятка машин, и в их числе «ведро» Стаса, были изуродованы до полной потери товарного вида: стекла выбиты, колеса порезаны, двери перекошены — смятый бампер на этом фоне казался мелочью. Развлекались, сволочи, не только с размахом, но и «с особым цинизмом» — из

разрезанного в лоскуты салона пахло мочой.

— Убью, — невыразительно пообещал Стас.

— Я буду участвовать, — сказала Кошка.

Стас недобро зыркнул на нее, но промолчал.

— Придется пешком. Тут недалеко...

— С ума сошла — недалеко?! По Пулковскому — два километра. Ладно мы, — взорвался Стас, у которого настроение было не просто ниже плинтуса, а стремилось к центру земли, — а дедушка? — Алексей выглядел для своих лет очень неплохо, голова у него варилась, дай бог молодому, но вот с ногами было горяшко. — Он будет идти до послезавтра!

— А вы... быстрее никак не можете? — спросила Кошка.

— Увы, — Алексей развел руками.

— Ну, значит пойдем, как можем, — решила Кошка, — лучше медленно идти, чем быстро стоять.

— И мы поплетемся так же, вокруг столба, с ночевкой?

Кошка пожала плечами:

— Скорость эскадры равна скорости самого медленного корабля. Если хочешь, можешь идти вперед. Или назад. В общем, куда хочешь. Я, если что, сама справлюсь. Спасибо и все такое...

Станислав смотрел на нее с все возрастающим изумлением. И с кое-чем еще. И это кое-что было недо-о-брым.

— Справишься? — уточнил он. — С чем угодно?

Кошка кивнула.

— Отлично, — ехидно одобрил Стас и указал рукой за ее спину, — справляйся. Макинтош подержать?

Кошка взглянула в указанном направлении. Из-за угла вывернула компания, навскидку — человек пятнадцать. Все как один в темных свитерах, черных джинсах, высоких ботинках на шнуровке и с короткими стрижками. Кто-то нес обрезок трубы, кто-то тяжелую цепь. У пары руки были заняты бутылками то ли с портвейном, то ли с чем-то более зажигательным. Подчиняясь сигналу лидера, эта небольшая агрессивная стая вломилась в стеклянную витрину и что было сил заработала всеми подручными средствами. Секунды — и огромное стекло с жалобным звоном ссыпалось на асфальт.

— Ты «экклезиаст» читала? — внезапно спросил Стас.

— А при чем тут?..

— Ну, там есть такие мудрые строчки: «Время пить Херши и время делать ноги...». Держи. — Он бросил ей рюкзак. Кошка крикнула, принимая его на усталое плечо, а Станислав подставил закорки.

— Прыгай, дедушка. Да поскорее.

И они рванули крупной рысью, вскоре перейдя на галоп. Мимо мелькали пустые темные витрины, перевернутые урны, два трупа в ободранных кустах. А еще какие-то бочки и тачки, брошенные прямо посреди тротуара. У одной из них передняя дверца была распахнута настежь.

— Проверь, — бросил Стас.

Повинуясь приказу, Кошка сунулась внутрь и вскоре призывно замахала рукой. Тачка была в полном порядке, и бензин был, и даже ключ торчал в гнезде.

Стас прыгнул на сиденье сзади, закинув Алексея вперед себя, словно куль с картошкой.

— Жив, дед?

— Вашими молитвами, — буркнул тот.

— Боженька, ты мой лучший друг, — пропела Кошка, выжимая сцепление.

Дверь Стас захлопнул уже на ходу. И вовремя. Сзади уже отчетливо слышался топот полутора десятков тяжелых ботинок.

Дверца хлопнула, тачка развернулась на пространстве размером с носовой платок и рванула в лучших традициях «Формулы-1». От избытка чувств Станислав запел — заорал во

все горло: «Броня крепка и танки наши быстры!..» Это было весьма символично.

Глава двенадцатая ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

16 сентября 2013 года, утро, Санкт-Петербург, улица Внуковская, бизнес-центр «Пулково Скай».

Вернувшись к себе, Никодим обнаружил бурное обсуждение в коридоре офиса. Народ обступил обоих врачей и требовал разъяснений.

— Умер, я вам говорю... — Артем Алексеевич старался перекрыть встревоженные голоса людей. — Умер! Только что...

— А на хрена вы его тут держали?!

— Они его режут!

— За борт его!

— Разводят нам тут заразу...

— Да, мы проводили вскрытие, — признался Артем Алексеевич.

— Это нужно для науки... — вмешалась Юлия Петровна.

— Знаем вы вашу науку! Ваша наука это все и придумала.

— Да тише вы! — Артем Алексеевич повысил голос, но тут же, слегка смутившись, отступил назад от наседавших на него людей.

— Что за шум, а драка все откладывается? — Никодим, как ледокол, прорвался сквозь строй. — По какому поводу дискутируем, господа?

— Эти чудики красноглазого прирезали, а выбрасывать не хотят. Берегут его...

— Понятно, — прервал докладчика Никодим.

Его не смутили пристальные взгляды защитников цитадели. Он продолжил:

— Интересно, не правда ли. Так чего орать? Давайте спокойно слушаем врачей.

Из соседней комнаты донесся призывный плач ребенка.

— Тише вы тут, — цыкнула тетушка Тортилла и заспешила на призыв Демки.

— Давайте пройдем на площадку, — предложила Галина.

Народ послушно покинул офис и вышел на лифтовую площадку.

— Ну?

— Мы препарировали труп этого... — начал Артем Алексеевич, — дабы установить изменения внутренних органов при поражении организма вирусом. Мы тщательно изучили...

— Откуда у тебя такой роскошный фингал под глазом? — шепотом спросила Екатерина, склонившись над самым ухом Никодима.

Никодим машинально ощупал глаза.

— А я думаю, чего они на меня так пялятся? — Он ехидно улыбнулся. — Это я из-за девушки подрался.

— А с кем?

— Да с женой! — отшутился Никодим.

— Шутишь все...

— Не сердись. Это нам пришлось Петра уговорить. Да и потом еще была встреча... — Молодой человек тут же сделался серьезным. — Степан погиб.

— ...Одним словом почти все органы в той или иной степени подвержены мутации, включая и сердце, — меж тем продолжал доктор свою лекцию, — мышцы на удивление постоянно в тонусе, даже после смерти.

— Вирус смертельный... он убьет всех нас, — встревожено зашептался народ.

— То, что мы еще живы — это чудо, — подхватила речь коллеги Юлия Петровна, — и у нас нет точного ответа на главный вопрос — умрем мы или нет...

— Ага, — хмыкнул здоровяк с битой на плече, — или будем бегать, как сумасшедшие.

— Или так, — серьезно ответила докторша. — У нас с Артемом Алексеевичем есть только предположение... — Она замолчала и глянула на коллегу.

— Не томите, — Никодим потер шею. После удавки остался след, и он постоянно чесался.

— Кто-нибудь слышал о людях-крысах? — вскинув голову, спросил Артем Алексеевич.

— Это че — мутанты?

— Нет, это факт, — ответил доктор, — небольшой процент людей на Земле неподвержен почти никаким болезням. Такой процент ничтожен, но научно доказан. Так что самое разумное объяснение тому, что мы еще живы, одно... либо у нас небывало крепкая иммунная система, либо мы люди-крысы. Это если, конечно, в ближайшие двое-трое суток никто не заболит.

— Ничего смешнее не придумали?

— А я верю.

— Да вы с ума сошли. Сказки!

— И я верю... хочу верить.

— Дурдом!

— Нет, вы слышали?

— Я согласен.

— Жить-то всем хочется...

Народ принялся бурно обсуждать и переваривать полученную новость. Кто-то тут же внушил себе мысль, что пусть хоть люди-слоны, лишь бы не заразиться, кто-то решил, что пора прорываться из города от греха подальше. А кто-то просто не знал, кому и чему верить.

— Док, — Никодим привлек внимание Артема Алексеевича, — а каков процент этих людей-крыс?

— Не более пяти процентов от общего населения.

Никодим возвел очи горе и принялся вычислять в уме.

— Это если в Питере около семи миллионов, то теоретически может остаться тысяч... триста-триста пятьдесят.

— Возможно меньше.

— Триста тысяч — это не так уж и мало, — заметил Лиза. — Нормальная такая толпа...

В это время на площадку вышел Костя. Его было трудно узнать. Лицо осунулось, взгляд пустой. Народ был уже в курсе, что парень тяжело переживает смерть Ларисы.

— Там во дворе какая-то машина припарковалась, — сказал он негромко.

Его услышала только Лиза.

— Какая машина? Полиция?

— Нет. Обычная машина...

— Эй! — Лиза взяла на себя функцию громкоговорителя. — У нас гости!

Среди мгновенно наступившей тишины злое лягнуло затвор. Все обернулись и узрели Тойво, который вместе с Сергеем Сергеевичем заправил в пулемет ленту. Аппарат был готов к бою.

— Ну, где гости? — зло ухмыльнулся главный инженер.

— Во дворе, — спокойно изрек Костя и удалился.

Сергей Сергеевич подмигнул своему финскому коллеге, и они, подхватив станок, поволокли его к окну. Народ засуетился. Женщины разбежались по комнатам, а мужчины начали спешно вооружаться.

* * *

— Кошка! — Никодим распахнул объятия. — Добралась все же! Сколько же мы не виделись. Рад видеть тебя живой и... — он заглянул ей в глаза, улыбнулся, — и здоровой.

— Привет, Настырный! — Девушка юркнула в объятия старого друга. — Сейчас ключевое слово — здоровой! А живой — это временно. Все мы смертны. У тебя красивый бланш под глазом. Чего с кем не поделил?

— С одним красноглазым не смог договориться...

Екатерина стояла рядом и ревнивым взглядом косилась на Кошку.

— Стас! — Никодим чмокнул Леру и подошел к товарищу.

Они похлопали друг друга по плечу.

— Как они, ничего?

— Да ничего! А это Алексей Вячеславович...

— Сторожилов, — старик протянул руку.

Никодим пожал ее.

— Это, между прочим, друг твоего деда, — опережая события, заявил Стас.

— Да ну? — У Никодима глаза полезли на лоб.

— А вас есть, где присесть? — спросил Алексей Вячеславович.

— Да-да, конечно, — вклинилась Катя между Никодимом и Кошкой, — пойдёмте, мы вас чаем угостим. А может, вы голодны?

Девушка взяла старика за руку и увлекла за собой. Кошка улыбку сглотнула, поджав губы.

— Настырный, — лукаво качнула она головой, — я понимаю...

Никодим развел руками, мол, я здесь не виноват, она сама пришла той ночью...

— Ну чего столпились? — повысила голос Галина. — Встреча одноклассников окончена. Расходимся. И, Артем Алексеевич, в самом деле, уберите вы свой труп куда-нибудь.

— Это не мой труп, — обиделся доктор, — я, вообще-то, пока жив, если вы не заметили.

— Хорошо, уберите не ваш труп, — не стала спорить Галина.

Доктор обещающе кивнул. Народ не спеша разбрелся по комнатам.

Когда троица вошла в офис, Екатерина уже сообразила чай, кофе и бутерброды.

— Шикарно живете, — присвистнула Кошка. — Курорт!

— Ага, — хмыкнул Никодим, — особенно внизу.

— Видели... — заметил Стас и опустился на стул. — Трупы и в городе почти никто не убирает.

— А что же полиция? Власть? — спросила Катя, присаживаясь рядом с Никодимом.

— Народ мрет как мухи, какая тут к черту власть! — Стас махнул рукой и принялся за угощение.

Никодим взбодрил себя крепким кофе и вопросительно уставился на старика.

— Вы, правда, знали моего деда?

— Знал. Мы вместе с ним работали. И даже больше... это мы изобрели ВВВ.

— Простите, что?

— Вирус Великого Возмездия.

Никодим напрягся, а Катя пролила чай.

— Вирус? Этот?

— Да, Никодим, этот.

— Вы что, с ума...

— Погоди. Остынь. — Стас повысил голос. — Выслушай Алексея Вячеславовича.

Старик коротко, не вдаваясь в лишние детали, посвятил Никодима в перипетии создания вируса. И их совместный с профессором Никодимовским вклад в общее дело. По мере рассказа глаза и Никодима, и особенно Екатерины округлялись все больше. В конце Никодим не выдержал и закурил.

— Однако...

В довершении на стол легли бумаги из архива лаборатории. Старик показал самые интересные записи, касающиеся семьи Никодима и разработки вируса.

— Немецким владеешь? — спросила Кошка, Никодим кивнул головой. — Тогда читай

сам.

— Моему сыну Александру. Если дело мое обернется против моего народа, плюнь мне в глаза, — быстро перевел Никодим. — Не понял?

— Медальон, — подсказал Стас, — у тебя же был медальон с портретом деда.

— И что? По-вашему я должен наплевать на изображение родного деда? И от этого нам всем станет легче и вирус исчезнет.

— Где медальон? — Казалось, Алексей Вячеславович пропустил мимо ушей эту тираду.

Никодим закрыл глаза, и тут же в памяти всплыл образ мамы и тот день, когда она вручила ему медальон. Единственное свидетельство их рода. Никодим хорошо помнил тот летний вечер...

С потертого изображения смотрело усталое лицо деда, обрамленное аккуратно подстриженной бородкой. Это все, что осталось от него. История и время жестокая вещь. Она стирает самое дорогое — память о родных. Их мысли, их лица и даже их дела... вот только потомки, если кто успел... И если эти потомки сумели выжить.

— Да здесь он. — Никодим рывком извлек медальон из-под одежды. — Вот!

Все дружно склонились над маленьким портретом.

— Это Илья, — подтвердил старик.

— Чего ты ждешь? — спросила Кошка. — Плюй!

— Ага, щас... — Никодим намочил палец в кофе, на секунду застыл в нерешительности, а затем коснулся медальона.

Несколько секунд ничего не происходило, но потом изображение медленно поплыло. Никодим обмакнул палец еще раз... Портрет растворился, и под ним проступили микроскопические буквы и цифры.

— Нужен увеличитель, — заключил Алексей Вячеславович.

— Я сейчас, — проговорила Катя, вставая со своего места. Она хлопнула дверью, и ее быстрые шаги затихли в конце коридора. Пока ее не было, Никодим пытался разглядеть надписи.

— Тут какие-то формулы... точно формулы... очень мелко, в три строчки.

— Формулы? — встрепнулся старик. — Это то, что надо. Не подвел Илья.

— Вот лупа! — торжественно объявила вернувшаяся Катя. — У Галины нашла.

Увеличительное стекло мгновенно перекочевало в руки Никодима.

— Да, формулы, — еще раз подтвердил он, — только я в них ничего не понимаю.

— Дайте-ка сюда, — попросил Алексей Вячеславович, — я понимаю...

Ему передали и лупу, и медальон. Он долго изучал письмена из далекого сорок первого и наконец устало откинулся на спинку стула.

— Это формулы вакцины.

Народ просиял.

— Я верил... я знал, что Илья гений! — Старик едва не прослезился. — Это совершеннейшее чудо, что тебе, Никодим, удалось сохранить эту реликвию.

— Да-а-а, — протянул Никодим, — надо было мне, дураку, раньше портрет отсканировать.

— Так что, мы теперь спасены? — робко, чтобы не вспугнуть удачу, спросила Катя.

— Теоретически — да, — ответил Алексей Вячеславович.

— Что это значит? — не выдержала Кошка.

— Для производства вакцины в достаточном количестве необходимы большие емкости, — спокойно произнес старик. — Система фильтрации, дезинфекции...

— Ну так в чем же дело? Надо звонить в министерство или еще куда-нибудь...

— Телефоны не работают, Интернет и мобильные уже тоже, — с досадой в голосе произнесла Галина. Она плотно прикрыла за собой дверь. — Извините меня. Я невольно подслушала ваш разговор...

Стас безразлично махнул рукой.

— Пустое. Присаживайтесь.

— Все равно надо что-то делать, — решительно настаивала Екатерина. — Должен же быть выход.

— Ага, — кивнул Стас, — еще бы знать, кому нужна эта вакцина? Сколько еще нормальных людей осталось в городе?

— Неважно! — резко возразила Кошка. — Сколько бы ни осталось — им надо помочь.

— Команда спасателей, блин... нам бы тут самим выжить.

— Прежде чем говорить о масштабах, необходимо произвести опытный образец, — выразил свой скепсис Алексей Вячеславович, — провести испытания... для этого подойдет любая, даже школьная лаборатория.

— У нас на седьмом этаже фармацевты сидят... — вставила Галина, — вернее, сидели. У них есть лаборатория.

— Можно глянуть? — заинтересовался Алексей Вячеславович.

— Конечно.

Однако им не удалось закончить разговор. Из коридора донесся шум. А потом кто-то крикнул:

— Атас!

Никодим, а следом и Стас мгновенно вылетели навстречу опасности.

— Что?

Впрочем, они уже и без подсказки заметили фигуру в кожаной косухе. Это был Ред. Он носился по длинному коридору авиакомпании «Взлет» и колотился во все двери. Парень был явно не в себе. В руке он сжимал какую-то железку, и, когда из одного офиса появился диспетчер компании, Ред с размаху ударил его по голове. Раз, другой...

Никодим было кинулся вперед, но Тойво опередил всех. Финн подскочил к пулемету, передернул затвор. Тут же рядом с ним опустился Сергей Сергеевич и придержал ленту. Пулемет хищно рывкнул, выплевывая в коридор короткую очередь. Реда откинуло на перегородку, и Тойво добавил еще одну очередь. Безумца практически размазало по стенке. Останки тела кляксой сползли на пол.

— Ты смотри, Тойво-пулеметчик, молодец! — не сдерживая эмоций, Никодим хлопнул финна по плечу.

— Хорошо! — Тот расплылся в довольной улыбке.

Стас, еще двое мужчин, а за ними и оба врача быстро направились к месту инцидента.

— Весело тут у вас, — раздался за спиной голос Кошки. — И часто здесь такое шоу?

— Три раза на дню, — отозвался Никодим, — но жить можно.

* * *

— На чем мы остановились? — спросил Никодим, деловито усаживаясь на кресло.

— На вакцине, — подсказала Катя.

— Лаборатория, — уточнил Алексей Вячеславович.

— На седьмом этаже... — напомнила Галина.

— Если все пройдет успешно, то потом все равно потребуется большое производство. — Старик принялся тщательно складывать бумаги на столе.

Никодим нахмурил лоб, прикрыл глаза ладонью.

— Пойдите. Я, кажется, знаю... — Он быстро подошел к висевшей на стене карте Питера и ткнул пальцем в один из районов города: — Вот здесь есть нужное оборудование.

Алексей Вячеславович надел очки, подошел к карте.

— А что здесь?

— Производство... — Никодим улыбнулся уголками губ. — Хорошее такое производство... у нас и машины для передвижения есть! И еще какие!

ЭПИЛОГ

Это был первый холодный день за всю ненормально теплую осень. Тепло, которое обычно было драгоценным подарком для жителей северо-запада, не избалованных ясными днями, сейчас проклинали. Особенно солдатики срочной службы, волей судьбы, а вернее отцов-командиров, отправленные на «чумовку», то есть охранять периметр закрытого города. Второй раз в истории Питер оказался в кольце блокады, только на этот раз завоеватели были ни при чем.

Когда ветер дул со стороны города, оттуда ощутимо тянуло запахом тлена, и солдаты облачались в костюмы биологической защиты. Парни не любили эти дежурства, несмотря на то что за них полагались увольнительные, дополнительный отпуск и много разных «пряников»... Однако солдатики все равно боялись.

Но сегодня был хороший день. Прохладный. Воздух был прозрачен и свеж, пах морской солью, и не нужно было париться в «скафандрах».

Прорваться через кордоны не часто, но пытались. Поодиночке и группами, так что солдаты не расслаблялись. Правда, в последнее время это были дисциплинированные граждане, которые пытались передать своим близким, что они еще живы. Они подъезжали на расстояние выстрела, оставляли на дороге конверт, придавив его чем-нибудь тяжелым, и отъезжали. У солдат был четкий приказ — послания питерцев сжигать, не прикасаясь. Но в патрулях считалось хорошим тоном, прежде чем выполнить приказ, развернуть послание, чаще всего это была короткая записка с именем и номером телефона или электронной почты, и скопировать, чтобы потом, после смены, передать по назначению. Так протянулась живая ниточка «от сердца к сердцу». И, конечно, ее немедленно окрестили «Дорогой жизни».

Молоденький солдатик задумчиво смотрел на дорогу и пытался считать, сколько еще осталось «чумовать» перед неизбежным карантинном и — вот счастье — внеочередным отпуском, когда на пустом шоссе показалась белая точка. Вернее, не так — белоснежная сверкающая точка. Она двигалась точно по осевой, врезалась со всеми правилами движения... хотя какие сейчас правила. Солдатик, большой фанат канала «Драйв» и преданный читатель «Пятого колеса», мгновенно, чуть ли не с расстояния в полкилометра, опознал широченную «морду» и зализанные обводы крутого итальянского гиперкара «Ламборгини-Мурсьелого». Челюсть парню пришлось придержать рукой. Он даже позабыл, что вооружен. Да и, положив руку на сердце, не смог бы он выстрелить и своей рукой изуродовать такой чудо. Наверное... Хотя, если бы вспомнил про трибунал за нарушение приказа во время чрезвычайного положения, то, может быть, и смог.

К счастью, проверять не понадобилось. Белоснежная красавица остановилась на положенном расстоянии. Оттуда вышел мужичок ничем не примечательного вида, невысокий, коренастый. В здорово потрепанном свитере и джинсах с ближайшего рынка. Помахал солдату рукой и, положив на обочину дороги пакет, придавил его монтажкой.

А потом развернулся и уехал.

Парень еще приходил в себя, когда из караулки показался его напарник.

— Письмо? — спросил он, натягивая резиновые перчатки. — Я слышал шум движка.

— И какого движка! Если бы ты видел, на чем сейчас мужик приезжал... — Солдатик мечтательно закатил глаза.

— Какая разница? Там, наверное, сейчас и «Роллс-Ройсы» бесхозные есть. Ездят на том, в чем бензин остался.

Пакет был необычный. Начать с адресата. Предназначен он был ни много ни мало «Господину Президенту Российской Федерации». Вот так, ни больше, ни меньше.

— У нас есть приказ: жечь, не прикасаясь, — напомнил солдат, восхищавшийся шикарной тачкой. — Не выполним — трибунал.

— Но это может быть что-то важное!

Наконец решили доложить командиру, и пусть он решает: у кого фуражка, той голове и болеть. Прошло почти два часа, прежде чем на той же дороге, но с другой стороны, подъехал

кортеж из большого, черного, как сапог, «УАЗ-Патриота» и машины, оборудованной почти всеми средствами биологической защиты. В УАЗе приехали сапер и кинолог с овчаркой, чей нос был натренирован на взрывчатку. Собачка первой подошла к пакету, сосредоточенно обнюхала его, вильнула хвостом и преспокойно вернулась к кинологу, показывая, что с ее, собачьей, точки зрения опасности нет. После друга человека пошли люди: сапер и врач. Наконец пакет был признан относительно безопасным и с соблюдением мер предосторожности вскрыт. Там оказался пластмассовый контейнер с какими-то биологическими образцами довольно неприятного вида, запечатанными почтовым сургучом, и колбами с бесцветной жидкостью. Колбы были заткнуты пробками и поверх залиты тем же самым сургучом. Сопроводительная записка была короткой: «Господин Президент, Петербург жив и борется. Группе ученых удалось разработать вакцину против вируса, ее эффективность подтверждена опытным путем. Формулы и образцы прилагаются».